

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФИЛОСОФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия
для студентов учреждений высшего образования
по специальности «философия»*

Учебное электронное издание

Минск, БГУ, 2024

ISBN 978-985-881-682-7

© БГУ, 2024

УДК 1:004(075.8)

ББК 87с51я73-1

А в т о р ы:

А. И. Зеленков (предисл., подп. 1.1), **В. В. Анохина** (подп. 1.2),
И. А. Барсук (подп. 1.3), **А. С. Комаровская** (подп. 1.4),
О. В. Новикова (подп. 1.5), **Ю. В. Дедолко** (подп. 2.1),
Н. К. Кисель (подп. 2.2), **О. Г. Шаврова** (подп. 2.3),
А. И. Екадумов (подп. 3.1), **О. В. Курбачёва** (подп. 3.2),
Е. В. Радевич (подп. 3.3), **А. С. Лаптёнок** (подп. 4.1),
Е. В. Хомич (подп. 4.2), **А. В. Барковская** (подп. 4.3),
О. А. Шершнёва (подп. 4.4), **Е. И. Янчук** (подп. 4.5)

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы (заведующий кафедрой
кандидат политических наук *Т. В. Лемешова*);
кандидат философских наук, доцент *Д. Г. Доброродный*

Философия в пространстве современных информационных технологий [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. О. В. Курбачёвой, О. В. Новиковой. – Минск : БГУ, 2024. – ISBN 978-985-881-682-7

Раскрываются актуальные тематические направления развития современной философии и приводится ряд методических разработок для преподавания философских дисциплин с использованием информационных технологий.

Для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальности «философия».

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше;
RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe Indesign

Редактор *Е. В. Демидова*. Дизайн обложки *В. П. Явуз*.

Технический редактор *В. П. Явуз*. Компьютерная верстка *Е. В. Анискевич*

Подписано к использованию 15.10.2024. Объем 1,8 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	8
1.1. Философия глобализации в ракурсе образовательного проекта	8
1.2. Философия инвайронментализма: предмет и основные направления.....	10
1.3. Бизнес и образование в контексте современной модели цикла социально-гуманитарных дисциплин	23
1.4. Обзор учебной дисциплины «Аналитическая парадигма современной философии»	27
1.5. Философия города: философские аспекты урбанистики как учебной дисциплины.....	33
2. ФИЛОСОФИЯ И ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.....	41
2.1. Социально-гуманитарное познание в контексте постнеклассической рациональности	41
2.2. Постакадемическая наука: метаморфозы становления и развития	51
2.3. Управление на основе ценностей и философия Agile.....	60
3. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ.....	69
3.1. Нарративный плюрализм: конкуренция культур и реванш Просвещения.....	69
3.2. Этнические стереотипы как предмет философского осмысления	75
3.3. Культурно-информационное пространство в эпоху цифровых технологий	84
4. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.....	92
4.1. Человек в системе социальных связей в условиях цифровизации	92
4.2. Философия сознания.....	98

4.3. Социализация личности: плюрализм интерпретаций	108
4.4. Реконструкция одномерного человека в условиях информационной реальности	121
4.5. Философская рефлексия над феноменом коммуникации: основания коммуникативного поворота в европейской философии	131
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	139

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социокультурные реалии XXI в. существенно трансформируют традиционные приоритеты философских исследований. Все более востребованными становятся комплексные трансдисциплинарные разработки в сфере науки, культуры, образования. Данная тенденция инициирует создание таких философских и философско-методологических проектов, в которых центральными становятся социально-практические и гуманитарно-образовательные цели и задачи.

Предлагаемое издание, разработанное коллективом кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета – одного из ведущих структурных подразделений в сфере социально-гуманитарного образования, нацелено на развитие и актуализацию знаний студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей в области современной философии.

Одной из причин создания данного учебно-методического пособия стала необходимость осмысления внедрения современных информационных технологий в практику преподавания философских дисциплин. На кафедре регулярно проводятся заседания методологического семинара, где обсуждаются проблемы использования различных цифровых платформ и мультимедийных технологий в процессе преподавания как базового курса философии для студентов университетов, так и спецкурсов философской направленности, ориентированных на различные аудитории и варианты коммуникативных практик, а также вопрос о приемлемости и эффективности практики использования разнообразных презентаций и возможностей визуализации излагаемого материала в процессе преподавания философских курсов и спецкурсов.

Известно, что указанные проблемы являются предметом оживленных дискуссий в профессиональном сообществе преподавателей, в особенности гуманитарных и философских кафедр и факультетов. В коллективе авторов – специалистов кафедры философии и методологии науки – также существуют разные мнения относительно этой проблемы, что объясняется ее очевидной сложностью и неоднозначностью. Известным фактом является то, что преподавание философии в классических университетах традиционно базировалось на изучении канонических текстов и сочинений, которые рассматривались как наиболее референтные источники знаний по философии в ее исторической и теоретической транскрипциях. При этом основу профессиональной философской коммуникации составляли устный дискурс и вербальное общение с аудиторией. Письменные философские тексты воспринимались, как правило, в качестве необходимой концептуально-

содержательной основы для историко-философских реконструкций и теоретических дискуссий по важнейшим разделам и проблемам философского знания.

В современных условиях фронтальной цифровизации и активного использования фото- и видеоматериалов в различных областях человеческой деятельности формируется радикально новая среда взаимодействия человека и информации. Не остается в стороне от этого процесса и сфера образования. Здесь также начинают использоваться современные информационные и коммуникационные технологии, разнообразные компьютерные платформы и ресурсы глобальной сети Интернет. Очевидно, что философия оказывается в новой для себя ситуации – необходимости адаптации к вызову фронтальной цифровизации и освоения онлайн-технологий преподавания. Пандемия COVID-19 обозначила этот вызов как безальтернативную стратегию повсеместного использования технологий онлайн-образования, в том числе и в сфере философии.

Стоит отметить, однако, что активное использование онлайн-технологий и визуализация значительной части материала лекций и семинарских занятий по философии не решают, а лишь обостряют проявление данной проблемы. Ведь тем, кто имеет достаточный опыт преподавания, хорошо известна истина: глубинная семантическая контекстуальность философских текстов требует использования апробированных веками форм и методов непосредственного устного общения преподавателя со своими слушателями. Именно в таком общении появляется реальная возможность воспроизвести тончайшие нюансы подлинного смысла философских идей и категорий, обозначить контуры их различных интерпретаций.

Вместе с тем преподавание философии не может оказаться вне современных тенденций надвигающейся цифровой революции, рискуя превратиться в архаическую практику использования только вербальных возможностей общения с аудиторией. Осознание этого противоречия и стало причиной создания коллективом кафедры философии и методологии науки собственной версии использования современных информационных технологий, и в частности представления части преподаваемого материала в форме презентаций для того, чтобы сделать материал понятным и доступным аудитории.

Основой учебно-методического пособия стали материалы философских курсов и спецкурсов, которые в разные годы были прочитаны преподавателями кафедры как студентам специальности «философия», так и студентам, магистрантам и аспирантам других специальностей Белорусского государственного университета.

Отличительной особенностью издания является попытка предложить такие формы учебного материала, в которых его визуальные компоненты не заменяют, а органично дополняют основное содержание лекций и семинаров по избранной философской тематике.

Учебно-методическое пособие включает четыре раздела, а также приложения с презентациями изложенного материала. Первый раздел посвящен специфике преподавания современных философских дисциплин в системе высшего образования: философии глобализации, инвайронментализма, бизнеса, урбанистики и др. Проблематика второго раздела связана с местом и статусом философии в контексте актуальных трендов научного познания: доминанты постнеклассической рациональности и становления постакадемической науки. В третьем разделе рассматриваются философские аспекты развития современной культуры: динамика культурно-информационного пространства в эпоху цифровых технологий, проблемы диалога культур и т. д. Четвертый раздел посвящен актуальной философско-антропологической проблематике и включает рассмотрение проблем человека, сознания, социализации, коммуникации.

В целом за многолетнюю историю своего существования кафедра философии и методологии науки неоднократно подтверждала репутацию известного не только в Беларуси, но и во многих странах мира научно-исследовательского центра в сфере философии и методологии науки. Значительны достижения и результаты кафедрального коллектива и в области разработки научно-методического обеспечения учебного процесса на всех стадиях и уровнях философского образования. На кафедре подготовлены и изданы десятки учебников, учебных и учебно-методических пособий по различным разделам и направлениям как классической, так и современной философии не только для студентов философских и нефилософских специальностей, но и для магистрантов, аспирантов, докторантов.

Таким образом, представляя читателям это издание, авторы в полной мере осознают дискуссионный характер предлагаемой версии понимания и интерпретации актуальных проблем в сфере методики преподавания философии и философских знаний. Это означает, что мы открыты для обсуждения и дискуссий, с благодарностью примем отклики, замечания и конструктивную критику, направленную на достижение той истины и оптимальной меры, которые удовлетворят как преподавателей философии, так и их слушателей в самых различных аудиториях.

1. ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

1.1. Философия глобализации в ракурсе образовательного проекта

Одной из специфических особенностей социально-гуманитарных исследований конца XX – начала XXI в., ориентированных на осмысление парадоксов современной социодинамики, является очевидная лидирующая роль проблем глобализации. Данный феномен стал причиной экспоненциального роста публикаций по этой проблематике, выполненных в различных жанрах и исследовательских традициях. В настоящее время существует множество интерпретаций понятия «глобализация», которое стало одним из самых популярных терминов не только в науке, но и в различных сферах культуры последних десятилетий. Отмечая это обстоятельство, авторитетный эксперт в области исследования глобализации немецкий социолог У. Бек пишет: «Глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым, и наименее проясненным... непонятным, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет, и останется таковым в ближайшее время»¹. Единую с ним точку зрения высказывает известный польский экономист и общественный деятель Г. В. Колодко: «Редко какое понятие сделало такую карьеру, как “глобализация”. За время нашей жизни это, бесспорно, самый популярный термин, описывающий в самом широком – во всемирном измерении быстро меняющуюся действительность»². Большинство авторов объясняют понятие глобализации в значении, скоррелированном с его этимологическим контекстом, предполагающим нечто всеобщее, всемирное, общезначимое (З. Бауман, Э. Гидденс, М. Г. Делягин, Дж. Сорос, Р. Робертсон, А. И. Уткин, Ю. В. Яковец и др.). На первый взгляд в такой интерпретации нет ничего кардинально нового и специфического для современной эпохи, поскольку еще А. де Сен-Симон писал о неизбежном сближении европейских народов, просвещенных гуманистической философией и стремящихся создать универсальное государство. Известно, что свои идеи он популяризировал в периодическом издании *The Globe*. Тем не менее, сохраняя семантический инвариант понятия «глобализация», практически каждый автор предлагает свою оригинальную дефиницию.

Феномен глобализации остается очевидным приоритетом исследований в широком диапазоне форм и жанров его осмысления и интерпрета-

¹ Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 40.

² Колодко Г. В. Мир в движении. М. : Магистр, 2011. С. 126.

ций. Однако в потоке специальной и научно-популярной литературы, посвященной рассмотрению феномена глобализации, преобладают работы экономической и политологической направленности. Вместе с тем исследований, претендующих на философское осмысление данного феномена, явно недостаточно. По этой же причине наблюдается определенный дефицит работ и изданий, призванных адаптировать такую широко обсуждаемую тематику, как глобализация, к задачам учебного процесса в его философской и социально-гуманитарной транскрипции.

Взгляды на феномен глобализации разнообразны и противоречивы. С одной стороны, глобализация, как никакой другой процесс социальных изменений, удостоилась позитивных оценок. В настоящее время идея глобального мира претендует на роль одной из самых конструктивных и реальных программ современной социодинамики. Ее приверженцы не устают повторять, что глобализация беспрецедентно ускоряет экономическое развитие, способствует упрочению мира и развитию демократии, инициирует становление идеологии солидарности. По их мнению, благодаря глобальному капитализму мир переживает небывалый подъем благосостояния. Например, только за последние десятилетия более 35 млн жителей Бразилии пересекли черту бедности и пополнили ряды среднего класса. В Индии значительно увеличился доход граждан и сократилось количество нищих. Качество жизни большого числа жителей развивающихся стран и регионов мира постоянно улучшается, сокращается уровень смертности, развиваются современные медицина, системы образования и социального обеспечения. Все эти достижения нередко воспринимаются и оцениваются как подлинное «чудо глобализации».

С другой стороны, немало и таких оценок, в которых глобализация рассматривается в негативном контексте. Ее обвиняют в росте безработицы, инфляции, в разрушении механизмов этнической и культурной идентичности, что приводит к конфликтам и нарастанию хаоса в мировом сообществе. Западный вектор идеи глобального мира, теоретически и идеологически обоснованный в неолиберальной модели «Вашингтонского консенсуса», оказывается неизбежно связанным с феноменами гипертрофированного индивидуализма, ощущения отчужденности человека от общества, его бессилия перед лицом репрессивной информационной мегасистемы и современных манипулятивных медиатехнологий. Во многом это объясняется специфической для глобализма установкой на дискредитацию традиций и апологию инновационных стилей жизни. Такие процессы фронтального социокультурного кризиса, инициированные экспансией западных моделей развития и ценностей глобализма, естественным образом приводят к тому, что не только страны так называемого золотого миллиарда, но и различные региональные и субрегиональные объединения азиатских, африканских,

латиноамериканских и других государств обоснованно претендуют на самостоятельное видение перспектив развития в рамках иных моделей глобализации, радикально отличающихся от ее неолиберальной версии.

Вместе с тем неолиберальная программа «Вашингтонского консенсуса», обусловившая перманентное нарастание конфликтов и противоречий в процессе глобальной трансформации современного миропорядка, стимулировала и очевидную трансформацию дискурса глобализации, существенную смену ее социальных оценок. Эта трансформация проходит характерный путь: от социально-оптимистических версий к более рефлексивному этапу ее оценок и исследовательских ориентаций и далее к радикально-критическим оценкам данного процесса с фиксацией очевидных дивергентных тенденций в его современном разворачивании.

В настоящее время не два голоса – Востока и Запада, а множество голосов различных культур претендуют на то, чтобы быть услышанными и понятыми. Кроме того, эта полифония культуры не только одно из определяющих проявлений плюралистичности и мозаичности современного мира, но и продуктивное условие для создания своеобразного эффекта культурного резонанса, в пространстве которого будут вызревать и формироваться принципиально новые системы ценностей и мировоззренческих ориентаций.

Процесс глобализации помещает большинство современных социумов в состояние так называемого фазового перехода. Как правило, характерными особенностями такого перехода являются нелинейность, нестабильность, транзитивность, а метаморфозы глобализации наглядно демонстрируют эти особенности. Наряду с очевидными достижениями в сфере экономического и социально-политического развития современного мирового сообщества она погружает его в состояние хаоса абсолютно не синергетической природы. Перманентное нарастание нестабильности современного миропорядка и эскалация кризисных ситуаций в экономике, политике, культуре, международных отношениях, экологические и климатические аномалии, все более осязаемые перспективы продовольственного кризиса и дефицит основных ресурсов, а затем угасающая пассионарность западной цивилизации представляют собой неотъемлемую реальность эпохи глобализации.

1.2. Философия инвайронментализма: предмет и основные направления

Парадигма инвайронментализма в современной философии

Инвайронментализм как особая мировоззренческая ориентация современной культуры и парадигма экологического сознания базируется на совокупности философско-мировоззренческих концепций, экологических учений

и зеленых общественных движений, которые выступают за сохранение и улучшение качества окружающей среды, защиту природных ландшафтов и естественных биоеценозов от разрушительных последствий хозяйственной деятельности человека, за охрану дикой природы, самоценность всех форм жизни и природных экосистем вне зависимости от их практического (экономического, социального) значения для общества и интересов человека.

Так, согласно интерпретации китайской исследовательницы С. Вонтень, философия инвайронментализма изучает моральные отношения между людьми и природой, а также моральный статус и внутреннюю (независимую) ценность окружающей среды, включая ценность тех существ и природных объектов (явлений), которые в совокупности составляют ее содержание¹. Несмотря на то что такое понимание предметной области во многом редуцирует проблемное поле философии инвайронментализма к предмету экологической этики, следует отметить, что эти две философские дисциплины нельзя отождествлять, поскольку экологическая этика является нормативной дисциплиной, в то время как экологическая философия ищет ответ на вопрос «Каков источник экологических ценностей?». Исследовательница также обсуждает основания (рационально-дискурсивные и аксиологические) тех норм и принципов, которые не только определяют прикладные аспекты этического знания, но и регулируют деятельность человека по изменению окружающей среды.

В фокусе внимания философии инвайронментализма находится проблема отношений человека и природы. Наиболее общее ее понимание влечет за собой широкий круг мировоззренческих вопросов, отвечая на которые, философия инвайронментализма затрагивает основные структурные части философского знания: метафизику и онтологию, эпистемологию, антропологию, социальную и политическую философии, этику, эстетику и др. Все разновидности современного философского дискурса так или иначе обсуждают вопрос взаимодействия человека с окружающей природной и социокультурной средой, что существенно расширяет проблемное поле философии инвайронментализма, заставляет постоянно переосмысливать само понятие «окружающая среда».

Как отмечает Ф. Мэтьюз, философия инвайронментализма рассматривает не только сложившиеся в культуре образы природы, их философские и научные интерпретации, но также исследует представления о ценности

¹ См.: *Wanting Xu*. Environmental Philosophy [Electronic resource] // Encyclopedia of education for sustainable development (EESD) / University of Hong Kong, 2018. URL: <http://www.encyclopediasd.com/blog-1/2018/10/19/environmental-philosophy> (date of access: 15.05.2024).

природных явлений и населяющих природу живых существ, о правах природы, о том, как люди должны и могут жить в природной среде и в какой степени природный мир Земли преобразован и трансформирован человечеством, включая то, как он вовлечен в нашу идентичность¹.

Эпистемологический срез философии инвайронментализма изучает то, как мы познаем, понимаем и интерпретируем природу, как разные эпистемологии раскрывают различные аспекты взаимосвязи природного и социокультурного бытия, выявляют множественные грани нашего восприятия и оценки природных явлений и процессов. Экологические исследования также пересекаются с другими социально-гуманитарными дисциплинами, например с экологической социологией, культурной экологией, этнопсихологией, экологической политикой и т. д.

Понятие «окружающая среда» в экологической философии давно перестало ассоциироваться исключительно с природными экосистемами Земли, оно включает в свое содержание все многообразие искусственных ландшафтов, культурных феноменов, социальных структур и институтов, социотехнических процессов и подсистем, среди которых мы существуем в биосфере – глобальной, сложноорганизованной социоприродной системе. Современная философия инвайронментализма вышла далеко за границы первоначального понимания окружающей среды как исключительно природной, биофизической среды обитания. Она изучает все многообразие связей и отношений в системе «человек – общество – природа».

Истоки и специфика инвайронментальной парадигмы

Начало инвайронментальной философии принято искать в экологическом дискурсе середины XX в. По этой причине большинство представителей современного инвайронментализма в качестве предшественников данной парадигмы называют Р. Карсон («Безмолвная весна»), А. Леопольда («Дневник Песчаного графства», «Этика Земли»), Л. Уайт («Исторические корни нашего экологического кризиса»), Б. Коммонера («Замыкающийся круг», «Технология прибыли»), М. Букчина («Наша синтетическая среда»). Так, именно с 1960-х гг. начинают формироваться два значимых направления в структуре экологических общественных движений: европейский социал-демократический инвайронментализм, базирующийся на идеях экологического анархизма М. Букчина и платформе глубинной экологии норвежского философа А. Нэйсса, и американский консервационизм, связанный с первыми докладами Римскому клубу, идеями «пределов роста»

¹ См.: *Mathews F. Environmental Philosophy // History of Philosophy in Australia and New Zealand: Reference work / ed.: G. Oppy, N. N. Trakakis. Springer Dordrecht, XV, 2014. P. 543–544.*

Д. и Д. Медоуз, а также с идеологией американских общественных экологических движений, институционализированных благодаря усилиям А. Леопольда, президента США Т. Рузвельта, вице-президента США А. Гора и других известных политических и общественных деятелей.

Мировоззренческие предпосылки философии инвайронментализма уходят своими корнями в средневековую культуру, перекликаясь с античными философскими идеями и религиозным подвижничеством святого Франциска Ассизского. Инвайронментализм позиционируется как альтернатива проекта модерна. Известно, что философия модерна опиралась на два ключевых принципа: метафизического дуализма, из которого следуют механистический детерминизм и инструментализация природы в онтологических концепциях новоевропейской философии, и автономии субъекта, который обусловил доминирование антропоцентризма и утилитаризма в понимании статуса и роли человека в мире. Ценностные ориентации философии модерна основываются на следующих положениях:

- Вселенная – это совершенный часовой механизм, идеальная машина, созданная Богом и подчиняющаяся законам классической механики;
- все естественные процессы и явления, включая феномен жизни, можно объяснить совокупностью материальных и действующих причин, не прибегая к конечным причинам. Данные причины восходят к Богу, а Бог пребывает за пределами природы, он супранатурален. Неслучайно знаменитый немецкий математик и астроном XVI в. И. Кеплер считал своей целью исследование физических причин, подчеркивая, что в своих изысканиях он стремится показать, что небесная машина уподоблена не божественному организму, а, скорее, часовому механизму;
- сферы ответственности науки и религии должны быть разделены. Религия призвана совершенствовать духовность человека, развивать его нравственность, а не формировать картину мира, что является компетенцией науки. Другими словами, религия из доминирующего типа мировоззрения в системе культуры модерна трансформируется в инструмент моральной регуляции и политического управления, обретает инструментальный характер;
- утверждается, что разум и материя являются метафизически отдельными, независимыми друг от друга субстанциями. Мыслящая субстанция как основание природы человека является гарантом автономии его воли и самосознания. Свойством рациональности объявляется свободная воля человека, позволяющая ему как существу разумному избежать причинной детерминации посредством познания тех законов, которым подчиняется мироздание. (согласно изречению Б. Спинозы: «Свобода есть познанная необходимость»);
- свобода управлять своими действиями дает каждому человеку внутреннюю цель, а следовательно, внутреннюю ценность. Животные не обладают

разумом, поэтому не имеют внутренней ценности. Их цели носят внешний характер. Источник целенаправленности природных процессов, таких как рост и размножение, не является внутренним, а связан с внешней целесообразностью, с Божественным планом творения или с действием механических (материальных) причин.

Таким образом, философия модерна метафизически обосновывала проект антропоцентристской утилитарной этики, в рамках которой только человек обладает независимой внутренней ценностью и может рассматриваться в качестве субъекта моральных поступков и нравственных отношений. Природа, все ее явления, предметы и существа лишены внутренней ценности. Природный мир может рассматриваться как поле реализации человеческих интересов, объект воздействия, эксплуатации, обладающий инструментальной, прагматической ценностью, источником которой являются интересы и потребности людей.

Инвайронментализм начал формироваться в недрах классической философии, оспаривая эти установки проекта модерна. В произведениях и письмах американского писателя Г. Д. Торо, в философии романтизма, американского и немецкого трансцендентализма (Р. У. Эмерсон, И. Гердер, Ф. Шлейермахер и др.), в религиозной философии П. Тейяра-де-Шардена, в первых экологических концепциях естествознания конца XVIII – начала XX вв. (К. Линней, Ж. Бюффон, С. П. Крашенинников, Ж.-Б. Ламарк, Ч. Дарвин, К. Ф. Рулье, Н. А. Северцов, В. В. Докучаев, Э. Зюсс, Э. Геккель, В. И. Вернадский и др.) оформляются философские и научные основания новой картины мира, базирующейся на принципах холизма, эволюционизма, идеи тесной взаимосвязи и взаимозависимости природного, социального, человеческого измерений бытия.

Становление современной философии инвайронментализма произошло в 1960–70-е гг. Новая инвайронментальная парадигма, пришедшая на смену парадигме индустриализма, характеризуется тем, что человечество не рассматривается как исключительный вид, а представляется одним из многих не менее ценных видов живых существ на Земле. Деятельность человека определяется окружающей средой, а также социальными и культурными факторами, люди, в свою очередь, сильно зависят от окружающей среды и ее ресурсов¹.

Особенность прежней социальной парадигмы (англ. *Dominant Social Paradigm, DSP*) точно выразил Р. Е. Данлэп, назвав ее парадигмой человеческого эксцессионализма (англ. *Human Exemptionalism Paradigm, HEP*)².

¹ Park C. New Environmental Paradigm (NEP) // A Dictionary of Environment and Conservation. Oxford University Press, 2012. P. 271.

² Dunlap R. E. Paradigmatic Change in Social Science from Human Exemptions to an Ecological Paradigm // American Behavioral Scientist. Vol. 24, № 1. P. 5–7.

По сути, речь идет об антропоцентризме проекта модерна, основой которого стали четыре столетия интенсивного развития западной цивилизации. Благодаря успешной модернизации в европейском менталитете прочно укоренилось восприятие человека как центра мироздания, вершины пирамиды жизни на Земле. Одновременно с переходом к современному обществу росла уверенность людей в непобедимости научно-технического прогресса, который обеспечивает экономический рост и благополучие западных стран за счет технологических инноваций, имперской экспансии и эксплуатации ресурсов. В результате прежняя социальная парадигма опиралась на идею исключительной адаптивности человеческого рода, который благодаря культуре обладает неограниченными возможностями цивилизационного развития, поскольку экологические ограничения и ресурсные пределы можно обойти за счет собственной изобретательности и способности к конструктивной социальной и производственно-технической деятельности.

Парадигмальный сдвиг сознания проявляет себя в формировании нового мировидения, согласно которому все в универсуме связано со всем, люди вплетены во взаимозависимое биологическое сообщество, составляют его органическую часть, а не управляют им. Новое экологическое мировоззрение предполагает, что из-за всеобщей взаимосвязи действия человека могут вызвать непреднамеренные и непредсказуемые последствия. Кроме того, утверждается наличие физических и биологических ограничений развития цивилизации, вещественно-энергетических, экологических и структурных пределов, которые сдерживают прогресс общества. Главное, что эоцентрический поворот в картине мира современного человечества связан с представлением о внутренней ценности природы и всех форм жизни на планете Земля.

Согласно Р. Е. Данлэпу, новая экологическая парадигма отличается от доминирующей социальной парадигмы рядом противоположных утверждений¹ (таблица).

**Параметры различия мировоззренческих парадигм
по Р. Е. Данлэпу (2002)**

Доминирующая социальная парадигма	Новая экологическая парадигма
Люди имеют право изменять природную среду в соответствии со своими потребностями	Мы приближаемся к пределу количества людей, которые может прокормить Земля

¹ New trends in measuring environmental attitudes: Measuring endorsement of the new ecological paradigm: A revised NEP scale / R. E. Dunlap [et al.] // J. of Social Issues. Vol. 56, № 3. 2002. P. 433.

Доминирующая социальная парадигма	Новая экологическая парадигма
Человеческая изобретательность гарантирует, что мы не сделаем Землю непригодной для жизни	Когда люди вмешиваются в природу, это часто приводит к катастрофическим последствиям
Земля обладает множеством природных ресурсов – мы просто научимся их разрабатывать	Люди серьезно злоупотребляют окружающей средой
Баланс природы достаточно силен, чтобы справиться с воздействием современных индустриальных стран	Растения и животные имеют такое же право на существование, как и люди
Так называемый экологический кризис, с которым сталкивается человечество, сильно преувеличен	Несмотря на наши способности, люди по-прежнему подчиняются законам природы
Люди должны были управлять остальной природой	Земля похожа на космический корабль с ограниченным пространством и ресурсами
Со временем люди узнают достаточно о том, как устроена природа, чтобы иметь возможность контролировать ее	Баланс природы очень тонок и легко нарушается. Если дела пойдут тем же курсом, мы скоро переживем серьезную экологическую катастрофу

Современная философия инвайронментализма: основные течения и направления

Философия инвайронментализма популярна во многих университетах и научно-исследовательских центрах мира. Она представляет собой совокупность разнообразных философских концепций, этических учений, политических и социальных программ, объединенных общими ценностями и альтермодернистским пониманием будущего. Как человек должен относиться к миру природы? Чем мы обязаны другим людям, включая будущие поколения, когда дело касается окружающей среды? Какими правами обладают животные, виды, экосистемы, и как можно обеспечить соблюдение этих прав, радикально не ущемляя права и интересы человека? Стремясь найти ответы на эти и другие вопросы, экологическая философия XXI в. затрагивает проблемы самоценности природы, ее сохранения и восстановления, перехода к устойчивому развитию, экологической справедливости и предотвращения экологического расизма, а также экофеминизма, изменения климата, зеленой экономики и экологической политической теории, этики технологий и экологического активизма. Среди современных представителей философии инвайронментализма можно выделить таких исследователей,

как М. Циммерман, Дж. Калликот, Дж. Кларк, П. Сингер, Т. Риган, Т. Берри, Г. Глассер, Э. Рэнкин, К. де Лаплант и др.

Для философии инвайронментализма характерны три базовых подхода к пониманию экологических проблем: системный подход, посредством которого осуществляется структурирование взаимодействий и взаимосвязей между различными частями окружающей среды; междисциплинарная перспектива – методологическая установка, обеспечивающая отстранение от индивидуализирующего предметного фокуса с целью изучения широкой перспективы сложных взаимосвязей и разнообразия окружающей среды; глобальная перспектива, которая позволяет видеть общепланетарные закономерности эволюции социобиосферного комплекса, выделять глобальные контрасты в социально-экологической ситуации разных регионов планеты, фиксировать локальные экологические практики, направленные на повышение качества окружающей среды и минимизацию экологических рисков¹.

К. де Лаплант, обосновывая наличие в структуре инвайронментализма определенного теоретического ядра – экологической концепции, полагает, что основные дискуссии в рамках этой парадигмы концентрируются вокруг следующих проблем: «1. Есть ли у людей моральные обязательства по защите и сохранению окружающей среды? Если да, то что это такое, и кому или чему они принадлежат? Насколько оправданы такие обязательства? 2. Каковы коренные причины современных взглядов и практик в отношении окружающей среды, и как мы можем их изменить?»² Разные ответы на данные вопросы порождают множество направлений современной инвайронментальной философии.

Так, профессор Университета Колорадо в Боулдере М. Циммерман разделяет философию инвайронментализма на три категории: антропоцентрический реформизм, экологическая этика и радикальная экология³. Рассмотрим данные категории более подробно.

1. *Антропоцентрический реформизм.* Антропоцентрический характер реформистских стратегий вытекает из того факта, что в их основе лежат интересы человечества, направленные на повышение качества окружающей среды. Угроза глобальной экологической катастрофы и непредсказуемого изменения климата ставит человечество перед необходимостью изменить

¹ Park C. The Environment. Principles and Applications. 2th ed. L. : Routledge, 2001. P. 3–79.

² de Laplante K. Can You Teach Environmental Philosophy Without Being an Environmentalist? // Worldviews: Global Religions, Culture, and Ecology. 2004. Vol. 8, iss. 2–3. P. 198.

³ Environmental Philosophy: From Animal Rights to Radical Ecology: Anthology / ed. by M. E. Zimmerman [et al.]. Third ed. Upper Saddle River, N. J : Prentice-Hall, 2001. P. 2–6.

направления развития техногенной цивилизации и попытаться внедрить ее материальные и социальные технологии в структуру и динамику биосферных процессов. «Антропоцентризм считает, что люди являются наиболее значимой сущностью во Вселенной. Таким образом, природа имеет для нас только инструментальную ценность, и всеми природными ресурсами следует управлять на благо людей, даже если эта цель может быть достигнута за счет интересов других видов»¹, – отмечает С. Вонтень. Под экологическим реформизмом понимается также философия устойчивого развития в различных версиях – от идеи ноосферогенеза до концепции коэволюции общества и природы, от стратегии «нулевого роста» и образов экологически оптимального посткапиталистического будущего до моделей зеленой экономики, зеленого капитализма и зеленого роста и т. п.

2. *Экологическая этика*. Представляет собой философское учение о нравственных отношениях человека с природой, основанных, как утверждает В. Е. Борейко, на восприятии природы как члена морального сообщества, морального партнера (субъекта), на признании равноправия и равноценности всего живого, понимании необходимости ограничить права и потребности человека². Российская исследовательница В. Е. Ермолаева следующим образом определяет ее предмет: «Экологическая этика (энвайронментальная этика, англ. *environmental*, от *environment* – окружающая среда) – направление философских исследований, в котором в качестве моральных проблем человека рассматриваются не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо будущих людей, домашних животных и других форм жизни. Возникшая как ответ на вызов глобальных угроз современности, прежде всего экологического кризиса, экологическая этика предлагает ценностную переориентацию сознания в духе уважения и любви к природе, отказа от преобладающей ныне потребительской установки общества»³.

Авторы Стэнфордской философской энциклопедии отмечают, что данному философскому учению присущи следующие черты: отказ от антропоцентризма, заложенного в традиционном западном этическом мышлении; связь с глубинной экологией, феминистской инвайронментальной этикой, социальной экологией и экологической политикой; попытка применить

¹ *Wanting Xu*. Environmental Philosophy [Electronic resource]. URL: <http://www.encyclopediasd.com/blog-1/2018/10/19/environmental-philosophy> (date of access: 15.05.2024).

² *Борейко В. Е.* Экологическая этика в вузе : учеб. пособие. Киев : Киев. эколого-культур. центр, 2004. С. 5.

³ *Ермолаева В. Е.* Экологическая этика [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия / Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3f7ff0b8f3c024882c7d3> (дата доступа: 15.05.2024).

традиционные этические теории, включая консеквенциализм, деонтологию и этику добродетели, для анализа современных экологических проблем; сохранение биоразнообразия планеты рассматривается как этическая цель; беспокойство по поводу защиты дикой природы, сохранения биоразнообразия планеты, состояния искусственной среды и политики бедности; интерес к этическим проблемам устойчивого развития и изменения климата и др.¹.

Выделяя предпосылки становления экологической этики, можно отметить следующие эссе: «Изучение новой этики для выживания» Г. Хардина и «Этика земли» А. Леопольда (например, в данном эссе автор прямо заявил, что корни экологического кризиса необходимо искать в ценностных основаниях западной культуры). Важную роль в развитии экологической этики сыграла также гуманистическая концепция «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.

Задача экологической этики в первую очередь заключалась в том, чтобы обозначить моральные обязательства человека перед лицом природы, разрушаемой его деятельностью. Институционализация этой дисциплины стала возможной благодаря серии журналов. Первые международные академические журналы в области экологической этики появились в Северной Америке в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Это американский журнал *Environmental Ethics* (1979), а также канадские журналы *The Trumpeter: Journal of Ecosophy* (1983) и *Environmental Ethics* (1992).

Проблемное поле экологической этики в настоящее время представлено рядом относительно самостоятельных направлений, таких как антропоцентризм, биоцентризм, экоцентризм. Актуальные течения в развитии экологической этики рассматривают Дж. Бэйрд Калликот и Д. Уорстер, отталкиваясь от нового понимания экологической реальности, которое обязано своему появлению идеям «потока» и «хаоса». Как отмечает Д. Уорстер, с позиций хаоса менее целесообразно определять здоровье экосистемы как стабильность². Наблюдателям не следует систематически рассматривать нарушения и стохастические эффекты в динамике экосистем как нежелательные и вредные.

Начиная с 1970-х гг. экологические исследования стали отходить от принципов, которые определяли понимание экосистем в середине XX в. В работе американского ученого Ю. Одума показано, что экология в первой половине прошлого века вращалась вокруг понятий стабильности и гармонии. В настоящее время это видение естественных, равновесных и не нару-

¹ Brennan A., Norva Y. S. Lo. Environmental Ethics [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/Archives/Win2004/entries/ethics-environmental/> (date of access: 15.05.2024).

² Worster D. The Ecology of Order and Chaos (Chapter) // *Wealth of Nature: Environmental History and the Ecological Imagination* / by Donald Worster. N. Y. : Oxford University Press, 1993. P. 164.

шенных человеческой деятельностью самовоспроизводящихся экосистем поставлено под сомнение. Оно заменено экологией возмущений и парадигмой потока природных процессов. Таким образом, изменения и разрушения, а не стабильность и гармонию, следует воспринимать как движущую силу экосистем¹.

3. *Радикальная экология*. Говоря о данной категории, М. Циммерман подразумевает глубинную экологию, социальную экологию и экофеминизм. Эти теории являются радикальными, поскольку они утверждают, что нашли источник экологических проблем, и пытаются способствовать социальным изменениям и сдвигам парадигм экологического мышления.

Известный норвежский философ А. Нэйсс ввел различие терминов «глубинная» и «поверхностная» экологии, чтобы сопоставить то, что он считал двумя противоположными подходами к анализу современных экологических проблем. Согласно его пониманию, целью «поверхностной экологии» как общественного движения является борьба с загрязнением и истощением ресурсов. «Глубинная экология» поддерживает биосферный эгалитаризм, защищает местную автономию и децентрализацию². Она стремится выявить причины экокультурной неустойчивости, в то время как «поверхностная экология» требует лишь скромных реформ, посредством которых «лечит» симптомы, но оставляет неизменной основную структурную причину экологических деформаций.

Социальная экология в транскрипции одного из ее основателей – М. Букчина – исходит из того, что причины современного экологического кризиса носят социальный характер, связаны с социальным неравенством и властными иерархиями, угнетением и несправедливостью, экономическим порядком в капиталистическом мире. Экофеминизм близок данной мировоззренческой ориентации, поскольку также исследует иерархию и доминирование в культуре, критикуя патриархат в этих иерархиях. Решение данных проблем должно зависеть от социальных движений. Капиталистическая система аморальна, поскольку она развивается любой ценой.

Так, профессор философии и влиятельная американская экофеминистка К. Дж. Уоррен считает, что существуют исторические, символические и теоретические связи между доминированием женщин и господством природы. Согласно позиции экофеминизма, динамика доминирования мужчины над женщиной является ключом к пониманию каждого конкретного феномена

¹ Odum E. Ecological Vignettes: Ecological Approaches to Dealing with Human Predicaments / 1-th ed. Routledge, 1998.

² Naess A. The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary // Inquiry: An Interdisciplinary J. of Philosophy. Vol. 16, № 1–4. P. 95–97.

патриархальной культуры с ее иерархическими, милитаристскими, механистическими и индустриалистическими формами. «Феминистская этика должна быть антисексистской, антирасистской, антиклассистской, антинатуристской и противостоять любому “изму”, который предполагает, или продвигает, логику доминирования»¹. Экофеминизм выступает за то, чтобы женщины играли важную роль в экологических движениях, поскольку таким образом они борются с самым корнем проблемы угнетения природы и женщин.

В отличие от социальной экологии экофеминизм не дает объективную оценку экологических проблем. Это направление исходит из того, что любые формы доминирования человека над природой, так же как угнетение женщин, коренятся в конкретных исторических, социально-экономических обстоятельствах, а концептуальные рамки патриархальных структур мышления обуславливают специфику восприятия природы и статуса женщины в обществе. К. Дж. Уоррен подчеркивает, что для экофеминизма главное место занимают ценности заботы, любви, дружбы, доверия и взаимности – те убеждения, которые предполагают, что наши отношения с другими, среди которых понимается и природа, играют центральную роль в построении личностной идентичности, понимании того, кто мы есть. Экофеминизм формирует чувствительность к голосу Другого, о котором можно заботиться и относиться к нему с уважением. По этой причине экофеминистская этика предполагает переосмысление того, что значит быть человеком и в чем состоит его этическое поведение. Экофеминизм отрицает абстрактный индивидуализм и антропоцентризм классической этики. Согласно К. Дж. Уоррену, люди являются теми, кем они выступают в контексте своих многообразных отношений с природой, живыми существами, другими людьми в конкретных исторических и социокультурных обстоятельствах жизни. Отношения людей с нечеловеческой окружающей средой частично определяет то, что значит быть человеком².

Перечисляя основные направления современного инвайронментализма, следует упомянуть интегральную экологическую философию – одно из наиболее актуальных направлений инвайронментальной философии, предложенную М. Циммерманом и другими современными представителями этой парадигмы, в которой пересекаются все перспективы экологического взгляда на мир. Идея интегральной экофилософии построена

¹ *Warren K. The Power and the Promise of Ecological Feminism // Environmental Ethics. Vol. 12, № 2. 1990. P. 139.*

² *Esbjorn-Hargens S., Zimmerman M. E. Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World / foreword M. Bekoff. Boston ; London : Integral Books, 2009. P. 143–145.*

на основе концепции *AQAL* (англ. *All Quadrants, All Levels*) К. Уилбера (рисунок), в которой все аспекты человеческого существования (физический, психологический, социальный и духовный) тесно взаимосвязаны.

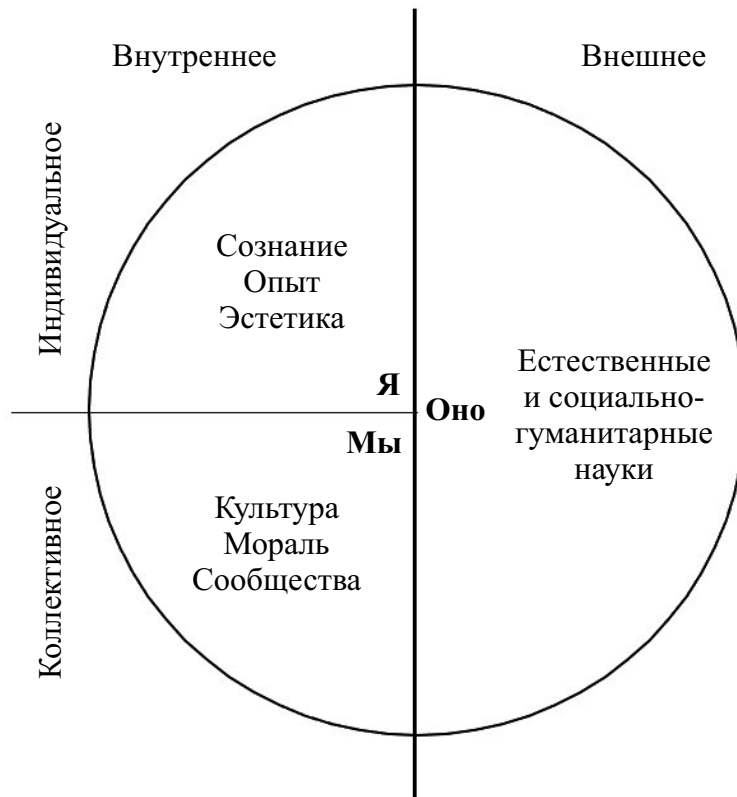

Рис. Модель интегральной философии К. Уилбера

Модель интегральной философии К. Уилбера состоит из трех взаимосвязанных доменов, которые выступают субъектами равноправного взаимодействия. Они могут быть охарактеризованы как Я (*Self*, или Сознание) – первый субъект, Мы (*We*, или Культура) – второй субъект, Это/Эти (*It/s*, или Природа и Общество) – третий субъект, наиболее точно выраженный понятием «окружающая среда» (*Environment*), которую можно анализировать с позиций различных дисциплин (эстетики, культурной антропологии, экосистемной биологии, урбанистики и социологии города и т. д.). Эта модель репрезентирует не только тесную взаимосвязь личности, культуры, общества и природы, но и единство трех фундаментальных ценностей западной философской традиции, в качестве которых выступают известные с Античности аксиологические основания космоса – благо, истина и красота¹.

¹ *Esbjorn-Hargens, S., Zimmerman M. E. Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World. P. 56.*

Согласно Ш. Эсбьерн-Харгенсу и М. Циммерману, интегральная экология призвана объединить все значимые экологические идеи в комплексную теоретическую основу, которую можно использовать в качестве обоснования конкретных социально-экологических стратегий. Интегральная экология обеспечивает наиболее сложное применение интегральной теории и расширение трансдисциплинарного подхода к различным формам современной культуры – философии, науки, искусства и религии.

1.3. Бизнес и образование в контексте современной модели цикла социально-гуманитарных дисциплин

В последние десятилетия в культуре современных обществ оформляются тенденции, инициирующие активные дискуссии о влиянии человеческого или интеллектуального капитала на экономический потенциал страны. При этом акцент переносится на институциональные проблемы, накопившиеся в системе образования, которые снижают ее качество и эффективность¹. В одном из последних исследований Всемирного банка «Глобализация, рост и бедность: формирование всеобщей мировой экономики» описан опыт 24 развивающихся стран, наиболее интегрированных в глобальную экономику. В этих странах наблюдались повышение темпов экономического роста, сокращение масштабов бедности, повышение среднего уровня заработной платы, увеличение доли торговли в объеме валового внутреннего продукта и улучшение показателей здоровья населения. Одновременно здесь увеличился процент населения, охваченного системой высшего образования. Действительно, в странах, получивших наибольшие выгоды от интеграции в мировую экономику, произошло заметное улучшение показателей образования. Кроме того, все больше фактов свидетельствует о том, что высшее образование, которое играет значимую роль в развитии различных элементов гражданского общества, формировании институтов и создании благоприятного регулятивного режима и структур государственного управления, имеет огромное значение для предпринимаемых странами мер по накоплению социального капитала и укреплению единства общества, что является важным фактором экономического роста и развития².

Реалии социально-экономического развития требуют от университетов активного вклада в повышение глобальной конкурентоспособности эко-

¹ Образование и экономический рост / А. В. Божечкова [и др.]. М. : Дело, 2019.

² Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы : пер. с англ. // Доклад Всемирного банка. М. : Весь Мир, 2003.

номики Республики Беларусь на международной арене и минимизацию ее зависимости от влияния ключевых факторов внешнеэкономической конъюнктуры. Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» от 15 декабря 2016 г. № 466 в качестве одного из приоритетов в среднесрочной перспективе определяет развитие потенциала молодежи и ее активное вовлечение в создание экономики знаний¹.

Республика Беларусь занимает 49-ю позицию в рейтинге Всемирного банка *Doing Business* (2020) по ряду совокупных показателей, максимально благоприятных для формирования и функционирования бизнес-среды (в 2019 г. – 37-е место)². Всемирный банк объявил о решении прекратить публикацию ежегодного рейтинга 16 сентября 2021 г. Проект остановлен до настоящего времени.

Именно малый и средний бизнес представляет собой действительно уникальный ресурс, позволяющий активизироваться в период экономических спадов, влиять на конкурентную среду, содействовать развитию инфраструктуры экономики, оперативно реагировать на потребительский спрос, генерировать и внедрять инновационные идеи. Курс на построение рыночно ориентированной экономики в условиях нарастающей глобализации и проявления социокультурной несоизмеримости и материального расслоения между регионами, странами, индивидами требует четкой корреляции механизма государственной поддержки предпринимательства и формирования у будущих выпускников бизнес-компетенций с учетом специфики социально-экономического развития Республики Беларусь в контексте основополагающих векторов цивилизационной динамики в условиях кардинальных изменений в структуре материального и духовного производства.

По данной причине трансформация системы высшего образования направлена главным образом на встраивание формата университета в рыночные отношения. В связи с этим в нашей стране ведутся дискуссии о моделях и методах развития учреждений высшего образования. Среди рассматриваемых концепций центральное место занимает переход к модели «Университет 3.0». Для повышения эффективности научно-исследовательской и инновационной деятельности высших учебных заведений в соответствии

¹ Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P3160046> (дата обращения: 20.05.2024).

² Рейтинг стран *Doing Business*: Оценка бизнес-регулирувания [Электронный ресурс] // Всемирный банк : сайт. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 20.05.2024).

с приказом Министерства образования № 757 от 1 декабря 2017 г. «О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели “Университет 3.0” на базе семи учреждений высшего образования (Белорусский государственный университет, Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Белорусский государственный технологический университет, Белорусский государственный экономический университет, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Белорусско-Российский университет) реализуется экспериментальный проект «Совершенствование деятельности учреждений высшего образования на основе модели “Университет 3.0”»¹. С 1 сентября 2019 г. к реализации проекта «Университет 3.0» присоединился Полоцкий государственный университет. Университетам необходимо развиваться в качестве предпринимательских центров, что в наибольшей степени соответствует реалиям времени.

Учебная дисциплина «Философия бизнеса» позволяет сформировать у студентов основы предпринимательского мышления, способности к анализу экономических явлений и процессов, развивать умения распознавать специфику деловой экономики и роли бизнеса в современной жизни, выявлять человеческие качества, необходимые для его ведения, систематизировать основные направления развития современного бизнеса с позиций исследования методологических предпосылок, исследовательских программ и верификации полученных результатов и др. Становление и оформление данной дисциплины как самостоятельного раздела философского знания приходится на середину прошлого столетия и связано с деятельностью одного из ведущих мировых экспертов в области повышения эффективности ведения бизнеса и правительственной деятельности И. К. Адизеса. Он, консультируя как коммерческие организации, так и государственные, создал методологию, которую и назвал философией бизнеса.

Если говорить о методологии И. К. Адизеса, то в ее основе находится фундаментальный закон, который говорит о том, что все организации, как и живые организмы, проходят через стадии жизненного цикла и демонстрируют прогнозируемые и повторяющиеся модели поведения. На каждой новой стадии развития организация сталкивается с уникальным набором вызовов и сложностей. Успех организации определяется способностью менеджеров управлять переходом от одной стадии к другой. По этой причине

¹ О совершенствовании деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0»: приказ министра образования, 1 дек. 2017 г., № 757 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

философия бизнеса в узком смысле слова – это управление организацией¹. Однако на вопрос о применимости теории И. К. Адизеса к условиям современной Беларуси нельзя ответить однозначно, поскольку ко многим белорусским организациям ее исходные послышки неприменимы. Так, теория жизненных циклов ничего не говорит о государственных предприятиях, которых в Беларуси очень много. В широком смысле слова под философией бизнеса понимают маркетинг, который рассматривается в новом качестве – в виде развитой рыночной теории управления². Данная традиция связана с деятельностью одного из ведущих философов бизнеса Дж. Рона, известного в первую очередь как бизнес-тренер Б. Гейтса.

Формирование нового образа философии, скоррелированного с наиболее актуальными проблемами социодинамики, в частности с актуализацией проблемы трудоустройства выпускников бакалавриата на рынке труда и низкой синхронизацией запросов бизнеса и возможностей академического сообщества, осуществляется в контексте дискуссий о судьбе самой философии как компонента западноевропейской культуры. Однако поколение центениалов, которое в настоящее время составляет студенческую аудиторию, обладает способностью одновременно заниматься несколькими делами. Эти люди талантливы и креативны, могут работать с большими объемами информации, но ленивы и эгоцентричны и быстро меняют работу. По этой причине представляется необходимым обращение к примерам того, как философия повлияла на формирование успешного бизнеса. Среди современных миллиардеров, которые всегда подчеркивают значение философии в своей бизнес-карьере, необходимо отметить: Р. Хоффмана, соучредителя специальной сети LinkedIn; С. Баттерфилда, основателя Flickr и Slack; П. Тиля, основателя и генерального директора платежной системы PayPal; Д. Хоровитца, штатного философа компании Google и др.

Вопросы корреляции философии, бизнеса и образования актуализированы в философских дискуссиях последних десятилетий, и это позволяет говорить о становлении нового этапа в развитии современной философии, так как именно философия, по словам профессора А. И. Зеленкова, как уникальный феномен культуры и духовно-познавательной деятельности «учит всякий раз конкретно и творчески сопрягать традиции культуры и технологические новации»³.

¹ Адизес И. Управление жизненным циклом / пер. с англ. В. Кузина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.

² Рон Дж. Философия бизнеса. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.

³ Зеленков А. И. Философия в системе классического университетского образования // Философия и соц. науки. 2012. № 3/4. С. 5–12.

Национальная реформа в сфере образования на основе концептуальных подходов модели «Университет 3.0» направлена на стимулирование предпринимательских компетенций, что в свою очередь является одной из ключевых задач в перспективе генерации новых инновационных и технологических проектов. Республика Беларусь находится в процессе глубинных трансформаций, охвативших большинство стран современного мира, которые позволят обеспечить высокую включенность учреждений высшего образования в экономическое и социальное развитие страны.

1.4. Обзор учебной дисциплины «Аналитическая парадигма современной философии»

В настоящее время особенности аналитической философии лежат в основе академических дискуссий. За непродолжительное время аналитическая философия, являясь философией англоязычного мира, распространила свое влияние по всему миру. Многие философы США, Европы, Азии и Латинской Америки называют себя аналитиками, что является маркером приверженности особой традиции философствования, предполагающей четкость предметной области, ясность постановки проблем, сохранение логики рассуждений, убедительность аргументации и, следовательно, универсальный методологический аппарат.

Аналитическая философия представляет собой уникальный язык современного мира философии. Именно в рамках данного направления исследователи видят продолжение классических философских изысканий и возможность восстановления активной роли философии в культуре. Значимым компонентом, делающим аналитическую философию востребованной, является практическая направленность интеллектуальных проектов аналитиков. Важность данного утверждения заключается в возможности актуализации роли философского знания в современной научной коллаборации по созданию эффективного инструментального знания о мире. По сравнению с размытым статусом спекулятивной философии практическая философия в аналитическом формате претендует на конкретную роль трансдисциплинарного медиатора, снимающего напряжение концептуальной разности кластеров мультидисциплинарного пространства современной науки и создающего условия для нового уровня развития научной рациональности.

Современная наука, как и философия, в своих системных, структурных, функциональных и целевых характеристиках претерпела существенные изменения. Единое направление науки на получение и систематизацию объективного знания о действительности сместилось в сторону социальной

реальности. В свою очередь, динамичная трансформация социального пространства привела к новому восприятию окружающего физического пространства, вследствие чего познавательные интенции человечества, реализуемые на фундаменте научного поиска, не могут оставаться прежними. Реальный мир XXI в. для современного человека уменьшился до размеров информационного кода. Это значит, что форма взаимодействия с миром, в том числе и познавательная активность, выстраивается не на прямом взаимодействии с предметом, а через совокупность информационных знаков/кодов о нем, часто представленных в социуме готовыми знаниями, вырабатываемыми наукой, религией, искусством и т. д.

Современная наука является лишь одним из вариантов познавательной активности, хотя и обладает самым масштабным запасом информационных ресурсов, когда-либо известных человечеству. Однако эволюционного роста, обеспеченного наукоцентричностью современной цивилизации, не происходит. Наоборот, поток научных знаний, обрушившихся на человечество, не ускорил, а затормозил этот рост (эффект Сизифа). Жизнь современного человека стала комфортной и относительно устойчивой, блокировав интеллектуальный отзыв на агрессивные вызовы извне. Создав плотную оболочку жизненного пространства, человек ушел из мира природы, и мир из огромного и непонятного окружающего пространства трансформировался в символ, картинку на экране, необязательную к целостному пониманию в пределах жизни каждого конкретного человека. Изучение мира как такового не вносит существенных изменений в короткий цикл жизни людей в отличие от изучения социума и правил игры в нем.

Контролируемая социальная интеграция науки и возникший на этой основе процесс гуманизации научного знания стали решающими факторами, оформившими новую постнеклассическую науку, ориентированную на социальный запрос. Эффективность гуманизации обеспечивается за счет функционального арсенала социально-гуманитарного знания, лидером которого является философия. Философия стабилизирует развитие науки, оправдывает методологические новации единством фундаментальных установок, нормативизирует деятельностный аспект научного поиска единством цели, этизирует и вносит моральное измерение в научную деятельность, обеспечивает возможность критического анализа результатов научного поиска с позиций и самих ученых, и общества. Во многом благодаря философии наука не только перевела фокус на исследование социального мира, но и столкнулась с необходимостью оценки перспектив своего развития.

В настоящее время философия (практическая философия) в силу специфики методологического блока выполняет адаптивную функцию в системе

«мир – наука – общество», транслируя смыслы и значения из одного системного уровня в другой. Примером реализации адаптивной функции является аналитическая философия. Это, безусловно, связано с общим социально-культурным контекстом развития аналитической традиции, прагматические и сциентистские акценты которого не предполагают возможности дублирования модели однополярного развития спекулятивной философии. Под влиянием изменяющихся требований современного мира к системам знаний аналитическая философия в короткие сроки провела внутреннюю перестройку, полностью исключив из предметного поля вечные вопросы философии, литературный язык, эзотерические настроения, сомнения в научности философской деятельности и пр.

В действительности на основе концептуальных учений классиков аналитической мысли произошло активное формирование целого спектра направлений современной аналитической философии, представляющих собой логико-лингвистический анализ языка дискурсивных практик актуального социального пространства. Среди них выделяют: аналитическую философию права, политическую философию, аналитическую философию сознания, аналитическую философию образования, аналитическую философию морали (метаэтику), аналитическую философию религии, аналитическую метафизику и др. При этом четкость определения объекта исследования аналитической философии позволила сохранить единство аналитической традиции во множестве направлений, а методологизация языка стала уникальным приемом, обеспечившим философам-аналитикам возможность расширения предметных полей в пределах границ, определенных только языком.

В настоящее время аналитическая философия, изучая социальное пространство через призму логики языка, производит уникальный высокоинтеллектуальный продукт, применение которого в пределах других дисциплин гарантирует ясность понимания сущности каждой из них и приводит к достижениям в научных исследованиях (например, проект «Искусственный интеллект»). Однако в русскоязычной среде аналитическая философия остается вне зоны основного академического интереса. Несмотря на абсолютную востребованность во всем мире, отечественные философы по отношению ко всем формам аналитики часто выстраивают нейтральную позицию, обходясь простым упоминанием данного направления как одной из школ современной философии. Аналитическую философию ошибочно ставят в один ряд с экзистенциализмом, марксизмом и феминизмом, что нарушает логику развития философии и не дает никакого конкретного знания относительно ее актуального состояния.

Учебная дисциплина «Аналитическая парадигма современной философии» восстанавливает хронологическую последовательность развития мировой философской мысли с учетом детального анализа роли данного направления, занимающего приоритетные позиции в ведущих университетах мира. Существование данного курса положительно сказывается на рейтинге популярности факультета философии и социальных наук среди студентов, которые оказываются в центре практической философии, тестируют конкретные умения и навыки будущих философов.

Учебная дисциплина «Аналитическая парадигма современной философии» реализуется на второй ступени высшего образования факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета и занимает важное место в подготовке специалиста-философа, так как аккумулирует практико- и научно-ориентированное направления философской деятельности, формулирует понимание специфики философии и дает четкий алгоритм применения получаемых в рамках данной специальности знаний. Представленная дисциплина отличается трансдисциплинарным характером, поскольку предполагает интеграцию разных научно-исследовательских платформ, таких как логика, лингвистика, когнитивные науки, социальная философия, философия сознания, метаэтика, философия права и других векторов исследования современной аналитической философии, находящихся на стыке различных дисциплин. При этом основная ее цель – вывод исследовательских результатов на уровень философской практики.

Актуальность учебной дисциплины «Аналитическая парадигма современной философии» связана с содержанием проблемного поля современной аналитической философии и высоким эвристическим потенциалом методологических кейсов аналитиков. Не стоит забывать, что аналитическая философия – это прежде всего философия аргументации и обоснования. Доказательные рассуждения лежат в основе исследования многочисленных языковых практик современности: от повседневного языка до специализированных научных дискурсов. Сосредоточенность на едином объекте исследования – языке – позволяет сохранить границы мультикультурной вселенной аналитической философии, тогда как разнообразие методологических оснований позволяет говорить об уникальном потенциале современной аналитической философии. Использование методологии аналитической философии расширяет горизонт инструментальной значимости философского знания, актуализирует задачи современной философии и кардинально меняет понимание ценности философского образования для молодого поколения.

Цель учебной дисциплины «Аналитическая парадигма современной философии» в приобретении студентами знаний по теории и методологии исследовательских стратегий, реализованных в рамках аналитической философии через критическое осмысление ряда ключевых идей. В частности, в процессе преподавания данной учебной дисциплины осуществляются демонстрация методологического потенциала современной аналитической философии; корректировка стереотипного восприятия философии как академической деятельности, не имеющей взаимосвязи с практикой и научно-исследовательской работой; разрушение мифа о неполноценности атлантической философии в сравнении с континентальной, ошибочно считающейся логическим продолжением классической философии, т. е. обсуждение релевантности исследовательских тем аналитической философии в актуальном пространстве общепhilософской проблематики.

Содержание данной учебной дисциплины включает теоретические и практические материалы, которые выстроены вокруг восьми тем, последовательно освещающих эволюцию парадигмальных ориентаций аналитической философии: 1) аналитическая философия: истоки и историческая динамика парадигмальных ориентаций; 2) программа логицизма Г. Фреге и логического атомизма Б. Рассела о задачах и возможностях логического анализа языка науки; 3) логико-лингвистическая программа Л. Витгенштейна и ее обоснование в «Логико-философском трактате»; 4) «Философские исследования» Л. Витгенштейна как новый образ философствования: программа теоретической реконструкции обыденного языка; 5) методологический потенциал аналитической философии в современном социально-гуманитарном познании; 6) политико-правовой дискурс в контексте современной аналитической философии; 7) этическое знание и философия морали в ракурсе аналитической стратегии; 8) теоретическая реконструкция идеи искусственного интеллекта в контексте современной аналитической философии сознания как вариант междисциплинарного исследования.

Материал представлен таким образом, чтобы, во-первых, восполнить базовые знания студентов: компетенции в области логической семантики, теории аргументации, логической теории выводов, правила чтения логических формул; во-вторых, продемонстрировать максимально широкий спектр исследовательского аппарата современной аналитической философии, т. е. в своем содержании учебная дисциплина ориентируется не на историко-философскую реконструкцию авторских идей, а на концептуально-методологические сдвиги в истории и современности аналитической философии или на парадигмальные ориентации.

В данном контексте динамика развития аналитической философии представлена в ракурсе следующих парадигмальных ориентаций анализа языка: логический анализ языка науки, лингвистический анализ обыденного языка и логико-лингвистический анализ специализированных языковых практик.

В рамках методологического пространства логического анализа языка науки акцент делается на исследовании логической структуры языковой основы научного знания и выявлении базовых корреляций между эмпирическим и теоретическим слоями знания. Логицизм Г. Фреге и логический атомизм Б. Рассела рассматриваются в качестве эталонных примеров обоснования и применения логического анализа языка науки, где фундаментальные законы и математические формализмы выполняют функции основополагающих средств и инструментов научного познания. Изучаются вклад Г. Фреге в теорию знаков, принципиальное значение необходимости постулирования смысла, механизм различия смысла и значения, гипотеза Г. Фреге, теория дескрипций Б. Рассела, закон тождества и проблема с пропозициональными установками.

Особое внимание уделяется деятельности Л. Витгенштейна, труды которого считают началом формирования лингвистической парадигмы анализа языка. Обучающиеся проводят детальный анализ онтологической модели мира «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, в рамках которого фиксируется ограниченность идеи создания идеального языка науки, формулируется обоснование мистицизма и устанавливается основание для расширения границ языка. Метод анализа языка усложняется за счет включения в перечень его задач, наряду с прояснением значения слов языка науки, систематизации разнообразия повседневных речевых практик и исследования контекста употребления языка. Обосновываются новый подход к языку в поздней философии Л. Витгенштейна, принцип следования правилу и методологический прием «языковых игр». Рассматриваются теории речевых актов в лингвистической парадигмальной методологии.

Методологический потенциал аналитической философии раскрывается через высокий уровень адаптивности аналитической методологии к изменяющимся требованиям научной рациональности. Исследование специфики обыденного языка стимулирует практику обращения к языковым каркасам социально-гуманитарных наук. Логико-лингвистический анализ специализированных языков социально-гуманитарного познания представлен в рамках таких современных версий аналитической философии, как аналитическая философия права, аналитическая этика и аналитическая философия сознания. Каждое из выделенных направлений рассматривается с точки зрения эффективности методологических кейсов и вариантов их апробации в пространстве современного социально-гуманитарного знания.

1.5. Философия города: философские аспекты урбанистики как учебной дисциплины

Урбанистика – сравнительно молодая область научных исследований, возникшая и развивающаяся в сферах истории, географии, социологии, экономики, а также архитектурных наук. По сути, это комплекс исследований, немаловажную роль в развитии которого играет и философия. Очевидно, что преподавание курса урбанистики студентам-архитекторам или историкам имеет свои особенности. Так, для будущих философов в изучении урбанистики целесообразно расставлять акценты, фокусируя внимание на философских аспектах генезиса и развития городов, культурной специфике организации городского пространства, особенностях городского образа жизни, мировоззрения и поведения городских жителей, историко-культурных образах горожанина и т. д. Приведем пример организации лекционного курса дисциплины «Актуальные проблемы современной урбанистики», который состоит из семи тематических блоков.

1. Рассматриваются понятия урбанистики. Сравняются подходы, которые фиксируют ее предельно общие характеристики (наука, изучающая развитие города) и концентрируются на частных аспектах (направление в градостроительстве или раздел экономической географии). Прослеживаются особенности становления градостроительства и городского планирования в истории культуры, выводится рабочее определение урбанистики, которое учитывает как общие, так и особенные черты, а именно: урбанистика – это комплекс междисциплинарных (и трансдисциплинарных) исследований городов и городского пространства, которые развиваются на стыке истории, географии, экономики, философии, социологии, архитектурных наук, градостроительства и др.

Центральное понятие урбанистики – город, однако дать ему определение непросто. В разных подходах к исследованию города: социально-экономическом, функциональном, формальном, средовом и других – в дефинициях акцент делается на ключевых аспектах. К примеру, формальный подход рассматривает данное понятие с точки зрения численности жителей: в Беларуси городом считается поселение численностью 6 тыс. чел. и выше (Закон «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь», ст. 8), тогда как в Канаде – от 1 тыс. чел., в Японии – от 30 тыс. чел., а функциональный подход рассматривает город с точки зрения сферы занятости жителей (в Беларуси для получения статуса города необходимо, чтобы 75 % жителей населенного пункта были заняты в несельскохозяйственной

деятельности, тогда как в Израиле достаточно 1/3 жителей). Дефиниции города в соответствии с этими подходами будут выглядеть следующим образом: город – это населенный пункт, жители которого заняты, как правило, вне сферы сельского хозяйства; или город – это административный, торговый, промышленный и культурный центр. Однако взятые по отдельности эти определения не дают полного представления о сущности города.

В социально-философских исследованиях концепт города, как правило, выступает в виде холистического понятия, сущность которого может быть выражена аристотелевским выражением «Целое больше суммы своих частей»: входящие в структуру города территория, архитектурные сооружения, субъекты городского хозяйства, социальные институты, а также жители – это неполный перечень элементов городской системы, взаимосвязи между которыми выстраивают архитектуру города и формируют особый городской хронотоп. Ключевым элементом этой системы выступает человек: исторически город развивается как человекомерное пространство, организованное в соответствии с потребностями индивида и выступающее в качестве агента его социализации и референта самоидентификации (см. исследования города в трудах Ф. Броделя, М. Вебера, Г. Зиммеля, О. Шпенглера, К. Линча, Д. Харви и др.).

2. Приводится философское осмысление истории возникновения и развития городов в древнем мире. Дискуссионный вопрос «Что возникло вначале – город или деревня?» на первый взгляд прост, однако классический подход Л. Вирта и Ф. Броделя, выводящих деревню как первичную форму оседлых поселений, изначально оспаривается диалектическим подходом О. Шпенглера, акцентировавшего изначальную конфронтацию города и деревни, а затем сменяется городоцентричным подходом Л. Холлиса. Здесь возникает проблематизация источника возникновения города: это может быть власть, по В. Л. Глазычеву; рынок, по М. Веберу; храм, по Л. Мэмфорду; или отделение ремесла от сельского хозяйства. Ф. Бродель перечисляет фактически все эти признаки: город формирует и разделение труда, и власть – принуждающую и защищающую, и рынок, и обмен с окружающим миром – господство над «деревней-кормилицей»¹ и контакты с другими городами.

Первые города возникают примерно в IV тыс. до н. э., однако следы постоянного обитания в некоторых поселениях восходят к IX тыс. до н. э., что дает основание называть самыми древними городами мира Иерихон, Дамаск, Библ. К IV тыс. до н. э. постепенно складывается цивилизация,

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Весь мир, 2007. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 452.

признаки которой: оседлое население городов, которые предстают в качестве центров торговли и культуры, развитое земледелие, разделение труда, письменность, социальная дифференциация (деление на сословия/касты), строительство общественных сооружений – позволяют квалифицировать ее именно как городскую цивилизацию. Важная деталь – анонимность горожанина и смена ключей его самоидентификации – от кровно-родственной к государственно-этнической.

Рассмотрим эти изменения на примере Афин середины I тыс. до н. э. Новые механизмы идентификации человека как гражданина стали возможны в структуре полиса, которая позволяла преодолеть природное неравенство благодаря распространявшимся на свободнорожденных граждан полиса принципам исономии (равенства перед законом), исегории (права на выступление в народном собрании) и исополитии (право участвовать в политической жизни). Эти принципы, распространяющиеся далеко не на все категории жителей, позволяли греку благодаря полису преодолеть считавшееся исходным природное неравенство. Особым образом они коррелировали с принципами организации афинского городского пространства, предполагавшими гармоничность, открытость и внимание к человеку – агора позволяла ему экспонировать свою телесность, собравшиеся на Пниксе и в булевтерии делали слышимым его голос – голос оратора. Соразмерный человеку полис, по словам Р. Сеннета, «для афинянина вроде Перикла означал не просто точку на карте, а нечто гораздо большее – место, где люди обретали единство»¹.

Идея соразмерности города человеку закладывается и в архитектонике имперского Рима, однако эта соразмерность касается телесности и опосредована геометрией, которой подчинено восприятие и человеческого тела, и городского пространства. М. Витрувий анализирует телесную симметрию и применяет эти представления на храмовую архитектуру – пропорции витрувианского человека, соотносенные с идеальными геометрическими фигурами круга и квадрата, перекликаются с линиями храмов, зданий и улиц, а в современном Риме можно и сейчас дойти до *Umbilicus urbis* – «пупа земли», или центральной исторической точки города, расположенной на Римском форуме. Городская планировка отражала принципы социального порядка и служила визуализацией имперского величия, претендующего на вечность: «Долговечность Рима шла вразрез со временем, в котором существовало человеческое тело»². Рядовой римлянин не мог

¹ Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М. : Strelka Press, 2016. С. 39.

² Там же. С. 106.

быть истинным субъектом Города (именно так называли Рим в обиходе). С появлением христианских общин в городах поздней Античности происходит дифференциация населения, сопровождающаяся возникновением напряжения в социально-психологической обстановке городов, поскольку характерные для языческого Рима традиции и образ жизни не только подвергаются сомнению, но и отрицаются христианскими общинами, формирующими основы новой идентичности.

Падение Римской империи и варваризация Европы негативно сказались на уровне развития городов; вторая половина I тыс. – это так называемый свернувшийся мир (например, население Рима сократилось с 1 млн чел. в период империи до 15–20 тыс. чел.), а руинированные античные центры напоминали, по словам Амвросия Медиоланского, «трупы полуразрушенных городов»¹. Восстановление городов начинается только к высокому Средневековью.

3. Рассматривается средневековый город с его относительной автономией, системой права, частной собственностью и индивидуальной свободой, который (при сохранении ценности общинных связей) способствует кристаллизации феномена личности и формирует мировоззрение горожанина: особое место в нем занимает зарождающееся в позднее Средневековье новое переживание времени и пространства: не сезонное «время крестьянина», не церковное время, имевшее лишь отдаленное отношение к движению часовых стрелок, а экономическое «время купца», возникновение которого символизировали городские башенные часы. Это время было связано с феноменом производства и требованиями зарождающегося рынка и потому обладало самоценностью. В свою очередь, бюргером пространство города воспринималось более утилитарно, чем крестьянином: это была «территория, на которой он работал, а не территория, ради которой он работал»². В последующие века время станет одним из важных факторов в городской планировке, а бюргерский индивидуализм – фундаментом для оформления в Новое время экономического индивида.

4. Приводится идеальный тип индустриальной цивилизации – феномен сугубо урбанистический. Его нужды требовали перепланировки городского пространства, а ценность времени имела финансовый эквивалент. Город должен был обеспечивать мобильность индивида, как физическую – свободную циркуляцию пешеходов и экипажей, так и социальную – беспре-

¹ Цивилизация Средневековья : энциклопедия / под ред. У. Эко. М. : Абрис, 2019. С. 10.

² Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. С. 226.

пятственное движение горожан как субъектов рынка. Как писал Ф. Бродель: «На Западе капитализм и города – это было в основе своей одно и то же»¹. Город переходил от примата коллективизма в социальной жизни к установке на индивидуализм.

5. Рассматривается онтология современного города. Город – это не только место, топос, среда, территория деятельности человека, но и событие, способ самовыражения индивида, его занятие. Крупный индустриальный город XIX в. в сравнительно короткие сроки меняет облик, приспособляясь к новому типу горожанина. Классовая поляризация коррелирует с разрывом между центром и периферией города: перед городскими властями стоит задача очистить центр, уничтожить трущобы и вытеснить пролетариев и маргиналов на городские окраины. Проектировка улиц предполагает свободную циркуляцию социальных атомов, однако «передвигаясь по городскому пространству, отдельные тела постепенно теряют связь и с самим пространством, в котором они движутся, и с теми людьми, которые обитают там вместе с ними. По мере того как пространство обесценивается из-за подобного движения, индивиды утрачивают ощущение своей общей судьбы»². Век индивидуализма создает город, пригодный для индивида, но не для социальной общности, и оценка философов варьируется от удовлетворения (В. Беньямин) до отторжения (Ф. Энгельс): «Лондонцам пришлось пожертвовать лучшими чертами своей человеческой природы, чтобы создать все те чудеса цивилизации, которыми полон их город»³.

Урбанизация диктует необходимость организации массовых передвижений; возникновение метро закрепляет классовые различия, а расширение сети городского общественного транспорта формирует новое социальное тело: не пешехода, а пассивного пассажира, чье восприятие города опосредовано окном транспортного средства и т. д. Пассажир перемещается из точки А в точку Б, находясь в позиции объекта, вписанного в циркуляцию городской жизни, в отличие от активного пешехода-горожанина, который выступает как субъект города, покоряя его шаг за шагом и тем самым присваивая его.

Новый городской субъект – фланер. Феномен фланерства описан В. Фурнелем и Ш. де Сен-Бевом, романтизирован Ш. Бодлером, а затем концептуализирован в текстах В. Беньямина. Фланер – праздношатающийся го-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. С. 477.

² Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. С. 396.

³ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/working_class_england/05.htm (дата обращения: 15.05.2024).

рожанин, смысл его перемещения по городу – в передвижении как таковом и тем самым в слиянии с городом: «В этом его протест против разделения труда, обращающего людей в специалистов»¹. Для фланера важен город как таковой, город как данность, его отношение к городу предполагает заинтересованность и бескорыстность. Фланерство конструирует город как чудо и выступает как способ познания этого чуда: «Каких только странностей не отыщешь в большом городе, если умеешь бродить по нему и наблюдать»², – пишет Ш. Бодлер в «Парижском сплине». Однако современные исследователи настроены в отношении фланера достаточно скептически, рассматривая его скорее «как кабинетного философа, а не экзистенциального героя, смакующего, но без риска, многочисленные достопримечательности города»³. Фланеру присуща определенная дистанция, с которой он рассматривает город; его оптика – оптика наблюдателя.

В первой трети XX в. феномен фланерства постепенно исчезает, однако, как утверждают Э. Амин и Н. Трифт, современный урбанизм возрождает традицию фланерства «рассматривать город с близкого, уличного расстояния»⁴. Именно чувствительность фланера способна ощутить транзитивность города – неуловимое свойство, которое В. Беньямин описывает как пронизанность настоящего прошлым в городском пространстве; город – не только топос, это пролонгированная история, процесс, в котором прошлое становится источником импровизаций. Данная тема развивается в концепции психогеографии, созданной Г. Дебором и развивавшейся «Ситуационистским интернационалом», которая предстает как изучение специфики городской среды, «сознательно организованной или нет, и ее непосредственного воздействия на аффективное поведение индивидов»⁵. Идея психогеографии была подхвачена скандинавскими и британскими ситуационистами. Способом психогеографического изучения города становится дрейф (*dérive*) – практика обнаружения или создания в процессуальности города изменчивых атмосфер, порожденных взаимодействием индивидов и городского пространства, которые могут рассматриваться как точки притяжения – знаковые места, не обязательно являющиеся достопримечательностями, но задающие особое переживание связи города и человека.

¹ Беньямин В. Бодлер. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 78.

² Там же.

³ Sheringham M. «The Key of the Street»: «London» in the Construction of «Paris» // Synergies Royaume-Uni et Irlande. 2010. Vol. 3. P. 41.

⁴ Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/vnyatnost-povsednevnogo-goroda.html> (дата обращения: 15.05.2024).

⁵ Дебор Г. Психогеография. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 12.

6. Поднимается проблема публичных пространств и утилитарности города: приходящее на смену агоре, средневековому рынку, парижским пассажирам или площадям, собиравшим многотысячные толпы, формировавшим специфические типы городского субъекта; меняется как стилистика, так и фокус урбанистического анализа. Эссенциалистские метафоры в шпенгерианском духе («душа города») и литературно-эссеистские описания сменяются рефлексией над утилитаристским подходом в городском планировании. Осознается проблематичность утверждения аутентичности города в условиях типового строительства. А. Лефевр указывает, что для того, чтобы осмыслить современный город как произведение искусства, необходимо сначала понять его как продукт: «Повторяемость берет верх над единичностью, искусственное и поддельное – над стихийным и естественным, а значит, продукт – над производением»¹. Черты городского пространства: гомогенность (однородность материалов, типичность застройки, схожесть назначения), фрагментация (однородное пространство такого типа легко дробится на участки, что ведет к появлению различных гетто и псевдоансамблей) и иерархичность (жилые пространства, торговые пространства, пространства для досуга и т. п.) – стандартизируются и легко воспроизводятся в растущих и расширяющихся городах.

Урбанистка Дж. Джекобс, алармистски трактующая ситуацию в больших американских городах, указала в качестве одной из ключевых причин упадка то, что города больше не строятся как ансамбли общественных пространств, они предстают скорее как сегрегированные комплексы: жилые массивы для малообеспеченных, для среднего класса, для класса люкс, культурные центры, «неспособные окупить существование приличного книжного магазина»². Комплексы же, по словам А. Лефевра, «создают не единство, а изоляты»³. Интенсификация автомобильного движения вместе с гиперценностью времени повлекла за собой реорганизацию городского пространства, подчинившегося необходимости обеспечить максимально оперативное перемещение индивидов между точками притяжения (согласно Г. Дебору, «ландшафт города определяется парковками вокруг супермаркетов»). Следствием стало фактическое исчезновение публичных пространств, осознание которого превратилось в фундамент для зарождения «нового урбанизма» как общественного движения и рецепцию его идей в философии XXI в.

7. Рассматриваются характерные черты современного города: сохраняющаяся социальная атомизация и преобладание экстенсивных комму-

¹ Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. С. 86.

² Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое изд-во, 2011. С. 18.

³ Лефевр А. Производство пространства. С. 12.

никационных связей; проблематизация дихотомии «центр – периферия» и проекты ее нивелирования; утверждение ценности времени и специфика организации городского пространства в связи с этим; проблемность создания публичных пространств; темпоральная дифференциация городов (в мегаполисах субъективное переживание времени происходит быстрее, чем в небольших периферийных городах); проблема этнокультурного взаимодействия в условиях интенсификации миграционных процессов и политики мультикультурализма.

Установка на решение данных вопросов задается в философии нового урбанизма (Я. Гейл, Л. Харди, Дж. Грант), и отправная точка здесь – человекомерность города, соответствие его общественных пространств структуре социальных отношений горожан. Город должен создавать «матрицу возможностей» для индивида и нивелировать различные виды неравенства – расовое, гендерное, экономическое, становясь полем равных стартов подобно античному полису. Еще один поинт – город должен «интегрироваться в регион: взаимодействовать с местностью, в которой он расположен, а не высасывать из нее ресурсы»¹. Создание города будущего предполагает следование принципам гармонии связей между искусством градостроительства, созданием социальных сообществ и сохранением природных ландшафтов.

¹ The Charter of the New Urbanism [Electronic Resource] / URL: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism> (date of access: 24.05.2024).

2. ФИЛОСОФИЯ И ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

2.1. Социально-гуманитарное познание в контексте постнеклассической рациональности

Критериями разделения этапов развития науки на классику, неклассику и постнеклассику, согласно В. С. Стёпину, служат особенности системной организации изучаемых объектов, специфика средств и операций научной деятельности и особенности ценностно-целевых ориентаций ученого¹.

В эпоху Нового времени в результате развития естествознания оформляется наука, включающая в себя триаду «система знаний – особый вид познания – социальный институт», и зарождается тип классической рациональности, для которого характерны: представления о мире как простой системе (механицизм И. Ньютона), состоящей из корпускул и функционирующей по принципу дальнего действия путем мгновенной передачи сил и жесткой детерминации; формирование ряда идеализированных объектов; стремление к идеалу объективности знания, обобщение опытных фактов и подтверждение теории опытом, очевидность ее фундаментальных постулатов.

Специфика неклассического этапа заключается в том, что объектом научных исследований становятся сложные саморегулирующиеся системы (в физике, биологии); изменяется категориальный аппарат науки (происходит трансформация таких понятий, как целое, причинность, пространство, время); формируются новые паттерны (мир не как механический агрегат, а как совокупность самоорганизующихся автоматов); выводятся аналогии между функционированием сложных и биологических, и социальных систем. Происходящие в научном познании трансформации привели к необходимости изменения картины реальности как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках.

Во второй половине XX в. с накоплением научных знаний и развитием принципиально новых направлений (системный подход, синергетика, философия и социология науки), а также в результате рефлексии над ми-

¹ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Рос. акад. наук, Ин-т философии Нац. акад. наук Украины, Центр гуманитар. образования ; отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Стёпин. СПб. : Прогресс, 2009. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения 24.05.2024).

ровоззренческими основаниями и последствиями научных открытий происходит формирование постнеклассической научной рациональности. Изменяются представления об исследуемом объекте: «...представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук. <...> Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках общенаучной картины мира»¹. В области методологии происходит развитие междисциплинарной ориентации, системного подхода, проблемно-ориентированного научного поиска, расширение сферы философско-методологической рефлексии. Преодолевается разобщенность между естественными и социально-гуманитарными науками, сформировавшаяся вследствие мировоззренческих установок и философской традиции европейской цивилизации от Античности до Нового времени: «Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, преимущественно нарративные науки, с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается»². Э. Уилсон обосновывает эвристическую перспективность и продуктивность синтеза естественных и социально-гуманитарных наук исходя из анализа развития междисциплинарных исследований на примере биологии, использующей методологический арсенал таких дисциплин, как физика, химия, математика. В социально-гуманитарном познании подобное взаимодействие происходит в экономике, социологии и психологии³.

Традиционно проблема человеческого и общественного бытия рассматривалась философией, к которой в XIX–XX вв. присоединились социально-гуманитарные науки, поделившие мир в соответствии с интеллектуальной традицией модерна на три отдельные сферы: политическую, экономическую и социокультурную, определив тем самым области исследований социально-гуманитарных дисциплин. Существующая институционализация, согласно И. Валлерстайну, была обусловлена противопоставлением в рамках либеральной догматики модерна рынка и государства, современного настоящего и исторического прошлого, цивилизованного

¹ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения.

² Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопр. философии*. 1991. № 6. С. 52.

³ Уилсон Э. О природе человека / пер. с англ. Т. О. Новиковой ; вступ. ст. и науч. ред. А. В. Быкова. М. : Кучково поле, 2015.

Запада и остального мира. Противопоставление рынка и государства обусловило возникновение экономических наук и политологии, которые в классическом варианте изучали свои предметы в идеальном виде, очищенном от традиции и случайностей, и подчинялись универсальным закономерностям, говорившим на языке математических формул и алгебраических выкладок. Феномены, которые экономика и политология были не в состоянии разрешить (семья, религиозные институты, жизнь локальных сообществ, демография и т. д.), были отданы на откуп социологии и антропологии¹. Единственным, что объединяло эти науки, была уверенность в том, что человек, общество и культура представляют собой некое уникальное, сверхприродное бытие, требующее для изучения особой методологии.

Уверенность эта закреплена в мировоззренческих основаниях европейской цивилизации и к XXI в. стала объектом критики: «В действительности нет интеллектуального порока хуже потакающего своим прихотям антропоцентризма»². Постулированное Платоном разделение мира на мир эйдосов и мир вещей с приходом христианства закрепилось в религиозном мировоззрении и воплотилось сначала как идея существования двух «градов» (земного и божественного) у Августина Блаженного, затем – в концепции двойственной истины Аверроэса, развитой в эпоху позднего Средневековья Фомой Аквинским и послужившей основанием для разделения методов познания «книги божественного откровения» и «книги природы», усвоенной мыслителями эпох Возрождения и Нового времени. Неслучайно герменевтика, изначально служившая целям толкования священных текстов, была впоследствии принята В. Дильтеем как основной метод «наук о духе», специфичных по отношению к «наукам о природе». Методология В. Дильтея была развита баденской школой неокантианства (В. Вильденбанд и Г. Риккерт), разделившей науки на номотетические, ориентированные на поиск и установление общих закономерностей, и идиографические, опирающиеся на описание материала, что углубило разрыв между «науками о природе» и «науками о культуре» посредством разработки собственной методологии для каждой из них с акцентом на уникальность и неповторимость культурных феноменов³.

¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : введение / пер. с англ. Н. В. Тюкиной ; вступ. ст., прил. Г. М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. М. : URSS : Ленанд, 2017.

² Уилсон Э. О природе человека. С. 49.

³ Дедолко Ю. В. Проблемы и перспективы синтеза естественных и социально-гуманитарных дисциплин в современных междисциплинарных исследованиях // Науч. тр. / Респ. ин-т высш. шк. Минск, 2017. Вып. 16. С. 232–238.

Согласно И. Р. Пригожину, одной из причин, породившей два противоположных способа видения универсума (детерминистический универсум как внешний мир, находящийся в постоянном движении, регулируемый божественным замыслом или человеком-автоматом, по Г. Лейбницу, и индетерминистический универсум как внутренний мир человека, кардинально отличающийся от внешнего), стало следование принципам детерминизма и отрицание фактора времени в философии и науке классического периода. Подобная дифференциация наук критиковалась Б. Малиновским: «Обыкновенный историк и многие антропологи изрядную долю своей энергии теоретизирования и эпистемологического досуга тратят на опровержение представления о естественном научно устанавливаемом законе в культурном процессе, возводя непроницаемые перегородки между гуманитарными и естественными науками и утверждая, что историк или антрополог способен вызывать в воображении картины прошлого при помощи особого рода озарения, интуитивного проникновения и откровения, короче, что он может полагаться на божью милость вместо системы методов добросовестной научной работы»¹.

Несмотря на тенденцию к разграничению естественных и социально-гуманитарных дисциплин, процесс становления и развития последних происходил под влиянием классического естествознания, в частности физики, где оформилась и закрепились механистическая детерминистская картина мира. В рамках последней сформировался стиль научного мышления, характерный для классического этапа развития науки, отразившийся также во взглядах на человека и общество: образ человека-автомата Г. Лейбница и человека-машины Ж. О. де Ламетри, общество как механический агрегат, состоящий из простых элементов (индивидов) Т. Гоббса. Естествознание оказало влияние на взгляды позитивистов (О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер), настаивавших на специфичности общества как сверхприродной реальности, которая функционирует по собственным законам, однако утверждавших возможность и необходимость использования методологического инструментария классического естествознания, в частности физики и биологии, для придания обществознанию научности со всеми присущими ей атрибутами (объективность и системность знания, его эмпирическая обоснованность).

Со временем ориентация на естествознание и заимствование его методов стали критиковаться внутри позитивизма, трансформировавшегося в эмпириокритицизм, и представителями неклассической философии,

¹ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры : сборник / пер. с англ.: В. Г. Николаева, В. Н. Поруса, Д. В. Трубочкина. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. С. 19.

пытавшимися вырваться из метафизического догматизма интеллектуальной традиции предшествующих эпох и провозгласивших в качестве антитезы научному объективизму уникальность человеческого бытия, общества и его феноменов, позабыв о том, что сам человек явился продуктом эволюции материи: «Социальные теоретики, такие как Вико, Маркс, Спенсер, Шпенглер, Теггарт и Тойнби, мечтали открыть законы истории, которые помогли бы предсказать будущее человечества. Их схемы оказались бесполезными, потому что в их понимании человеческой природы не было научной основы»¹. Пришедшее осознание собственной темпоральности, дистанцирование от природы посредством христианской культуры вычеркивали из человеческой истории миллионы лет эволюции, посредством которой сформировались и *homo sapiens*, и паттерны его поведения, трактуемые как нечто уникально-неповторимое, данное свыше. Разрыв между естествознанием и обществознанием увеличивался, уводя последнее к постулированию уникальности, непостижимости и необъяснимости аспектов человеческой жизни и общественных феноменов методами науки. Результатом дробления мира на сегменты стало появление большого количества дисциплин, различия между темами, методами, теориями или теоретизированием которых были более значительными, чем различия между самими дисциплинами: «Навязшее в зубах различие номотетических и идиографических дисциплин – философская уловка, которая давно должна была обратиться в ничто в результате простого размышления над тем, что такое наблюдение или реконструкция исторического факта»². И. Валлерстайн указал, что внимательный и непредвзятый анализ критериев, используемых для определения границ между этими дисциплинами, выявил, что практически все критерии (уровень анализа, предмет, методы, теоретические предпосылки) либо оказались неверными на практике, либо скорее стали барьерами для дальнейшего знания, чем стимулами его развития³.

Уходя в поиске собственного «лица» от генерализирующего метода классического естествознания, представители философии жизни и социально-гуманитарных наук восприняли и творчески переработали идеи эволюционизма, интуитивно ощущая значительную долю детерминированности человеческой деятельности и определяя ее понятиями «жизнь», «воля к жизни»

¹ Уилсон Э. О природе человека. С. 293.

² Малиновский Б. Научная теория культуры = A scientific theory of culture : пер. с англ. / вступ. ст. А. К. Байбурина. Изд. 2-е, испр. М. : Объед. гуманитар. изд-во, 2005. С. 19.

³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение.

(А. Шопенгауэр, Ф. Ницше). Разработка квантово-релятивистских представлений в физике, учение В. Вернадского о биосфере, развитие идей эволюционизма И. И. Шмальгаузен, интерес к антропосоциальной проблематике в философии нашли отражение в неклассической рациональности и появлении новых методологических подходов к исследованию социальной реальности. Представления о реальности как сложноорганизованной самоорганизующейся системе способствовали возникновению структурного функционализма в антропологии и социологии (Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, Т. Парсонс и др.). Эволюционизм оказал большое влияние на науку неклассического и постнеклассического периодов. В социально-гуманитарных науках эволюционные взгляды повлияли на формирование дисциплинарных школ (в культурологии, этнологии, социологии) и таких направлений, как эволюционная психология, эволюционная экономика и пр. В теологии были предприняты попытки синтеза основополагающих идей креационизма и теории эволюционизма в рамках теистического эволюционизма.

Эволюционизм оказал влияние на философию науки. В частности, К. Поппер обосновывал появление науки и рост научного знания, опираясь на эволюционный подход. В основе эволюционной эпистемологии К. Поппера лежат следующие тезисы: человеческая способность к познанию и производству научного знания является результатом естественного отбора и тесно связана с эволюцией языка; развитие научного знания представляет собой дарвинистский процесс эволюции, поскольку является результатом естественного отбора лучших теорий, дает наиболее полную и достоверную информацию о действительности; реализация эволюции научного знания возможна благодаря наличию специфического человеческого языка; все аспекты джастификационистской и обсервационистской философии познания ошибочны; необходимой предпосылкой возникновения критического мышления является дескриптивная функция человеческого языка¹.

Единственный метод, по мнению, К. Поппера, с помощью которого люди активно получают информацию об окружающей среде, – это метод проб и ошибок, подразумевающий активную деятельность познающего субъекта. В подтверждение своего вывода он привел рассуждения эволюциониста и этолога К. Лоренца, который, осмысляя кантовское разделение знания, предположил, что априорное знание для людей может быть апостериорным знанием, приобретенным живыми существами в процессе эволюции и генетически закрепившимся естественным отбором. В обоснование эволю-

¹ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики : сборник / сост.: Д. Г. Лахути [и др.] ; пер. с англ. Д. Г. Лахути ; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского ; послесл. В. К. Финна. М. : Эдиториал УРСС, 2000.

ционистской эпистемологии К. Поппер ставил тезис о биологическом происхождении человека и его органов познания и осмысления мира, функция которых в конечном счете сводится к удовлетворению базовых потребностей и обеспечению выживаемости, а результатом на современном уровне развития человечества – способностью к построению теорий об окружающей среде. К. Поппер также проводил аналогию между процессами биологической эволюции и эволюцией научного знания.

Возвращаясь к специфике социально-гуманитарных дисциплин, отметим, что их базовым элементом и одновременно системообразующей осью является человек, исследуемый в различных его проявлениях и сферах жизнедеятельности. Более того: «...в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания»¹. В философии человек, представляя собой сложноорганизованное, противоречивое существо, рассматривается как биопсихосоциальный феномен. Результаты исследований Э. Уилсона обосновывают тезис о том, что процессы природной и культурной эволюции *homo sapiens* взаимосвязаны и взаимозависимы. Культура есть результат природной эволюции, но и сама она оказывает обратное влияние на ее процессы. По этой причине жесткая демаркация этих двух сфер человеческого бытия и его познания в современных реалиях является исчерпавшей себя и некорректной.

В исследованиях общества как сложной саморазвивающейся и саморегулирующейся системы особенно востребована междисциплинарная методология, некорректное использование которой чревато редукционизмом². К. Лоренц отмечал: «Методическая ошибка состоит здесь не в общем всем естествоиспытателям стремлении свести все явления жизни, даже принадлежащие наивысшим уровням интеграции, к основным законам природы и объяснить их, исходя из этих законов, – в этом смысле мы все “редукционисты”, методическая ошибка, которую мы называем редукционизмом, состоит в том, что при таких попытках объяснения упускается из виду безмерно сложная структура, в которую складываются подсистемы и из которой только и могут быть поняты системные свойства целого»³. Э. Уилсон

¹ Пригожин И. Философия нестабильности. С. 52.

² Новиков В. Т., Новикова О. В. Социально-гуманитарное познание как предмет философской рефлексии // Проблемы упр. 2007. № 4. С. 118–128.

³ Лоренц К. Восемь смертных грехов // Обратная сторона зеркала : сборник / пер. с нем. А. И. Федорова, Г. Ф. Швейника ; послесл. А. И. Федорова. М. : Республика, 1998. URL: <http://modernproblems.org.ru/philosophy/111-faults.html?start=9> (дата обращения: 15.05.2024).

также подчеркивает преувеличенную опасность редукции (с точки зрения обществоведов и гуманитариев) в рамках междисциплинарного взаимодействия двух сфер науки и объясняет это следующим образом: «Редукция – традиционный инструмент научного анализа, но метод этот вызывает страх и обиду. Если человеческое поведение может быть в большей или меньшей степени сведено к законам биологии, то человечество становится не уникальным и в определенной степени дегуманизируется»¹.

Избежать подобной дегуманизации возможно и необходимо. Имеющийся опыт синтеза естественно-научного и социально-гуманитарного познания демонстрирует продуктивность и позитивные результаты междисциплинарной методологии в исследованиях сверхсложных систем, к которым относятся и человеческое общество. По И. Р. Пригожину, значимая роль в преодолении разобщенности между естественными и социально-гуманитарными науками принадлежит идее нестабильности, позволившей отнести к сфере естествознания человеческую деятельность, тем самым включив человека в природу. Мы все еще по традиции продолжаем противопоставлять природную и социальную реальность, но признаем необходимость междисциплинарных исследований не только внутри каждой из этих исторически сложившихся двух сфер науки, но также и на стыке естественных и социально-гуманитарных дисциплин, исследующих сложные природно-социальные комплексы, в структуру которых входит человек.

Системное изучение биологической основы социального поведения организмов, в том числе людей, в рамках социобиологии может стать мостом над пропастью, разделявшей естественные и социально-гуманитарные науки, который связует их путем распространения методов и данных популяционной биологии и эволюционной теории на социальную организацию. Социобиология исходит из принципов системности, рассматривая природу, человека и общество как сложные взаимосвязанные многоуровневые саморазвивающиеся системы, и глобального эволюционизма, анализируя феномены человеческого бытия как результат синергетического взаимодействия природной и культурной эволюций. Предложенный Э. Уилсоном синтез биологии с социальными науками выводит исследования человека и общества на новый, мультидисциплинарный уровень анализа, синтезирующий достижения различных наук и не ограничивающийся перенесением методов исследования из одной науки в другую, что свойственно междисциплинарности. Междисциплинарные исследования сферы социокультурного бытия в социально-гуманитарном познании, говоря словами Э. Уилсона,

¹ Уилсон Э. О природе человека. С. 44.

ограничиваются исследованием «второй природы», не учитывающими глубинных эволюционных аспектов. В рамках такой перспективной методологии исследуется следствие, но не причина, а подобный подход негативным образом влияет на возможности научного и социального прогнозирования.

Выходя за пределы биологической генетической программы, человек создает «вторую природу», искусственную среду обитания. Поскольку и природная, и социальная реальности являются сложными, открытыми, саморегулирующимися и саморазвивающимися системами, в которые человек включен одновременно, то взаимодействие с ними не является чем-то внешним. Развивая представления о целевой причинности, В. С. Стёпин отмечал, что человек словно включается в эти системы, видоизменяя каждый раз поле их возможных состояний. Своей деятельностью человек создает определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, втягивающие систему в то или иное русло развития. В то же время можно рассматривать эти процессы как естественные, выражающие сущностные особенности природной и социальной систем, развивающихся в рамках единой эволюции. По данной причине, когда человечество своей деятельностью направляет развитие какой-либо системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное: «Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного»¹.

Подобная точка зрения становится особенно актуальной в XXI в., когда научные достижения в прямом смысле стирают грань между естественным и искусственным. Человек, использующий высокотехнологичные бионические протезы, вживляющий электронные чипы в свой организм, применяющий технологии клонирования и генного модифицирования живых организмов, печатающий органы на 3D-принтере, создавший искусственный интеллект, который успешно преодолел тест Тьюринга и превосходит по мощности человеческий, своей деятельностью не только ускоряет, но и направляет процессы эволюции, стирая грань между естественным и искусственным. В такой ситуации синтез естественных и социально-гуманитарных дисциплин в рамках мультидисциплинарных исследований необходим в первую очередь потому, что человечество подошло к такому рубежу своего развития, которое ставит его на грань выживания и как биологический вид, и как особый способ бытия

¹ Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. СПб. : Прогнец, 2009. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

в мире. Без понимания истинной природы и целей, в ситуациях «смерти культуры», экспоненциального роста научных знаний и развития высоких технологий человечество в очередной раз оказывается в ситуации аномии, характеризующейся аморфностью системы социальных норм, дезорганизацией традиционных социальных институтов, неопределенностью и нестабильностью социальной среды, дивергенцией между декларируемыми обществом ценностями и возможностью их реализации отдельными индивидами, разрушением единства культуры, вследствие чего реальный жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам.

Современная социокультурная и научно-технологическая ситуация ставит перед человечеством вопрос целей и ценностей: «...многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность»¹. Анализируя специфику постнеклассического этапа науки, В. С. Стёпин обращался к переосмыслению традиционалистских ценностей восточных культур и выделил три момента, в которых они коррелируют с современной наукой: 1) представления об окружающей среде как особом живом организме в рамках концепции глобальной экосистемы или биосферы; 2) формирование новых стратегий научной и технологической деятельности, подразумевающих ответственность и перекликающихся с принципом «недеяния» в процессе освоения сложных развивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками; 3) поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска, особенно при изучении сложных человекообразных систем². Выводы В. С. Стёпина согласуются с позицией Далай-ламы XIV и Л. Ванн ден Майзенберга, которые утверждали, что базовые ценности буддизма, базирующиеся на представлении об изменчивости сущего, взаимозависимости и зависимого возникновения, обуславливающие формирование правильного воззрения и действия, аналогичны методу системной динамики, разработанному Дж. Форрестером и М. Мински³.

¹ Пригожин И. *Философия нестабильности*. С. 52.

² Стёпин В. С. *Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения* // Постнеклассика: философия, наука, культура. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 24.05.2024).

³ Далай-лама XIV, Л. ван ден Майзенберг. *Путь истинного лидера* / пер. с англ. Н. Яцюк ; под общ. ред. В. Дорофеева. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012.

В социально-гуманитарных науках системные представления об обществе или социальной реальности всегда сохранялись и развивались, как и междисциплинарность, ставшая характерной чертой неклассического этапа и доминирующая в постнеклассический период науки. Современное социально-гуманитарное познание трактует общество как сложную систему, функционирующую в единстве ее основных подсистем: экономической, политической, культурной и социальной. В процессе исторического развития общество трансформировалось посредством ряда глобальных технологических революций, кардинально влиявших на структуру используемых ресурсов и способы производства материальных и нематериальных благ. Переход к новому технологическому укладу включает кардинальные трансформации институциональных систем управления экономикой, обществом и государством. Каждый этап, переход к которому происходит в результате технологического сдвига, характеризуется определенным преобладающим типом социальных взаимодействий. Достижения научно-технической революции, в частности интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, в настоящее время привели к появлению новых сетевых уровней организации и трансформации общества. Помимо этого, согласуясь с выводами В. С. Стёпина, возник новый блок управления общественной системой – гигантские информационные сети (Facebook, Twitter, Pinterest, Google Plus+, Tumblr, Instagram, ВКонтакте и пр.), кросс-платформенные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook Messenger, Skype, ICQ и пр.) и ТНК, которые, учитывая степень охвата и современные возможности влияния на аудиторию, способны формировать новые параметры порядка, типы прямых и обратных связей в общественной структуре. Таким образом, существует необходимость расширения рамок междисциплинарной методологии в направлении мультидисциплинарности и синтеза естественных и социально-гуманитарных наук, а в перспективе – трансдисциплинарного философского осмысления современных трендов общественного развития.

2.2. Постакадемическая наука: метаморфозы становления и развития

В контексте традиционного философско-методологического подхода к анализу исторического развития научных знаний современный этап их эволюции называется постнеклассической наукой. Основанием для его выделения является учет ряда факторов: особенности осваиваемых предметных областей научного исследования; содержательная новизна научных теорий, нацеленных на их репрезентацию; характеристики метатеоретических оснований науки данного периода, включая тип научной рациональности.

В свою очередь, это позволяет выявить факторы социокультурной детерминации научного познания и осуществить плодотворную реконструкцию его исторического развития. Эвристика данного подхода к исследованию научного познания, представленного прежде всего в работах В. С. Стёпина, очевидна и по-прежнему играет существенную роль в проведении философско-методологического анализа современной науки.

Современная история науки не только не исключает, но и предполагает рассмотрение изменяющихся функций науки как важнейшего социального института, анализ существенных трансформаций связи науки с запросами общества, исследование новых форм ее организации. Данный аспект историко-научных исследований позволяет охарактеризовать науку рубежа XX–XXI вв. как постакадемическую. Философско-методологический анализ нового явления в развитии науки объединяется с аксиологией, социологией, культурологией знания и приобретает выраженный междисциплинарный характер.

В исследованиях постакадемической науки содержатся результаты рассмотрения обозначенного феномена в разных ракурсах. Вместе с тем возникает необходимость выработки целостного видения постакадемической науки в условиях современного информационного общества. В настоящее время решение этой задачи находится на стадии проблематизации. В связи с этим возникает необходимость разработки синтагматического подхода к анализу постакадемической науки, что позволит перейти к холистической парадигме в анализе кардинальных изменений как самой науки, так и ее роли в жизни современного общества.

Первые подходы к объяснению нового явления в развитии науки как важнейшего института информационного общества были обозначены в конце XX в. В частности, в работах Штарнбергской группы исследователей был отмечен растущий эффект детерминации научного поиска внешними целями применения его результатов¹. Новый подход к историко-философской реконструкции процесса развития научного знания постепенно вышел за рамки констатации его социокультурной детерминации, прокладывая себе путь через субъект-объектные отношения, а также через научный габитус познающего субъекта. Акцентированное внимание к бытию науки в меняющемся мире с течением времени выявило ряд обстоятельств, повлекших за собой становление новой стадии в ее динамике.

Обращение к процессу становления и развития постакадемической науки предполагало смещение акцента на анализ внешних условий

¹ Bohme G, van den Daele W., Krohn W. Finalisierung der Wissenschaft // Zeitschrift für Soziologie. 1973. № 2. P. 128–144.

и факторов успешного функционирования научного знания в постиндустриальном обществе. Среди них прежде всего следует отметить переход современной экономики в фазу когнитивного капитализма, существенным образом меняющего характер отношений между трудом и капиталом. Когнитивный капитализм, приходящий на смену фордизму XX в., в качестве основного источника стоимости и прибыли предполагает знание и тем самым обнаруживает кардинальные отличия от так называемого промышленного капитализма. Сервисная экономика современного общества предполагает сдвиг производства в сферу воспроизводства биологического и социального¹.

В условиях когнитивного капитализма особую ценность приобретают нематериальные активы, в том числе и научная информация. Использование результатов научной деятельности в качестве нематериального капитала делает их важным элементом экономической системы.

В связи с происходящими изменениями на смену так называемой внутренней истории науки, тщательно проанализированной в философии XX в., приходит не просто ее внешняя история, а процесс социального управления научными исследованиями. Он предполагает декларируемое сопряжение научных разработок с социальным заказом, а также влияние внешних по отношению к науке целей на внутреннюю конфигурацию научного поиска.

Постакадемическая наука, формирующаяся в условиях когнитивного капитализма, демонстрирует ряд существенных трансформаций. К ним следует отнести изменения в структуре научного знания, оригинальные методологические новации, новые социальные статусы субъекта современного научного исследования, инновационный характер взаимодействия науки и социальной практики, трансформацию этоса науки.

Существенные изменения претерпевает конфигурация проблемного поля постакадемической науки. Известные противоречия между фундаментальными и прикладными, теоретическими и эмпирическими исследованиями сменяются взаимодействием так называемых базисных и специализированных исследований.

Базисные исследования ориентированы на формирование «больших данных», порой почерпнутых из разных областей науки. Обработка больших данных происходит с помощью современной математики и информационных технологий. Она осуществляется в рамках специализированных исследований, позволяющих получить результаты, которые непосредственно

¹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики. 2010. С. 41. С. 75.

доступны для внедрения в практику и обеспечивают решение ранее поставленных задач. Таким образом, новая структурная организация науки помогает в решении задач, которые диктуются не только логикой развития науки, но и потребностями экономической, социальной и политической практики.

В ряде случаев новизна сложившейся ситуации приводит к необходимости поверхностного, но в определенной мере оправданного терминологического разграничения науки как таковой (т. е. академической науки) и исследований, символизирующих неопределенность, практическую нацеленность и риски, свойственные знаниевым практикам постакадемической науки.

События, разворачивающиеся в рамках научно-исследовательских практик, обнаруживают метаморфозы методологического сознания. К ним прежде всего следует отнести синтагматику и трансдисциплинарность в качестве новых стратегий научного исследования. Холистическая тенденция в процессе построения модельных репрезентаций в рамках постакадемической науки соединяется с нацеленностью на проблемно ориентированный научный поиск, на практический результат.

Смена ориентиров методологического сознания наглядно предстает в современной технонауке, нацеленной на получение новых лекарственных форм, нано-, информационных и биотехнологий.

В силу большой сложности исследуемых объектов и многофакторности их детерминации на смену аналитически прозрачным фундаментальным и частным теоретическим схемам приходят своеобразные «черные ящики». Так, в рамках технонауки, ведущей, например, к поиску новых лекарственных форм, базисные исследования предполагают работу с большими данными с помощью вычислительного эксперимента, базирующегося на методе численных приближений без необходимости экспликации каузальных связей, характерной для академической науки.

Существенный сдвиг претерпевают привычные нормативы научной деятельности. На протяжении столетий в качестве неперемennого условия получения значимого результата выступала безусловная воспроизводимость эксперимента. Работа с развивающимися объектами приходит в противоречие с принципом их самотождественности, на котором в прошлом строился весь массив научного знания.

Современная постакадемическая наука, работающая с большими данными в рамках вычислительного эксперимента или методологии «кейс-стадис», в ряде случаев довольствуется ограниченной подтверждаемостью и воспроизводимостью своих результатов. Если новый лекарственный

препарат, разработанный благодаря современным методологическим новациям, гарантирует хотя бы для ограниченной части больных, страдающим тяжелым недугом, состояние устойчивой ремиссии, то его выпуск оказывается коммерчески оправданным.

Изменения методологических ориентиров научного поиска дают о себе знать при обращении не только к междисциплинарной, но и к трансдисциплинарной методологии, ярким примером реализации которой выступают конвергирующие НБИК-технологии. Трансдисциплинарный характер их реализации побуждает методологическое сознание к принятию социокультурной ангажированности нового научного знания, его технологического измерения и практической эффективности. Новый тип научной рациональности предполагает соединение природного и социального, естественных событий и созданных человеком артефактов, прикладного теоретического исследования и технологических инноваций промышленного масштаба.

В свою очередь, специфика исследуемых объектов приводит методологическое сознание к необходимости обращения к вариативным практикам интеллектуального трансферта, что можно проследить на примере становления и развития социальной физики¹.

Показательно, что на смену традиционным понятиям «наука», «научная дисциплина», приходит термин «технология», как, например, для наименования раздела современной физики, связанного с наноразмерной предметной областью микромира.

Трансдисциплинарность – это новый уровень междисциплинарности. На классическом этапе междисциплинарность выражалась в совместных исследовательских программах таких наук, как физика и химия, химия и биология и т. д. Отсюда успешно развивалась физическая химия, биохимия, биофизика и др.

Трансдисциплинарность, представленная в НБИК-конвергенции, предполагает интегративный охват разнообразия современного научного знания – от физики до психологии и социогуманитарных дисциплин.

В настоящее время НБИК-технологии реализуются в таких научных и технологических проектах, как создание квантовых и биокомпьютеров, развитие спинтроники и нейропротезирования, биogerонтологии и медицины стволовых клеток, разработок экзоскелетов и интерфейса «мозг – компьютер» и др. По мнению некоторых ученых и философов, НБИК-технологии создают

¹ Кисель Н. К. Междисциплинарный тренд в развитии современной социальной физики // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2020. № 1. С. 44.

основу новой инновационной цивилизации XXI в., которая за счет синергетического взаимодействия науки, экономики, культуры, общества и природы в целом формирует такие подсистемы этой цивилизации, как нано-экономика, биоэкономика, информационное общество или общество знаний и др.

Эволюция методологического сознания на надындивидуальном уровне в условиях когнитивного капитализма тесно связана с метаморфозами научного габитуса отдельных исследователей.

Научный габитус представляет собой систему диспозиций, порождающую и структурирующую практику ученого и его научные представления. Это ментальные или когнитивные структуры, ряд интериоризированных схем, опираясь на которые исследователи одновременно производят особые действия в научном сегменте социального пространства, воспринимают и оценивают их. Научный габитус позволяет усвоить необходимые установки, не фиксируя их принудительность, и в то же время использовать их в своих практиках знаково-символического характера.

В смысловом пространстве научного габитуса можно выделить две взаимосвязанные сферы, каждая из которых содержит особые диспозиционные совокупности как результат неосознанной интериоризации установок, вытекающих из опыта исследователя. Первая совокупность может быть представлена как результат интериоризации тех регламентаций научной деятельности, которые в философии науки именуются типом научной рациональности, идеалами и нормами науки на определенном этапе ее эволюции и др. Она центрирована в основном когнитивными смыслами. Вторая диспозиционная совокупность проистекает из того, что научная деятельность социальна и коллективна по своей природе. Смысловая наполненность диспозиций этого рода коррелирует с нормами научного этоса, установками здравого смысла, императивами культуры определенного исторического периода.

Социальная среда формирует научный габитус, который в дальнейшем используется индивидом как совокупность исходных установок, порождающих конкретные научные практики.

На предыдущих этапах эволюции науки большое значение в формировании габитуса играли научные школы, генерировавшие установки, которые впоследствии интериоризировались в его смысловое пространство. К концу XX в. происходят существенные изменения в деятельности научных школ. Реализация адресных научных программ временными научными коллективами, знаниевые практики в рамках лабораторий промышленного сектора науки, кластерная организация научных исследований – все это усиливает стохастичность процесса обретения научного габитуса.

В данных условиях его ментальная, когнитивная составляющая неизбежно претерпевает существенные изменения, без реализации которых исследователь не в состоянии успешно работать в профессии и осуществлять релевантные знаниевые практики.

Вторая диспозиционная совокупность в рамках научного габитуса демонстрирует интериоризацию целевых установок научного творчества и положений научного этоса.

В настоящее время коммерциализация постакадемической науки ведет к тому, что задачи исследования инициируются различными заинтересованными заказчиками, озабоченными не столько получением истинного знания о некоторой предметной области, сколько обретением такого решения поставленных проблем, которое позволило бы выйти на уровень их технологического воплощения. Новое знание о мире в таком случае выступает как побочный результат исследовательских усилий. Это обстоятельство кардинальным образом меняет самоопределение исследователя по отношению к смыслу своей профессиональной деятельности. Традиционная смысловая составляющая научных усилий, нацеленная на постижение тайн бытия, овладение истиной и приумножение массива научного знания, часто сменяется соображениями коммерческого характера. Таким образом, свобода научного творчества оказывается перед лицом реальной угрозы, а это ведет к деструкции самого процесса развития профессионального научного сообщества.

В свою очередь, принцип коллективизма приходит в противоречие с необходимостью соблюдения коммерческой тайны, а организованный скептицизм преломляется в неоднозначных процедурах экспертизы полученных результатов. Деятельность экспертного сообщества скорее предполагает не выяснение объективного контента, а отслеживание локальных рецептурных регулятивов, пригодных для использования в отдельном конкретном случае.

Существенные изменения претерпевают гуманистические идеалы науки, значимые в прошлом для ее великих создателей и для научного сообщества в целом. Очевидно, что в современном обществе не исчезает необходимость этической экспертизы. Однако ее осуществление применительно к постакадемической науке является проблематичным, поскольку этическая нагруженность исследований вступает в конфликт с меркантильными интересами отдельных людей и социальных групп, представленных в роли заказчиков и потребителей научной информации.

Деструктивные явления не могут не приводить к негативным издержкам на уровне личностного самоопределения отдельных ученых. Например, они проявляются в снисходительном отношении к плагиату, к нарушениям базовых принципов соавторства в науке, к изменениям эпистемологической

культуры исследователей. Об этом свидетельствует наличие публикаций, в которых отсутствуют данные о методах получения представленных результатов научного поиска. Таким образом, снижается уровень критической рефлексии и нарастают элементы субъективизма, что остается недопустимым для академической науки.

Переформатирование когнитивных, целевых и ценностных установок научного сообщества, зримая трансформация научного этоса ведут не только к изменениям габитуса исследователей, но и к его групповой дифференциации и стремительной поливариантности. За метаморфозами научного габитуса скрывается радикальное обновление всех ипостасей знаниевых практик в постакадемической науке. В настоящее время ее пролонгация и соотношение с академической наукой вызывают ряд вопросов, что во многом обуславливает не только проблематичность, но и многовекторность исследований научного габитуса в рамках современной философии науки.

Контекстуальные изменения постакадемической науки, обновление методологического сознания на надындивидуальном и индивидуальном уровнях влекут дальнейшую дифференциацию и перестройку статусов внутри научного и технико-технологического сообщества. Наряду с традиционной фигурой теоретика, творящего из познавательного интереса к миру, возникают и стремительно набирают силу новые ролевые статусы: кастомизатор, идентификатор проблем (*problem identifier*), их «решатель» (*problem solver*). Таким образом, наука приобретает статус важнейшего социального института современного общества.

Перестройка науки как социального института осуществляется в разных вариациях: формирование кластеров науки, появление сетевой науки и сетевых узлов в развертке научных исследований.

Сетевая наука как своеобразный продукт дигитализации культуры свидетельствует о растущей ангажированности сетевого сообщества миром интенсивно развивающейся и авторитетной науки. Ареал сетевой науки – это обработка больших массивов информации (анализ фотоизображений, выбор нужной пространственной модели из многих тысяч возможных, работа с фотокопиями архивных документов) или же сбор информации посредством наблюдений.

Если сетевая наука в настоящее время выступает в качестве «боковой ветви» научного поиска, то формирование современных кластеров науки определяет одно из магистральных направлений ее развития. Коммерческий характер кластеров науки, объединяющих усилия науки и производства, предполагает разработку не только наукоемких прикладных технологий, но и технологий внедрения, а также поиск партнеров, наличие

комплекса информационных услуг, обучение и переподготовку персонала для работы и т. д.

Университетская и академическая науки в настоящее время различаются сложной иерархической структурой, в то же время для современной постакадемической науки в силу вступают гетерогенные, нежесткие структуры организации исследования. С одной стороны, это совершенствующаяся система получения грантов на проведение научных изысканий, а с другой – появление сетевых узлов, модернизирующих сам процесс научных исследований.

Продуктивная работа в современной науке предполагает создание и использование развитой околonaучной инфраструктуры, актуальной модификацией которой выступают сетевые узлы. Сетевой узел как новая форма организации научно-исследовательской деятельности предполагает, что отдельные институты (например, лаборатории) сходного профиля существуют не в изоляции друг от друга, а погружены в систему связей с подобными учреждениями по всему миру. В случае необходимости ресурсы всех участников сети как открытой системы доступны друг для друга.

Новые формы науки являются своеобразным воплощением интеллектуального трансферта. Первоначально его осуществление было связано с появлением венчурных фирм в процессе создания кластеров науки, а затем и венчурных фондов. Венчурные организации призваны связать научно-исследовательские и внедренческие подразделения технопарков и кластеров науки с заинтересованными представителями различных игроков на экономических рынках разного масштаба и значимости.

Появление сети венчурных организаций меняет характер связи между наукой и обществом. Ранее предполагалось, что наука, выполняя свою культурно-мировоззренческую функцию, призвана информировать заинтересованную общественность о своих достижениях. В настоящее время наряду с традиционными потоками научной информации, адресованных широкому потребителю в разных слоях общества, набирают силу тенденции прямо противоположного свойства: общество проявляет заинтересованность в том, чтобы сообщить науке о своих потребностях, желаниях, а в ряде случаев и опасениях. В своей развертке наука получает новые стимулы к развитию – потребности и ожидания потребителей.

В связи с этим необходимо обратить внимание на появление в интернете информационных онлайн-систем, особых научных коммуникационных хабов, призванных сначала аккумулировать информационные потоки, создаваемые децентрализованными научными сообществами, а затем обеспечить систематизированный доступ к ресурсам потребителям разного ранга.

Такая организация работы с информацией получила наименование «локутная интеграция». Рост численности информационных хабов научного

профиля вносит элемент новизны в научную коммуникацию, а также символизирует появление нового механизма в осуществлении общественного разделения труда в рамках профессионального научного сообщества.

Изначально связь традиционной науки и техники во многом носила не-систематический характер. Инновационная деятельность на этапе постакадемической науки иначе позиционирует эту связь. Придавая ей необходимую системную организацию, постакадемическая наука обнаруживает востребованность научных исследований в качестве поставщика не только новых знаний, но и новых технологических решений.

Постакадемическая наука отличается присущей ей ориентацией на потребителя, о чем свидетельствуют программные инновации, отталкивающиеся от кастомизации инновационных научно-технических продуктов, выпускаемых на широкий рынок. Своеобразную «человекоразмерность» демонстрируют, например, коммуникационные и биомедицинские технологии. Индивид как массовый потребитель наряду с инвестиционным капиталом выступает мотивирующим фактором в развертке современной стадии научно-технического прогресса, определяет его лицо.

Существование и развитие постакадемической науки предполагает ее развернутое информационное обеспечение. С одной стороны, оно призвано донести до массового потребителя информацию о новых высокотехнологичных продуктах и услугах, а с другой – информировать о предпочтениях, ожиданиях и пожеланиях потенциальных потребителей, что позволит выбирать из числа потенциально осуществимых технологических разработок те, что приносят коммерческую выгоду.

Таким образом, интенсивно развивающаяся в условиях когнитивного капитализма постакадемическая наука наглядно демонстрирует как содержательные трансформации вновь возникающих форм научного знания, так и значимые изменения роли науки в обществе. Современная наука, как и наука прошлого, обнаруживает способность к глубинным изменениям, что, в свою очередь, делает ее определенным эталоном для разнообразных инновационных процессов в жизни общества нового тысячелетия.

2.3. Управление на основе ценностей и философия Agile

К числу основных тенденций цивилизационной динамики, оказывающих глобальное влияние на большинство видов человеческой деятельности и мир в целом, относится цифровая трансформация – процесс, обусловленный ускоренным развитием и массовым внедрением новых технологий поиска, хранения, обработки и передачи информации. Открывая новые

возможности для эффективного функционирования ключевых секторов экономики, цифровизация становится приоритетным вектором роста производства и важнейшим фактором устойчивого развития общества. В настоящее время цифровые технологии, информационные потоки и каналы обмена данными представляют собой бóльшую экономическую ценность, чем глобальная торговля товарами. Формируется глобальная цифровая экономика – сфера экономической деятельности, основанная на цифровых технологиях и инновационных решениях, ядром нового поколения которых являются искусственный интеллект и инструменты машинного обучения.

Процессы трансформации глобальной мировой экономической системы определяются переходом от экономики индустриального типа к новой экономике, главным ресурсом которой выступают знания и человеческий капитал, инновационные достижения, наукоемкие и информационные технологии. Экономику данного типа отличает широкое применение новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, стремительное развитие и продвижение инноваций. Значимым показателем успешности и конкурентоспособности в условиях цифровизации становится Глобальный инновационный индекс (*The Global Innovation Index, GII*) – всестороннее многоаспектное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по уровню их инновационного потенциала и показателей деятельности в области инноваций. Ранжируя экономики по эффективности их инновационных систем, Глобальный инновационный индекс содержит оценку состояния национальных систем инновационной деятельности, включая уровень развития цифровых инновационных экосистем, а также показатели в области устойчивого развития и достижения нового качества жизни будущих поколений.

Новые методологические подходы к управлению возникают в условиях нарастающих темпов цифровизации, активного поиска новых форм и способов коммуникативного взаимодействия, отражающих сложность и динамизм цифровой трансформации современного общества, необходимость интеграции экономической и этической составляющих деятельности, включения организационных структур и процессов управления в глобальную социально-экологическую повестку. Идея ценностно ориентированного управления как стратегического управления, направленного на создание материальной или нематериальной ценности организации, получила свое развитие в парадигме ценностного управления, или управления на основе ценностей (*Management by values, MBV*), которая сменила и дополнила возможности предшествующей парадигмы управления на основе целей (*Management by objectives, MBO*). Появление данного подхода к управлению, определившего новое измерение менеджмента, было обусловлено как

трансформацией самого объекта управления, так и его внешней среды под воздействием различного рода факторов, среди которых основными являются социокультурные, технико-технологические, экономические и институциональные.

Исходное понимание ценностно ориентированного управления базировалось на отождествлении понятий «ценность» и «стоимость», при этом само ценностное управление сводилось главным образом к экономической деятельности и эффективным управленческим решениям, направленным на максимизацию ценности компании как стоимости. Согласно актуальному видению, ценностное управление представляет собой управление на основе общих, согласованных и разделяемых всеми сотрудниками организации корпоративных ценностей (таких как инновации, качество, открытость, доверие, технологичность и др.) В данном случае управление предполагает определение всеми заинтересованными сторонами корпоративной основы как совокупности ключевых ценностей и формирование культуры, соответствующей этим ценностям и наиболее значимым экономическим и неэкономическим задачам организации. Способствуя формированию единого видения и целей в организации, управление на основе ценностей акцентирует внимание на ценностях организации и их роли в принятии стратегических решений, создании корпоративной культуры и достижении успеха организации в целом.

Обосновывая новый подход к управлению, С. Долан и С. Гарсия отмечают, что «управление на основе ценностей становится важнейшим инструментом создания стабильной, конкурентной и более человечной корпоративной культуры. Управление на основе ценностей (или ценностное управление) можно назвать и философией, и практикой менеджмента, связывающей важнейшие ценности организации с ее стратегическими целями»¹. Ценностное управление подразумевает соблюдение корпоративной культуры и социальной ответственности, сочетание организационной структуры и процессов управления с принципами и ценностями компании, которые при этом должны транслироваться в поведении ее сотрудников и поддерживаться посредством системы внутренних коммуникаций, корпоративных стандартов и регламентов. Философия и практика ценностно ориентированного менеджмента исходят из необходимости создания и развития корпоративной культуры как пространства коммуникативного взаимодействия и креативной деятельности, без которых невозможны инновации.

¹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М. : Претекст, 2008. С. 19.

Ценностное управление гуманизирует основное стратегическое видение перспектив развития компании посредством создания системы согласованных ценностей, определяющей основные направления деятельности организации наряду с традиционными экономическими параметрами. С. Долан и С. Гарсия выделяют три измерения ценностно ориентированной стратегии управления и, соответственно, три категории ценностей организации: 1) экономико-прагматичные (ориентация на эффективность, соответствие стандартам деятельности и дисциплине); 2) этико-социальные (убеждения, касающиеся способов поведения); 3) эмоционально-развивающие (мотивация на самореализацию)¹. Управление на основе ценностей помогает внедрить, объединить и расширить эти категории, связав их с целями и задачами организации. Ценностное управление представляет собой философию и практику управления, поскольку оно сосредоточено одновременно на важнейших внутренних и внешних ценностях компании и на ее стратегических целях.

В настоящее время возможности инновационного роста и перспективы развития «новой экономики» определяет сфера информационных технологий как одна из самых перспективных отраслей мировой экономики и наиболее насыщенная инновациями многогранная сфера деятельности, основанная на высокоинтеллектуальном труде. Инновационные разработки в данной сфере связаны не только с созданием, развитием и сопровождением информационных систем и решением задач по результативной организации информационного процесса, но и с использованием эффективных методов и инструментов управления, поиском новых методологических подходов к управлению, идеи и принципы которых оказываются востребованными в других областях инновационной деятельности.

Специфику ценностно ориентированного менеджмента в индустрии информационных технологий отражает гибкая методология разработки программного обеспечения (*Agile software development, Agile*), которая стала популярной в последние десятилетия. Методология Agile подразумевает следование четырем главным ценностям и двенадцати принципам организации проектов, которые закреплены в опубликованном в 2001 г. «Манифесте гибкой разработки программного обеспечения» (*Manifesto for Agile Software Development, Agile Manifesto*). Манифест содержит общие установки и принципы гибкого подхода, предполагающего первостепенное

¹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. С. 30–31.

значение: людей и их взаимодействия, нежели процессов и инструментов; эффективно работающего продукта, нежели исчерпывающей документации; сотрудничества с заказчиком, нежели согласования условий контракта; готовности к изменениям, нежели следования первоначальному плану¹.

Гибкая методология представляет собой не столько четкий алгоритм управления, сколько сочетание идей и принципов, на основе которых в ходе выполнения проекта решаются конкретные задачи. Эксперты в области разработки программного обеспечения и управления проектами Э. Стеллман и Дж. Грин отмечают: «Agile – это набор методов и методологий, которые помогают вашей команде эффективнее мыслить, работать и принимать решения. Эти методы и методологии охватывают все области традиционного программирования, включая управление проектами, дизайн и архитектуру программного обеспечения, а также оптимизацию процессов. Все методы и методологии состоят из процедур, максимально четких и оптимизированных, которые легко применить. Кроме того, Agile – это мировоззрение, поскольку правильное мышление может оказать большое влияние на эффективность овладения процедурами»². Ключевые ценности данного подхода задают общую направленность проектной деятельности, определяя взаимосвязь философии гибкого управления и практики конкретного применения его инструментов для наиболее эффективного решения задач проекта.

Гибкая стратегия проектного управления предполагает высокую степень коммуникативного взаимодействия и интеграционный характер работы над проектом, способность к оперативному реагированию на изменения во внутренней и внешней среде, согласованную командную работу и способность к самоорганизации, вовлеченность, постоянное внимание к техническому совершенствованию и качеству проектирования, широкий диапазон применения. Необходимым условием успешной деятельности в данном случае является реализация проекта профессиональной самоорганизующейся командой, разделяющей базовые установки и принципы гибкой адаптивной методологии. Отказ от долгосрочного планирования, ставка на эффективную работу небольших команд в условиях постоянно изменяющихся требований отличают гибкий подход от классической модели проектного управления, подразумевающей деление проекта на ряд последовательных этапов и их выполнение в строго фиксированном порядке по линейной схеме.

¹ Manifesto for Agile Software Development [Electronic resource] // Agile Alliance, 2001–2019. URL: <http://www.agilealliance.org/agile101/the-agile-manifesto/> (date of access: 15.05.2024).

² Стеллман Э., Грин Дж. Постигая Agile. Ценности, принципы, методологии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 16.

Согласно классической модели, управление проектом осуществляется по так называемому водопадному, или каскадному, циклу (*Waterfall*), при котором проект делится ряд последовательно реализуемых этапов: инициация, планирование, разработка, реализация и тестирование, мониторинг и завершение проекта. Классический подход наиболее эффективен в ситуациях отсутствия неопределенности, когда задан четкий алгоритм достижения цели и все промежуточные этапы проекта могут быть выполнены в строгой последовательности, при этом соблюдаются такие условия, как низкие риски, обязательная реализация первоначального плана, значительная вероятность того, что требования к результатам будут оставаться неизменными на протяжении всего проекта. Данный подход востребован в сферах, предполагающих долгосрочное планирование и контроль производственных процессов. Его основными отличительными особенностями являются простота использования, необходимость следования определенным этапам, жесткая методология, важность тщательной подготовки и подробной документации.

Agile-подход предполагает разработку проекта в коротких циклах – итерациях, что позволяет более гибко реагировать на изменения и вносить корректировки по мере необходимости. Во время каждой итерации команды проходят процессы планирования, выполнения, тестирования и оценки результатов. Этот подход также предполагает гибкую организационную структуру управления, сотрудничество между всеми участниками проекта, работу с отзывами клиента и совершенствование продукта на каждом этапе. Проектное управление данного типа характеризуется небольшими циклическими изменениями, которые внедряют в ответ на изменение требований: методология Agile подразумевает регулярное получение обратной связи от заинтересованных участников и последующее внесение изменений.

Гибкая стратегия управления проектами учитывает современные условия ведения бизнеса и специфику инновационных секторов экономики. Философская составляющая гибкого неформализованного управления базируется на приоритетизации ценностей и установок, организующих проектную деятельность в целом; основой гибкой стратегии менеджмента являются общие идеи и принципы, воплощающие определенный стиль мышления¹. Использование Agile представляет собой сложный и длительный

¹ Шаврова О. Г. Эффективное управление проектами: классический подход и гибкие методологии // Философия и ценности современной культуры : материалы XIV Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 26 марта 2020 г. / БГУ, ФФСН ; редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 223.

процесс, который предполагает перестройку всей системы управления, начиная с определения ценностей организации и формирования на основе этих ценностей корпоративной организационной культуры. При этом реальная работа над проектами во многих случаях подтверждает целесообразность сочетания классического и гибкого подходов, ситуативного использования гибридных методологий проектного управления с учетом специфики проекта и организации.

Гибкий подход к управлению проектами, формирование которого было связано с опытом обобщения конкретных инновационных методов разработки программного обеспечения в сфере информационных технологий в противовес чрезмерно регулируемым и формализованным практикам, в настоящее время получил широкое распространение за пределами индустрии информационных технологий. Эффективность философии Agile в проектном менеджменте с высокой степенью неопределенности и рисков объясняет рост популярности данной методологии. В реалиях динамично развивающейся цифровой экономики увеличивается количество управленческих систем для различных организаций и процессов, созданных на основе идей и принципов Agile. Ценностные установки гибкого подхода активно используются в различных областях деятельности: от промышленной инженерии и банковского сектора до медицины, образования и искусственного интеллекта. Наибольшую эффективность система Agile демонстрирует в сферах разработки программного обеспечения, маркетинга и рекламы при создании инновационных продуктов и реализации творческих проектов.

В условиях современной экономики важнейшими ценностями организации являются профессионализм сотрудников и развитая корпоративная культура, а движущей силой экономического роста и проводником инноваций становится человеческий капитал. Особенность «новой экономики» заключается в возрастающей роли нематериальных активов и высококвалифицированного труда, уникальных способностей, профессиональных и над-профессиональных компетенций. При реализации ценностно ориентированного менеджмента и гибких методологий управления особое значение приобретают универсальные компетенции, или гибкие навыки (*Soft skills*), связанные с личностными качествами и социальными способностями индивида. К ним относятся аналитическое мышление, коммуникативность, гибкость и адаптивность, результативность и ориентированность на достижение целей, умение работать в команде и координировать свою деятельность с другими, принимать ответственные решения и эффективно действовать в проблемных ситуациях высокого уровня неопределенности. Для методологии Agile важны универсальные компетенции и гибкие навыки,

поскольку они помогают создать сильную команду и установить эффективное взаимодействие всех заинтересованных в реализации проекта сторон, тем самым достичь оптимальных результатов.

Появление новых управленческих парадигм в значительной степени связано с необходимостью изменения экономического мировоззрения и философии принятия управленческих решений. Расширение методологического реестра современного менеджмента осуществляется в условиях развития информационного общества и становления экономики знаний, нарастающих темпов цифровизации, освоения новых социальных и коммуникативных практик, отражающих многомерность и динамичность быстро развивающейся виртуально-информационной реальности и гетерогенный характер современной культуры¹. В пространстве философской рефлексии данные поиски связаны с осмыслением идей нелинейности и самоорганизации, обоснованием возможностей и перспектив открытой рациональности, отличительной особенностью которой является коммуникативное содержание, наполненное новыми контекстуальными социокультурными и аксиологическими компонентами.

Теоретические и практические вопросы управления в условиях «новой экономики» предполагают выход к более широким контекстам, определяющим их философско-методологический статус и социокультурные основания. Управление на базе ценностей как новая модель, дополняющая парадигму управления на основе целей, способствует более целостному, устойчивому и эффективному управлению организацией в контексте динамики и нестабильности внешней и внутренней среды. В ракурсе концепции устойчивого развития ценностно ориентированный управленческий подход выступает в качестве эффективного инструмента интеграции в глобальную социально-экологическую повестку, актуализируя взаимосвязь экономических, социальных и экологических целей в стратегических планах управления². Трансформация организационных структур управления посредством включения корпоративной социальной ответственности в содержание стратегии развития компании позволяет акцентировать внимание на социальных аспектах экономической деятельности, которые являются

¹ *Шаврова О. Г.* Управление на основе ценностей: принципы гибкого подхода // Академик В. С. Стёпин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы : сб. науч. ст. и материалов междунар. науч. конф. памяти академика В. С. Стёпина и XVI междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», БГУ, ФФСН ; редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.) [и др.]. Минск : 2022. С. 436.

² *Каячев Г. Ф., Локтионов Д. А.* Эволюция ценностного подхода в управлении компанией // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Т. 6, № 4. С. 399.

источником формирования корпоративной культуры и корпоративных ценностей организации. Доверие, имеющее ценностную природу, становится важнейшей составляющей системы эффективного управления, ориентированного на устойчивое развитие.

Актуальные тенденции развития теории и практики управления в значительной степени определяются приоритетами социодинамики постиндустриального информационного общества и ценностями «новой экономики», при которой социальный прогресс и экономический рост достигаются путем использования нового фактора производства – постоянно обновляемых знаний. Управление на основе ценностей, а также принципы Agile все более востребованы в условиях повышенной турбулентности внешней и внутренней среды, высокой степени неопределенности и рисков, обуславливающих необходимость перехода современного менеджмента от шаблонных алгоритмических схем управления к нелинейным подходам и гибким методологиям.

3. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

3.1. Нарративный плюрализм: конкуренция культур и реванш Просвещения

Несмотря на то что пристальное внимание философов к постмодернизму осталось в прошлом, состояние постмодерна как ситуации переизбытка актуальных культурных образцов усугубляется по мере разворачивания процессов детерриторизации и взаимопроникновения культур внутри глобального социума. В соответствии с характеристиками модерна, представленными Г. Люббе¹, постмодерн более корректно определять как аспект динамики развитого посттрадиционного общества, а не как некоторый шаг в преодолении модерности. Напротив, мировоззренческий плюрализм, эклектичность, пафос критики, интеллектуального подозрения и эмансипации присутствуют уже в культуре модерна, сущностная характеристика которого осмысливается Г. Люббе как «одновременность неодновременного».

Постмодернистский дискурс тесно связан с критикой модернистских претензий на универсальность и легитимность, обеспеченную доступом к онтологически гарантированной истине. Однако философское подозрение в отношении очевидности обнаруживается еще в просветительской критике предрассудков, а характерная для постмодернизма эклектичность присутствует уже в культуре модерна в силу рассинхронизации институционально-технологических комплексов модернизирующегося общества, которые развиваются с различной скоростью, провоцируя поиск стратегий инклюзии, реинтегрирующих разбегающиеся культурные миры.

Постмодернистская ирония стала ответом на недоверие модернистскому метанарративу. Транслируя ироническую установку с распространением контрмодернистского дискурса, тем не менее постмодернизм развил модернистскую интенцию иерархизации и селекции культур, но иным образом. Эксплицитная диктатура универсальности сменилась имплицитной ориентацией на признание уникальности, наивная уверенность в легитимности истины – ироническим скепсисом. Однако не все культурные сообщества допускают ироническую позицию в отношении устоявшихся представлений, провозглашенных истинными. Далеко не все культуры способны выдерживать скептический вызов и множественность истин. Отстаивая разнообразие перед унификацией, мультикультурность – перед ассимиляцией и полилог – перед монологом, постмодернизм косвенно реабилитирует антимодернистские

¹ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016.

идеологии и практики¹, однако вместе с тем утверждает имплицитные культурно-политические ориентации, оставляющие если не идеологические, то прагматические преимущества за обществами зрелого модерна.

Вызов, брошенный постмодернистской критикой легитимности просветительских притязаний на аксиологический универсализм, в большей степени угрожает традиционалистским идеологиям и ориентирующимся на их воплощение социально-политическим порядкам. Закат метанарративов, претендовавших на общечеловеческий масштаб, сменился рассветом и нередко войной локальных нарративов, претендующих на статус дискредитированного просветительского метанарратива в локальных культурных сообществах. Не все подобные локально масштабированные метанарративы, отстаивающие групповую уникальность и монолитность перед лицом идеологии общечеловеческого, допускают альтернативную уникальность, плюрализм дискурсов и практик, логично следующий из утраты онтологического алиби власти.

В контексте постмодернистской критики онтологических оснований господства самоочевидную легитимность утратили как просветительский метанарратив, так и его альтернативы. Мультикультурализм, культурно-политический коррелят философского постмодернизма в процессе своей идеологической экспансии уперся в институционально-аксиологический горизонт. Легитимное и бесконфликтно существующее разнообразие, плюрализм эстетик и техник существования в сравнении с антимодерными альтернативами успешно обеспечивается институтами и политической культурой зрелого модерна. В пользу последних недвусмысленно высказался знаменитый теоретик и популяризатор постмодернистского нарратива У. Эко: «Терпимость к различиям, безусловно, является одной из наименее оспоримых ценностей, и мы считаем нашу культуру, научившуюся быть терпимой, – зрелой, а те культуры, которые не признают терпимости, – варварскими. В противном случае, можно было бы отправиться туда, где еще существуют каннибалы, и съесть их – пусть учатся»². Реабилитация различия, инклюзия Другого, столкнулась с проблемой универсальных институциональных гарантий для сосуществующих различий. В зрелом современном обществе такие гарантии предоставляет политико-юридическая система,

¹ *Екадумов А. И.* Диалектика постмодернизма: от деконструкции к постправде // Философско-методологические исследования / А. И. Зеленков [и др.] ; науч. ред. А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 2020. Вып. 3 : Стратегия модернизации как приоритет развития транзитивных обществ.

² *Эко У.* Священные войны – страсть и разум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20011009/139463.html> (дата обращения: 15.05.2024).

сформированная в соответствии с идеологемами Просвещения. По этой причине пристальный взгляд на постмодернистскую реабилитацию различия обнаруживает за ней очередное признание тождественного.

Тождество, прежде гарантированное предполагаемым доступом к трансцендентальному означаемому, сменилось всеобщностью, обусловленной не присутствием, а отсутствием чьего бы то ни было доступа к предельным основаниям бытия и мышления.

Постмодернистская критика современного метанарратива осуществлялась на тех же парадигмальных основаниях, что и экспансия современной идеологии всеобщего. Субъект-центрированное понимание рациональности, развитое философией Нового времени, воспроизвело себя в постмодернистском определении мира как текста, не подлежащего окончательному прочтению. Отказ от тотализирующего системотворчества и притязаний на финалистское понимание истины преодолел предрассудки модерна, сменившие предрассудки домодерного мира, и даже реабилитировал последние. Однако субъектоцентризм, несмотря на провозглашенную «смерть субъекта», остался имплицитным основанием постмодернистского мышления, оставившего интерпретатора, т. е. читателя, порожденного «смертью автора», наедине с миром-текстом, утратившим трансцендентальное означаемое в качестве последнего ключа расшифровки.

Осуществляя теоретическую критику современных притязаний на универсальность нарратива, постмодернизм воспроизводит все те же интенции: определение мира как текста, пусть и допускающего бесконечную вариативность перепрочтений, адресует адепта данной позиции к априорному принятию мировоззренческой перспективы из вполне определенной культуры, породившей и распространившей отвлеченно-текстологическое переживание мира, предполагающее дистанцированность интерпретатора от текста. За постмодернистской деконструкцией и плюрализмом толкований стоит культура архивов, отчужденных от автора и отвлеченных от событий их порождения письменных текстов. Это культура рукописей и книг, существующих автономно от создателя. Как универсализм модерна, так и плюрализм постмодернизма укоренены в культуре отчужденных текстов и воспроизводят общее субъект-центрированное понимание рациональности. Ничто внешнее субъекту-читателю не гарантирует аутентичности прочтения. Несмотря на то что этот субъект провозглашен мертвым, он остается предельной культурной позицией, в которой осуществляется очередная – последняя – смысловая сборка бытия. При этом очевидно, что никакая культурная норма не нормативна сама по себе, а является таковой в сложной сети ситуативных контекстуализаций, доступных носителям различных культурных кодов в неодинаковой степени.

Если дезавуированный универсализм Просвещения легитимен лишь внутри специфической системы дискурсов, то аналогичное утверждение справедливо и в отношении постмодернистской критики, и в отношении любой другой совокупности нарративов.

Как модерный метанарратив, так и постмодернистский контрнарратив воспроизводят не более чем согласованные наборы языковых игр, самодостаточных семиотических миров и реализуемых внутри этих миров аксиологических комплексов, равноценных в своей безосновательности перед лицом тотальной деконструкции.

Теоретическая констатация утраты универсальных оснований культуры коррелирует с негативным мультикультурализмом локально-цивилизационного подхода в сфере политики. Его очевидной манифестацией выступили известная концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона и в контексте подведения итогов Просвещения – проповедь отказа от притязаний на универсальность и уважения к иным культурам Дж. Грея, развернуто изложенная в «Поминках по Просвещению»¹.

Утратившее самоочевидные онтологические гарантии, навязывание тождества и третирование инаковости сменилось навязыванием инаковости, не обеспеченным очевидным и универсальным алиби, помимо констатации наличия разнообразных, несоизмеримых культур-универсумов. Если модерный универсализм дезавуируется как идеология европоцентрического культурного и политико-экономического империализма, то созвучная постмодернистской реабилитации различия рецепция шпенглеризма на новых основаниях радикально не разрывает связь с империалистической позицией, однако теперь латентный культурный империализм позиционируется не как наступательный, а как оборонительный. Представители инокультурных сообществ, так и не ставшие своими, четко маркируются как другие (чужие), с которыми возможны: поддержание изоляционистского нейтралитета, либо конфликт, либо осуществление альянсов против более опасных цивилизационных чужаков.

Созвучная постмодернистскому плюрализму культур, локально-цивилизационная стратегия в политике малоперспективна, поскольку соответствует теоретической оптике, оперирующей представлением о мировом политическом пространстве мест, тогда как оно во все большей степени поглощается пространством потоков. Данное обстоятельство исследовал М. Кастельс². О становлении транснациональной политики, соответствующей

¹ Грей. Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М. : Праксис, 2003.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

транснациональной экономике, но не получившей адекватного теоретического осмысления, писал У. Бек, критикуя методологический национализм в понимании глобальных политических процессов¹.

Мультикультуральность в условиях детерриторизации производит другие конфликтогенные обстоятельства, а не те, что характеризовали мир национально-государственных территорий. Глобальные конфликты неизбежно протекают в некотором географическом пространстве, но их причины, динамика и разрешение уже не определяются привязкой к четко определенным местам. Альтернативой локально-цивилизационному видению социокультурных обстоятельств разворачивания конфликтов в глобальном мультикультуральном мире выступает цивилизационно-волновая концепция, где маркерами цивилизационной принадлежности служат изменяющиеся и комплиментарные в условиях культурной глобальности идентичности комплексы, а также технологически-институциональные концепции. В контексте цивилизационно-волновой модели истории также идет речь о конфликте цивилизаций. Однако это не связанное с территориями расселения противоборство носителей несовместимых культурных образцов, а столкновение, связанное со сменой социокультурных эпох, воплощенных в институтах и технологиях. Цивилизационный конфликт, по Э. Тоффлеру, хотя и проецируется на пространство национальных государств, разворачивается в культурном времени и обусловлен принципиальной технологически-институциональной рассинхронизацией аграрного, индустриального и постиндустриального обществ².

Проблема осмысления конфликтов глобального мира в перспективе волнового подхода Э. Тоффлера та же, что и у локально-цивилизационной модели С. Хантингтона: продуцирование социокультурных гибридов, технологически-институциональных миксов, ситуативно сконфигурированных в динамике пространства потоков, не позволяет выделить чистые цивилизационные типы в конкретной ситуации кросс-культурного конфликта-диалога и тем самым провести границы культурного противостояния.

Перспективной альтернативой цивилизационным интерпретациям постнационального мира является концепция порядков ограниченного и открытого доступа, позволяющая переосмыслить проблему культурно-аксиологических оснований конфликтов в контексте реабилитации Просвещения с его притязаниями на аксиологическую универсальность. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст предлагают социокультурную концепцию, не привязанную

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М. : Прогресс-Традиция : Изд. дом «Территория будущего», 2007.

² Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М. : АСТ : Транзиткнига, 2005.

к идентичностям или конкретным комплексам технологий, позволяющую определить пределы совместимости конкретных социальных институтов, исходя из сущностных принципов их функционирования. Основанием демаркации социальных порядков выступает способ организации контроля над насилием и доступа к благам¹. Исторически первый порядок ограниченного доступа основан на отлучении лиц, не имеющих ресурсов насилия, от источников богатства. Напротив, режим открытого доступа развивается как институциональная система, гарантирующая любому члену общества условия для достижения интересов независимо от персонального ресурса насилия.

Таким образом, порядок ограниченного доступа существует благодаря распределению эксклюзивных возможностей, тогда как порядок открытого доступа воспроизводится за счет возрастающей инклюзии. Первому соответствует партикулярная мораль и ориентация социальных акторов на игру с нулевой суммой. Второму – универсалистская мораль и ориентация на игру с ненулевой суммой². Существенным является то обстоятельство, что ориентация на универсальность принципов и норм, а также на социальную инклюзию не требует унифицированной и обязательной для всех участников общества морально-аксиологической системы представлений, дополненной жестко параметризованной идентичностью. Интеграция и кооперация акторов в отсутствие унифицирующей общности норм может достигаться моральным консенсусом, обеспеченным не общностью представлений о моральном благе, выраженных суммой предписаний о должном поведении, а общностью запретов. Отсутствие консенсуса о должном способно компенсироваться консенсусом относительно недозволенного.

Вместе с тем аргументом в пользу возможности универсальных ценностных представлений, потенциально разделяемых участниками глобального метаобщества, как предписывающих, так и воспрещающих определенные действия, выступает не очевидность онтологических оснований, дезавуированная постмодернистской критикой, а сама возможность языка как предельного условия для существования любой культуры. Трансцендентально-прагматическое обоснование не данности, а принципиальной возможности универсальности смыслов, осуществленное К. О. Апелем, и предложенный Ю. Хабермасом переход от субъект-центрированного понимания рациональности к коммуникативному, намечает как перспективы

¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

² Екадумов А. И. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2022. № 1. С. 27–31.

теоретической реабилитации современного универсализма, так и горизонты оценок для возможностей различных культур определять тенденции в глобальном социокультурном универсуме.

Преодоление делегитимирующего эффекта постмодернизма связано со сменой субъект-центрированной парадигмы мышления на коммуникативную. Мир не столько текст, сколько Другой. Другой как соучастник коммуникации задает горизонт нашему произволу интерпретаций, точно так же, как мы являемся горизонтом и ограничителем чужого истолкования нас, когда речь идет не только о критическом теоретизировании, но и о практическом воплощении ценностно-мировоззренческих представлений. В контексте инструментально-прагматической ценности универсализма для снижения конфликтных рисков глобального мира, а также в контексте его теоретической реабилитации более корректно говорить не о конфликте чужих цивилизаций, а о конкуренции инклюзивно и эксклюзивно ориентированных политических культур. Выходом из кризиса монологического универсализма первого модерна и цинического партикуляризма постмодерна является диалогический универсализм второго, рефлексивного, модерна. Институциональное обеспечение не абсолютного, а максимально достижимого бесконфликтного воспроизводства уникальных культур возможно в обществе, ориентированном на расширение инклюзии. Эмансипация и экспансия как сущностные интенции модерна успешно реализуются с расширением инклюзивности. Анализ, предпринятый Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом, демонстрирует становление современного общества как формирование порядка открытого доступа, приумножающего свои возможности контролировать насилие и производить блага по мере усиления способности к инклюзии. Пределы инклюзии определяются способностью культурных сообществ, претендующих на признание своих ценностных притязаний, сосуществовать с другими культурными сообществами, отстаивающими аналогичные притязания, но в отношении иных аксиологических образцов. Защита уникальности сосуществующих культурных сообществ гарантируется их взаимным, всеобщим признанием права на отличие.

3.2. Этнические стереотипы как предмет философского осмысления

В настоящее время проблема этнокультурных стереотипов является одной из самых актуальных и востребованных тем для исследований в пространстве социально-гуманитарной мысли. Это обусловлено тем, что этнические стереотипы оказывают влияние не только на особенности межличностного общения, но и на перспективы конструктивного этнокуль-

турного взаимодействия в целом. Глобализация и интенсификация миграционных процессов в совокупности с масштабными и лавинообразными изменениями в социокультурной сфере и геополитических конфигурациях обусловили ренессанс этнического дискурса и его проблемных сторон, одной из которых и является вопрос об этнических стереотипах в современном глобальном полиэтническом обществе.

Первые исследовательские работы, в которых затрагивалась тема социальных стереотипов в целом (1920–1930), отличались критическим отношением к стереотипам как таковым и анализировались преимущественно в сфере социальной психологии (Д. Кац, К. Брейли, Е. Богардус, У. Липпман и др.). Стереотипы интерпретировались как ложные представления, искажающие истинный взгляд на общество. Однако уже во второй половине XX в. (1950–1970) этнические стереотипы становятся объектом внимания более широкого диапазона научной мысли (культурной антропологии, этнологии, этнической психологии, социальной философии, этносоциологии, психолингвистики и др.), и уровень критичности в интерпретации стереотипов снижается. Постепенно научное сообщество отказывается от однозначных утверждений о ложном мифотворчестве в стереотипах (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, О. Клайнберг, А. Х. Гаджиев и др.). Такой подход сохраняется в работах и исследованиях современных авторов, затрагивающих тему стереотипов вообще и этностереотипов в частности (Р. Брубейкер, В. А. Тишков, С. Е. Рыбаков, В. Л. Максимов, В. С. Агеев, П. С. Гуревич, В. В. Кириенко и др.). Следует отметить, что большинство аналитических работ, посвященных этническим стереотипам, создается в рамках социологической или психологической научной мысли и наблюдается дефицит комплексного осмысления, аккумулирующего различные подходы и предлагающего целостное социально-критическое представление об этнических стереотипах. Таким образом, обратим внимание именно на предметное и всестороннее историко-философское исследование сущности этнических стереотипов, их особенности в современных условиях, а также роль в конструировании долгосрочных межэтнических взаимоотношений.

Прежде всего рассмотрим семантические границы интерпретации этнического стереотипа. В социолингвистических словарях зафиксировано общее содержательное определение этнического стереотипа – это упрощенный, стандартизированный, эмоционально-оценочный и устойчивый образ представлений о ценностях, нормах и ключевых паттернах поведения какого-либо этноса и его субъектов (этнофоров). Так, ключевыми характеристиками стереотипа выступает эмоциональная окрашенность, ригидность к новой информации и изменениям, а также высокая степень согласованности

среди членов социальной группы, являющейся носителем стереотипных установок. Необходимо сказать, что этнические и национальные стереотипы не являются равнопорядковыми понятиями и явлениями. Как сами этнос и нация относятся к различным уровням социальной общности, хотя и пересекающимися и оказывающими взаимное влияние, так и этнические и национальные стереотипы отличаются друг от друга. Нация является молодой социально-политической организацией, и ее идеологемы, культурные ценности имеют конструктивистский характер¹.

Этническая культура оказывает существенное влияние на формирование национальных ценностей. Однако следует учитывать, что когда этническая и национальная культуры тождественны (например, японская культура), то современные государства полиэтничны и аккумулируют ценности, атрибутивные образы и установки нескольких этнических общностей или субэтносов одновременно. С учетом географической подвижности политических границ в «короткий XX век» национальная культура и национальные стереотипы представляют собой динамичный конструкт, в котором этнические составляющие могут незначительно варьироваться². В свою очередь, этнические стереотипы более устойчивые, формируются преимущественно стихийно, а не «рукотворно» и имеют свою историю возникновения. Это и является основанием для разграничения национальных и этнических стереотипов и акцентирования внимания именно на последних: этнические стереотипы более укоренены в общественном сознании и представлены в национальной культуре. Национальные стереотипы опосредованы идеологическими и географическими рамками и необязательно отражают образы мышления всех этнических общностей, представленных в нации. При этом важно учитывать, что в силу такой закономерности часто линия демаркации между этническими и национальными стереотипами может быть размыта.

Этнические, а также национальные стереотипы представляют собой схематичный образ, генерализирующий общий социальный портрет носителя этнического сознания. В повседневной практике это выглядит максимально упрощенно: немцы пунктуальны, белорусы терпеливы, эстонцы медлительны. Однако откуда возникают эти представления и отражают ли они

¹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева ; под ред. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. С. 47.

² *Хобсбаум Э.* Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / пер. с англ. Н. Охотина. М. : Corpus, 2017. С. 54.

действительные характеристики этноса? При осмыслении сущности конкретных этнических стереотипов необходим исторический экскурс. Он позволяет выявить историко-культурные условия, в которых находилась та или иная группа, и дифференцировать многократно повторяющиеся ситуации, для которых в этнической группе через определенное время вырабатывается наиболее оптимальная модель поведения, закрепляемая в схематичный образ реакции. Эта аккумуляция культурно-исторического опыта и социально-психологического ответа и формирует стереотип, выполняющий различные функции: генерализацию и передачу опыта, функцию экономии мышления (не требует перманентных поисков на известные и повторяющиеся вопросы) и конструирование собственных идентификационных маркеров, отличающих свою группу от иной. В итоге прошлое представляет собой «символический ресурс коллективной групповой консолидации»¹.

Следует отметить, что механизм освоения, включения стереотипов в систему собственной когнитивной атрибуции может быть вариативным: как непосредственный контакт с этнической общностью, так и опосредованное знакомство через средства массовой информации, общественное мнение, инструменты искусства (кинематограф, литературу, рекламу, фольклор) и др. В связи с этим важно дифференцировать аутентичные этнические стереотипы и приписываемые стереотипы, подкрепляемые социальными мифами. Если аутентичные стереотипы так или иначе соразмерны образу этнической группы, то приписываемые стереотипы искусственно сконструированы, часто навязаны и в силу искаженной или ограниченной информации могут находиться в пространстве предрассудков и предубеждений, быть нерелевантными самой культуре.

Имеет принципиальное значение то, что такие стереотипы чаще всего отражают не столько особенности поведения или ментальные характеристики этноса как объекта представлений, сколько иллюстрируют позицию и отношение этнических групп как субъекта-носителя такого образа о других. Сложность состоит в том, что грань между мифологизированными, т. е. приписываемыми, и аутентичными стереотипами очень тонкая. Ведь стереотипное мышление всегда эмоционально и достаточно резистентно: стереотипы закрепляются на бессознательном уровне восприятия и для их выявления и преодоления требуются целенаправленные и неоднократные когнитивные усилия. Природа стереотипов предполагает обратное: разгрузить мышление, действовать по привычке и шаблону. В свое время об этом писал У. Липпман, впервые введя понятие «социальный стереотип»

¹ Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Проблема этнокультурных оснований исторического сознания в эпоху глобализации // *Вопр. философии*. 2020. № 8. С. 57.

в научный тезаурус: человек, контактируя с ограниченным количеством людей, не имея физической возможности быть участником всех социальных процессов, тем не менее обладает определенными, пусть и упрощенными представлениями о вещах и других людях, получив общую схематичную информацию от других¹. В этом случае возникает еще одна сложность: какой психологический образ закладывается другими в наше сознание. Позитивная или негативная коннотация превалирует в этнических стереотипах, которые искусственно подкрепляются социальными мифами. Более того, повышенный уровень критичности чаще всего свойственен для отражения именно чужого опыта и культуры, что возвращает к размышлению не столько о самой этнической общности, сколько к носителю негативного образа.

Такая дифференциация этнических стереотипов (аутентичные и приписываемые, позитивные и негативные) становится основанием для того, чтобы выделить в структуре социального стереотипа два коррелирующих между собой уровня: когнитивный и эмоционально-ценностный. Схематичный набор условных представлений отражается в когнитивном пласте стереотипов, а эмоционально-ценностный – в позитивной или негативной оценке объекта (этнической общности), которая формируется в сознании воспринимающего. При этом устойчивая корреляция этих уровней проявляется в неизбежном взаимном влиянии: с одной стороны, ошибочный, нерелевантный образ этнической общности может отразиться на его негативной оценке, с другой – предвзятое, тенденциозное отношение к какому-либо этносу инициирует формирование его искаженного образа представления. Такие образы, как «ленивый француз» или «скупой еврей», служат примером некорректной генерализирующей когнитивной и оценочной атрибуции. В результате этнический стереотип может быть эмпирическим индикатором степени напряженности, принятия или непринятия другой этнической группы.

Кроме обозначенной дифференциации, важной классификацией этнических стереотипов выступает их деление на авто- и гетеростереотипы. Более того, специфика формирования и принятия данных стереотипов тесно коррелирует с механизмами и закономерностями проявления этнического самосознания, поэтому стереотип выступает не как случайный набор схематичных представлений, а своеобразный маркер этнической самоидентификации. Рассмотрим указанные виды этнических стереотипов более подробно.

¹ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. С. 94.

1. *Автостереотипы* – это совокупность стереотипных представлений о собственной этнической группе. Они имеют объяснимую социально-психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, сохранение культурно-исторического опыта, формирование и принятие собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне – все это позволяет этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой и, что наиболее важно, очертить собственные социокультурные и духовно-мировоззренческие границы. Генерализация, согласованность и приписывание общих черт всей группе – универсальный механизм как социального, так и этнического стереотипа. Важно учитывать, что этническая группа может придерживаться не только положительной, но и отрицательной формы оценивания собственной культуры. Это напрямую зависит от особенностей выражения этнической идентификации: позитивной или негативной идентичности. Вместе с тем этническое самосознание представляет собой «относительно устойчивую систему осознанных представлений реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса»¹.

За осознанием этнопсихологических, культурных особенностей собственной этнической группы и себя как части этой общности и тождественности с ее характерными чертами следует этап принятия и оценивания. Кроме содержательного компонента, в самосознании важнейшей составляющей выступает также эмоционально-оценочный компонент (например, чувство значимости, гордости, исторической ценности). Однако именно эмоционально-оценочная составляющая в структуре этнического самосознания подвержена колоссальному давлению и может претерпевать существенные изменения в сторону как гиперболизации, так и литотизации (преуменьшения) собственной значимости. Соответственно, представления о типичных чертах своего общества, выраженных в автостереотипах, будут отталкиваться от ценностно-эмоционального полюса самоидентификации. Например, избыточная форма позитивной самоидентификации может быть выражена как в виде этноцентризма, так и этнофанатизма, или этнодискриминации. Проявление этноцентризма чаще всего ограничивается умеренной аффектацией на собственной значимости и неагрессивном изоляционизме по отношению к иноэтническим общностям и их представителям, что выступает как своеобразный внутригрупповой фаворитизм, проявляющийся на бытовом уровне в форме предпочтения представителей своей группы в зоне прямого взаимодействия. Этнофанатизм имеет явные и опасные последствия: чрезмерную приверженность к собственной культурной парадигме,

¹ Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб. : Алетей, 2000. С. 88.

культивируемый традиционализм, агрессивное, интолерантное отношение к другим этнокультурным общностям. Это, безусловно, отражается на общих представлениях, стереотипах, которые формируются в сознании этнической группы о других. Из-за болезненной гиперболизированной протекции собственной этнической или национальной культуры акцентированно принижается или обесценивается другая культура. Дихотомии «друг – враг», «чужие – свои» являются распространенным инструментом в социальном мифотворчестве. По этой причине исследования и выявления особенностей восприятия, стереотипных представлений о собственной или иной этнической группе имеют важное практическое значение: обнаружив в стереотипах проявление девиантных форм этнического самосознания как в сторону гиперболизации, так и литотизации, возможно скорректировать общую эмоционально-оценочную реакцию. Явная асимметрия в оценках своей или чужой культуры становится сигналом к потенциальным угрозам межэтнического взаимодействия. Однако важно учитывать, что это может превратиться в инструмент для конструктивистских решений, ориентированных как на разрешение латентных конфликтов, так и на эскалацию деструктивных действий.

При литотизированной форме выражения этнического самосознания сверхпозитивное ценностно-эмоциональное отношение к собственной группе сменяется повышенной тревожностью и критичностью, что также выражается в автостереотипах. Негативная аффектация имеет разные проявления: этнонегативизм (негативные ассоциации, чувство стыда или вины, повышенная критичность к собственной этнокультурной общности); этноэлиминация (вытеснение собственных и ориентация на иные этнические ценности, попытка заменить их более приемлемыми); этнонигилизм (осознанная идентификация с иной этнической общностью)¹. При этом степень литотизации будет зависеть как от внешних, так и от внутренних психоэмоциональных факторов.

2. *Гетеростереотипы* – стереотипные представления об иной этнической общности и ее этноформах. Они также напрямую коррелируют с особенностями этнического самосознания и выполняют функцию социально-психологической защиты своей группы от дивергентных процессов. При гиперболизированной форме идентичности чужой этнос может потенциально восприниматься как опасный, а при литотизированной форме иноэтническая общность чаще всего выступает компенсаторным инструментом, что также является сигналом для межэтнического взаимодействия. Однако в этом случае необходимо учитывать, что этническая группа представляет

¹ Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. С. 110.

собой особую форму социальной организации, важнейшей особенностью которой выступает приписывание принадлежности к группе как теми, кто в нее входит, так и теми, кто является представителями иной группы. Иначе говоря, превалирующую роль в идентификации любой этнической группы играет факт признания ее двумя акторами: внутренним – через самокатегоризацию и внешним – через дифференциацию и оценивание Другого как непосредственного представителя определенной социальной организации и носителя релевантных стандартов для этой группы. В результате главными принципами идентификации этнической группы и ее культуры выступают принципы сходства и различия: сходство со своими и отличие от других. Сходство со своими коррелирует и объясняет важную характеристику этнического стереотипа – согласованность. Именно обнаружение, а затем и разделение превалирующим количеством субъектов этнической общности единых установок, паттернов поведения и представлений дает возможность реализовать механизм приобщения себя к определенной социальной группе. По этой причине британский ученый, крупнейший специалист по социальной психологии А. Тэшфел полагал, что именно согласованность выступает важнейшей характеристикой любых социальных стереотипов. Отличие от других в этом случае может проявляться как во внешних атрибутах (например, поведенческих или бытовых паттернах), так и на глубоком духовно-мировоззренческом уровне и отражаться в социально-культурном фоне взглядов, ценностных ориентиров и стереотипов.

В настоящее время в условиях миграционных и глобализационных процессов этническая и национальная идентичность претерпевает ряд существенных трансформаций, поскольку самосознание и самокатегоризация не являются статичным и единожды данным или приобретенным феноменом. Идентичность может быть скорректирована и переосмыслена, она может быть множественной и приписываемой, поэтому оценивание и категоризация со стороны всегда имеют ряд сложностей. Аскриптивная (приписываемая) этнокультурная идентичность может не совпадать с аутентичной самокатегоризацией: как идентифицирует себя представитель этнической группы и какую идентичность ему приписывают исходя из внешних антропогенетических маркеров (например, цвета кожи и волос). Таким образом, категоризация не тождественна стереотипизации. Можно идентифицировать кого-либо как представителя той или иной общности, но данный индивид не обязательно будет носителем стереотипов определенной социальной группы. Например, возможно категоризовать индивида как белоруса по внешним антропогенным маркерам, по месту рождения, языку,

но из-за различных институтов социализации и инкультурации данный индивид будет нетипичным белорусом и идентифицировать себя с абсолютно иным этнокультурным сообществом либо же придерживаться принципов множественной, или размытой, идентичности (например, чувствовать себя гражданином мира).

Еще один важный аспект связан со спецификой внешней этнокультурной стереотипизации. Часто она носит негативно-ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы с явным превалированием положительных оценок своей культуры или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии и служить катализатором этнокультурной напряженности. Следует отметить, что именно гетеростереотипы чаще всего являются результатом социального мифотворчества и указывают преимущественно на субъект восприятия, а не на сам объект¹.

Приведем следующие выводы предметного и системного осмысления сущностных особенностей этнических стереотипов в контексте современности:

- современные глобализационные, геополитические и миграционные процессы актуализировали повышенный интерес к этничности, выступающей своеобразной протекционистской реакцией на внешние изменения. На фоне данного парадокса, когда географические границы стираются, а внимание к этнической культуре усиливается, особое внимание уделяется этнической стереотипизации;
- этнические стереотипы выступают непосредственным проводником в исследовании особенностей национальной и этнической идентичности и ее адаптации к современным реалиям. Большинство автостереотипов носит этноцентристский характер, поэтому, исследуя автостереотипы в динамике, можно выявить и проанализировать особенности этнической фрустрации, проекций, а также закономерности историко-культурных приоритетов;
- содержательный пласт и эмоциональный показатель этнической стереотипизации могут служить индикатором, выявляющим потенциальные и реальные угрозы в эскалации этнокультурной напряженности;
- генерализация общих представлений об этнокультурной общности может быть как релевантной и аутентичной, так и искусственно конструируемой, ангажированной социально-политическими и идеологическими представлениями. Особенно явно это прослеживается на фоне конструи-

¹ Курбачёва О. В. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2022. № 4. С. 53.

рования гетеростереотипов, содержательный аспект которых во многом зависит от поставленных целей субъекта (автора) стереотипизации.

Процесс стереотипизации является неотъемлемой частью восприятия и взаимодействия с другими этнокультурными общностями, однако необходимо осознавать, что опасность данного процесса заключается в содержательном и ценностном наполнении, искусственной стигматизации этнофоров и общности в целом, отражающейся на особенностях и перспективах конструктивного межэтнического взаимодействия.

3.3. Культурно-информационное пространство в эпоху цифровых технологий

В начале XXI в. в социокультурном пространстве произошли существенные трансформации. Современная наука и философия столкнулись со сложными проблемами, которые невозможно осмыслить без обращения к инновационной методологии, реализуемой в междисциплинарном подходе. Феномен глобализации культуры и конституирующая роль информационно-коммуникационных технологий в процессе ее реализации являются комплексными проблемами, которые требуют системного философского осмысления. В связи с этим в настоящее время динамику развития современной культуры невозможно рассматривать в отрыве от информационно-коммуникационных процессов.

Используя эвристический и объяснительный потенциал концепта «культурно-информационное пространство», можно наблюдать не только синтез культурных и информационных изменений, но и специфический характер взаимодействия культуры и информационной среды. В условиях, когда глобальные информационные вызовы ставят культуру перед новыми проблемами, а культура оказывается фактором, влияющим на цифровизацию общества, возникают вопросы о способности культуры к сохранению самотождественности и границах ее воздействия на информационную среду. В первую очередь проанализируем социодинамику культуры и выявим ее основные тенденции в условиях нарастающей информатизации и цифровизации.

Рассмотрим основные модели социодинамики культуры: циклическую, эволюционную и синергетическую.

В число *циклических моделей* входят:

- **круговая модель:** каждая культура проходит определенный жизненный цикл от рождения до смерти, двигаясь по замкнутому кругу к исходному состоянию хаоса. В древности развитие культуры происходило медленно, в связи с чем история представлялась людям в виде калейдо-

скопа повторяющихся событий. Подобные взгляды были распространены в V–IV вв. до н. э. в греческой (Аристотель, Полибий) и древнекитайской (Конфуций) философии. Сюда можно отнести теорию круговорота в истории Дж. Вико, основанную на том, что цикл существования любой нации состоит из трех периодов: века богов, века героев, века людей. При этом окончание последнего периода означает собой распад данной культуры и общества. Идея цикличности развития культуры была сформулирована в XIX – начале XX в. в концепции о «культурно-исторических типах» Н. Я. Данилевского, в концепции «морфологии культуры» О. Шпенглера, в теории круговорота локальных цивилизаций А. Тойнби, а также в теории этногенеза Л. Н. Гумилева;

- волновая (волнообразная) модель: предложена российско-американским социологом П. Сорокиным, который считал, что в культуре происходит чередование основных (идеационального и чувственного) и промежуточных (идеалистического и эклектичного) типов, ориентированных на мироощущение человека. В идеациональной культуре мироощущение направлено на сверхчувственное и сверхразумное постижение Абсолюта, Бога. Для чувственного типа культуры характерна сенсорность: внимание переносится на чувственно осязаемые предметы, эмпирический опыт и соответствие земному миру. Развитие заложенных сил в основных типах (идеациональном и чувственном) происходит до предела, затем начинается «откат волны». Чередование основных типов культуры связано с прохождением переходных типов: идеалистического либо эклектичного. П. Сорокин оптимистически характеризует исторический процесс: если культура находится в кризисе, то это означает, что данная мировоззренческая суперсистема исчерпала себя и зарождаются новые основания для формирования иного культурного типа.

Среди *эволюционных моделей* выделяют:

- однолинейную модель (Э. Тайлор, Л. Морган, Д. Фрэнгер и др.): в процессе эволюции человека и его культуры выделяется три универсальных последовательно сменяющих друг друга периода: дикость, варварство и цивилизация. Развитие идет по пути усовершенствования организации общества и человека. Эволюция культуры выражается в наложении одного элемента культуры на другой и оттеснении старого новым;

- многолинейную модель: предполагает отказ от всеобщих законов эволюции и признает множественность путей социокультурного развития. Например, французский биолог и философ П. Тейяр де Шарден утверждал, что начиная с некоторого момента роль разума оказывается определяющей как в судьбах человека, так и природы: происходит постепенный переход

биосферы в ноосферу, т. е. сферу разума, эволюция которой подчиняется разуму и воле человека. Эволюционный процесс идет по пути сглаживания противоречий между человеком и природой. Результатом такого перехода должна стать, по его мнению, «сверхжизнь».

Согласно *синергетической модели*, культура предстает в виде неравновесной, открытой, нелинейной, самоорганизующейся системы. Основателями синергетики являются бельгийский физик русского происхождения И. Пригожин и немецкий физик Г. Хакен. Открытость системы означает наличие в ней источников (входов) и стоков (выходов) обмена веществом и энергией с окружающей средой. Любая культура имеет свою коммуникационную сеть (систему линий связи, путей перемещения и распределения политических, религиозных и других духовных идей, социальных и материальных ресурсов), которая обеспечивает определенное состояние ее жизнедеятельности. Борьба двух начал (созидающего начала-порядка и разрушающего начала-хаоса, диссипации) составляет внутренний механизм формирования, перестройки, достраивания, объединения и распада сложных систем. Именно два противоположных начала: порядок и хаос – обуславливают протекание социокультурных процессов.

Исследование современного мира демонстрирует его нестабильность и неустойчивость, что делает синергетическую методологию операциональной для изучения современных социокультурных процессов.

В условиях глобализирующегося социума взаимодействие культуры и информационно-коммуникационных технологий также носит синергетический характер. Появляется новая синтетическая реальность, составляющая единство информационно-коммуникационных технологий и культуры, – культурно-информационное пространство, которое выступает в качестве особой среды, включающей в себя технико-технологические, информационно-компьютерные, программные составляющие, медиаресурсы и культуру как духовную сферу. Синергетический эффект проявляется в нелинейной взаимозависимости современных технологий и культуры в эпоху глобализации. В ситуации глобальных изменений система человеческого общества находится в неравновесном состоянии, далеко от гомеостаза, когда сама глобализация начинает выступать фактором дивергенции мирового сообщества – проявляется синергетический принцип неустойчивости, который реализуется в современной нестабильности, рискогенности мирового социального пространства, а также в дивергентных тенденциях эпохи постсовременности. В такой ситуации обнаруживается синергетический эффект взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и феномена глобализации. С одной стороны, появление и интенсивное развитие этих

технологий стали возможны благодаря наличию глобализационных процессов, цифровые технологии – это продукт глобализации. С другой стороны, глобализация ускоряет развитие данных технологий, способствуя распространению по всему миру, и в то же время определяет их негативное влияние на культуру. Проявляется кооперативный эффект взаимодействия глобализации и цифровых технологий, при котором прослеживаются как позитивные, так и негативные последствия этого взаимодействия, возникает новая синтетическая реальность, образуется культурно-информационное пространство. В рамках этого пространства обнаруживается взаимное влияние культуры и технологий: современный этап социодинамики демонстрирует интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, определяют специфику дальнейшего развития культуры.

Наступает этап цивилизационного развития, который можно обозначить как информационный, или цифровой. Это стало результатом нескольких информационно-технологических революций, которые произошли в истории мировой культуры. Первая революция связана с изобретением письменности. Вторая революция (середина XVI в.) вызвана изобретением книгопечатания. Третья революция (конец XIX в.) обусловлена изобретением электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объеме. Четвертая революция (1970-е гг.) связана с изобретением микропроцессорной технологии и появлением персонального компьютера. Таким образом, цифровые технологии в своем развитии проходят несколько основных этапов: ручная информационная технология, механическая, электрическая, электронная и компьютерная технологии.

Как отмечает А. А. Лазаревич, «можно выделить четыре исторически сформировавшиеся сферы технологий информатизации общества: электронизация, компьютеризация, медиатизация и интеллектуализация»¹.

Электронизация – это появление электронных устройств, автоматизирующих многие виды деятельности человека, облегчающих доступ к информации. *Компьютеризация* – следующий шаг технического совершенствования информатизации, который становится возможным благодаря появлению компьютера как неотъемлемой части повседневной жизнедеятельности и основного средства информатизации. *Медиатизация* – внедрение современных медиатехнологий в процесс взаимодействия между людьми. *Интеллектуализация* является следующей стадией информатизации, которая включает постоянное совершенствование технологической

¹ Грядущее информационное общество / ред.: А. А. Лазаревич [и др.]. Минск : Белорус. наука, 2006. С. 83.

составляющей, создание «интеллектуальных» машин, подражающих работе человеческого мозга, способных самосовершенствоваться и управлять системами различных уровней сложности. Информационная революция влияет на культуру и коммуникацию современного социума, создает условия для интеллектуальной компьютеризации, медиатизации и информатизации. Информация выступает главной движущей силой новой научно-технической революции, и ее наличие является необходимым условием информатизации общества и научно-технического прогресса.

Современное глобализирующееся общество проходит стадию информатизации и цифровизации, представляющую собой процесс, для которого характерны следующие особенности: возрастает скорость передачи информации, появляются технические средства, которые позволяют осуществлять такую передачу без «открытых механизмов», основанных на непосредственном восприятии информации. Первыми технологиями, которые осуществляли быструю передачу информации и не требовали непосредственного передвижения самого человека, были телеграф, радио и стационарный телефон. В дальнейшем появляются новые средства, которые увеличили скорость трансляции информации: телевидение, спутниковая связь, интернет, мобильная телефония. Последующая их модернизация приводит к появлению цифрового телевидения, оптоволоконных кабелей, высоких технологий, основанных на постоянно совершенствующемся программном обеспечении, которое позволяет создавать «интеллектуальную технологию», лежащую в основе моделей «искусственного интеллекта»¹.

Одним из актуальных векторов становится развитие таких отраслей научно-технического прогресса, как биотехнологии, биомедицина и генная инженерия; нанотехнологии и нанонаука; когнитивная нейронаука и информационные технологии, включающие передовые компьютерные и коммуникационные технологии, развивающиеся экспоненциально, демонстрируя тенденцию к конвергенции. Это синтетическое единство современных «высоких областей знания» получило название НБИК-конвергенции. Данные конвергентные технологии находятся в синергетическом единстве, которое проявляется в том, что они проникают друг в друга. Когнитивная неврология смогла проникнуть в структуру головного мозга человека благодаря компьютеризированной технологии магнитно-резонансной томографии. Перманентная интенция современной науки на создание искусственного интеллекта и попытку моделирования человеческого сознания определяет

¹ Радевич Е. В. Глобализация культурно-информационного пространства как фактор нелинейного развития современных обществ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Минск : БГУ, 2022.

взаимопроникновение информационных и когнитивных технологий. Нанотехнологии обладают двухсторонней связью с био- и информационными технологиями. Биологические системы и информационные технологии предоставляют инструменты для построения различных наноструктур. В то же время нанотехнологии позволяют развиваться цифровым технологиям, осуществляя их модернизацию, а компьютерные средства дают возможность моделировать нано- и биообъекты.

В настоящее время такая технологическая конвергенция не может существовать без учета ее гуманистического аспекта, в связи с чем в процессе развития науки и технологий НБИК-конвергенция с включением необходимого пятого элемента – социальных технологий – трансформируется в НБИКС-конвергенцию. Осуществляя трансдисциплинарный синтез всех сфер современного научного знания, система НБИКС позволяет избегать излишнего технократизма, присущего НБИК-конвергенции, и интегрировать антропологическое, этическое и социальное измерения данного технологического синтеза.

Такие метаморфозы, связанные с фронтальным проникновением высоких технологий во все сферы жизнедеятельности, нашли отражение в новом подходе к осмыслению будущего самого человека. В данном случае речь идет о таких концепциях, как трансгуманизм, постгуманизм и ингуманизм, которые радикально трансформируют образ человека.

Трансгуманизм и постгуманизм – это две связанные междисциплинарные философские концепции, которые рассматривают будущее человеческой эволюции и развития технологий.

Трансгуманизм (Н. Бостром, С. В. Тихонова, Р. Курцвейл, М. Мор) – сосредоточен на использовании технологий для усовершенствования человеческой природы. Он предполагает, что человек может преодолеть свои физические, умственные и эмоциональные ограничения с помощью таких технологий, как геновая инженерия, нанотехнологии, искусственный интеллект и кибернетика. Трансгуманисты считают, что эти технологии могут помочь человечеству достичь бессмертия, улучшить качество жизни и даже создать новые формы жизни. Некоторые представители трансгуманизма считают, что человеческий мозг может быть улучшен или расширен с помощью таких технологий, как нейрокомпьютерные интерфейсы, а нанотехнологии предлагают использовать для создания умных протезов и имплантатов.

Критики трансгуманизма обеспокоены тем, что эти технологии могут привести к еще большему разрыву между бедными и богатыми, а также к созданию новых форм дискриминации на основе технологических возможностей.

Постгуманизм (Р. Брайдотти, Ж. Бодрийяр, И. Хассан) – более широкая концепция, которая рассматривает не только улучшение человеческой природы, но и изменение самого понятия «человеческого». Постгуманизм утверждает, что будущее человечества может быть связано с созданием новых форм жизни, которые будут более развитыми, умными и способными, чем человек. Это может быть достигнуто с помощью таких технологий, как искусственный интеллект, генная инженерия и др. Постгуманисты считают, что эти технологии помогут нам создать новые формы жизни, которые будут более устойчивыми и способными к выживанию, чем человек. Роль человека в будущем постгуманистическом мире может быть неоднозначной. Некоторые постгуманисты считают, что человек станет необходимым элементом в новых формах жизни, тогда как другие предполагают, что человек уступит место новым, более развитым формам жизни. Критики постгуманизма обеспокоены тем, что создание новых форм жизни может привести к потере человеческой идентичности и к созданию новых форм социальной и политической дискриминации.

Ингуманизм (П. Вульфендейл, Р. Брассье и др.) – это концепция, которая выражает отрицание значимости или ценности человеческой природы и культуры в сравнении с другими формами жизни и природными явлениями. Ингуманизм утверждает, что человек не является центром Вселенной и не имеет особого положения перед другими живыми существами и природными явлениями.

Данная концепция часто связывается с экологическими движениями и философией животных, которые утверждают, что животные и другие формы жизни имеют равные права и заслуживают защиты от человеческой эксплуатации и жестокости. Также ингуманизм можно связать с критикой антропоцентризма, который рассматривает человека как самую важную форму жизни и придает ему центральное значение во Вселенной.

Ингуманизм, однако, не означает отрицание человеческой природы и культуры в целом. Некоторые исследователи считают, что ингуманизм может быть использован для того, чтобы подчеркнуть, что проблемы не могут быть решены только на основе человеческих ценностей и культуры. Вместо этого необходимо учитывать и другие формы жизни и природные явления и рассматривать их взаимодействие с человеческой жизнью и культурой.

Таким образом, современную культуру нельзя представлять в отрыве от развития высоких технологий. Культура влияет на дальнейшее формирование технологического сектора, предъявляя требования к постоянному совершенствованию технологий в соответствии с актуальными тенденциями

социального прогресса. В то же время информационно-коммуникационные технологии трансформируют современную культуру, влияя на ее ценностную традиционную основу. Система ценностей через традицию дает устойчивость любому культурному образованию, обеспечивая его преемственность, трансмиссию, а современные цифровые технологии оказывают влияние на традиционные формы культуры, в результате появляются новые социальная иерархия и формы профессиональной ориентации, трансформируется система образования, меняются традиционные формы идентичности, т. е. изменяется сама культура.

В свою очередь, посредством современных информационных технологий и массмедиа культура оказывает влияние на все сферы общества – информационно-коммуникационные технологии приобретают роль универсального посредника, доминантного звена в структуре социума. Именно через цифровые технологии культура может влиять на основные тренды современного развития общества (экономического, политико-институционального и др.), что проявляется через специфические задачи культуры технологиям, определяющим векторы их дальнейшего развития.

4. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

4.1. Человек в системе социальных связей в условиях цифровизации

Системные трансформации, происходящие в современной экономике, влияют на социальный статус человека, изменяя восприятие его места и роли в системе экономических отношений. В настоящее время цифровизация практически всех сфер социальной жизни является одним из основных глобальных процессов. В экономике данный феномен предстает не только как внедрение IT-технологий, но и как возможность появления гибких производств. Ожидаемым результатом цифровизации является экономический рост, который заключается в повышении эффективности традиционных производств и сферы услуг на основе применения информации как ресурса и инновационных технологий. Однако значимым социальным эффектом обладает процесс создания принципиально новых производств, представляющих собой основу целых отраслей и направлений развития экономики. Существенным социальным эффектом обладает трансформация имеющейся инфраструктуры, но еще в большей степени это касается создания иной информационной инфраструктуры, которая изменяет содержание не только производств, но и социальный статус индивида, что, в свою очередь, приводит к трансформации традиционных отношений в системах «индивид – социум» и «индивид – экономика». Имея системный характер, процесс информатизации ведет к массовому внедрению инновационных технологий практически во всех областях жизнедеятельности человека – от производственных до бытовых. IT-технологии предстают основным ресурсом очередной промышленной революции, которая приводит к трансформации социальных институтов. Цифровизация меняет систему взаимосвязей и поведенческие установки во всех сферах социума.

С середины XX в. пространство предельно уплотняется, а социальное время ускоряется (по словам М. Кастельса, происходит «сжатие времени»)¹. Возможности быстрого перемещения (например, между континентами) стирают границы и фактически обесценивают традиционные представления о привязанности только к одному месту. Масштабы современных миграционных потоков (вне зависимости от их источников и причин) свидетельствуют о возможности достаточно быстрой смены страны проживания, социального окружения, профессии.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 407.

Несмотря на постоянные изменения (ландшафт, урбанизация и т. д.), пространство как жизненная среда выступает в качестве онтологической константы бытия человека. Однако с внедрением новых технологий возникает особый тип пространства – виртуального, которое создает принципиально иные условия бытия человека. В данном случае имеется в виду не только создание более комфортных условий жизни, но и признание главенствующей роли, прежде всего в молодежной среде, виртуального пространства, а не реального, когда не только трудовые (например, фрилансерство), но и личные отношения осуществляются в онлайн-режиме.

Если пространство в значительной степени уже покорило человека, то из своего времени он «выпасть» не может. Не от него зависит появление в этом мире (по словам Ж.-П. Сартра, человек «заброшен в мир»). С одной стороны, у человека остается мечта о перемещении во времени как в футурологическое измерение (от научной фантастики до предсказаний Нострадамуса и Ванги), так и в историческое прошлое (тайны истории, притягивающие многие умы, масштабные исторические реконструкции важнейших событий с погружением в быт, ритуалы и традиции). С другой стороны, пребывание здесь и сейчас наделяет человека статусом историчности. Нетрудно заметить, что течение социального времени уплотняется. Это можно связать с объемами информации, которую индивид получает за конкретный промежуток времени. Следствием сжатия времени выступает ускорение жизненного ритма, когда индивиду необходимо делать выбор, включая экзистенциальный, за гораздо меньшее время. Количество событий, которое теперь случается с ним, было немыслимо в спокойном традиционном обществе.

Быстротечность времени порождает как новые возможности для человека, так и проблемы, свидетельствующие о снижении экзистенциального начала жизни и способствующие непродуктивному упрощению социального бытия и взаимодействия с другими. Это касается и вещного мира, когда стимулируется необходимость потребления, мода на частую смену девайсов, предметов быта – все это сопровождается призывами «оставаться на плаву», быть современным и значимым в глазах окружения. Разве может быть один холодильник (телевизор и т. п.) на всю жизнь? Новые модели – новые возможности. Вероятно, ничего страшного (кроме желания соответствовать и постоянных поисков источника финансирования всех новаций) в этом нет. Дело обстоит иначе, если соответствующий алгоритм переносится на самого человека и его систему взаимодействий. В первую очередь это касается долгосрочных жизненных планов. Какой смысл выстраивать стратегию, например, профессионального роста, если с течением времени

или сама профессия исчезнет, или возникнет необходимость переучиваться? Такая логика может переноситься на семейные отношения, дружбу, любовь. Есть ли смысл создавать прочные связи с одним партнером, если жизнь так быстротечна и многогранна? Если возникли проблемы в семье, зачем прилагать какие-либо усилия, можно поменять супруга и начать заново. «Модус бытия» по Э. Фромму трансформируется в «модус обладания»¹. Сами же экзистенциальные проявления трансформируются в симулякры. Мир становится вероятностным, и в нем если не исчезает, то значительно снижает свою регулятивную силу понятие нормы.

Все богатство человеческого общения замыкается в чатах, а возникший на экранах мониторов образ собеседника создает иллюзию реального взаимодействия. «Невыносимая легкость бытия» в виртуальном пространстве порождает иллюзии личностного сознания, в котором виртуальное и реальное размываются, иногда не имеют четких границ. Появление «цифрового двойника» неминуемо ведет к проблеме личностной самоидентификации. Важно отметить, что удаленная работа, организация учебного процесса в условиях пандемии в принципе невозможны без использования информационно-коммуникационных технологий. Однако когда речь заходит о межличностном общении, то ущербность виртуальной жизни очевидна. Вероятно, неслучайны множественные образы самопрезентации, когда глубоко интимное выставляется на всеобщее обозрение. В таком случае симуляция чувств, многогранности общения есть не что иное, как, согласно Ж. Бодрийяру, «порождение моделей реального без оригинала и реальности»². Философ описывает путь перехода от «знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего». Таким образом, первоначально знак или образ отражает фундаментальную реальность, затем происходит ее маскировка и искажение, третья стадия – маскировка отсутствия фундаментальной реальности и, наконец, знак не имеет отношения к какой-либо реальности, «являясь своим собственным симулякром в чистом виде»³.

Виртуальная реальность содержит в себе мощный потенциал трансформации реального в знак реальности, подлинного – в симулякр. Для того чтобы не пойти по легкому пути наполнения бытия, индивид должен обладать достаточной степенью моральной автономии.

В виртуальном пространстве в зависимости от целей каждый приобретает возможность конструирования своего социального статуса, в том числе и в плане компенсации недостающего в социальной реальности. Возникает

¹ Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : Изд-во АСТ, 2016.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2018.

³ Там же. С. 15.

то, что называют «вторичным социальным статусом». Его составляющие прогнозировать трудно. Одно дело связывать потенциал интернета с возможностью заработка или обретения популярности, имея свой блог или YouTube-канал, другое – использовать социальную сеть в развлекательных целях, когда можно быть кем угодно. Однако в таком случае вероятно расхождение личностной структуры и ее социального статуса, вплоть до их противопоставления. Множество социальных ролей в сетевом сообществе далеко не всегда могут затрагивать личностный мир и существовать параллельно с реальным социальным статусом. Стоит отметить, что личностная структура индивида, достигшего значительного уровня моральной автономии, всегда больше, чем совокупность социальных ролей. В противном случае возникает то, что М. Мамардашвили образно определял как «желе» – нечто неоформленное, не имеющее четких жизненных ориентиров, существующее в рамках гетерономной морали, зависимой от определенного авторитета. «В желе обычно социальный статус человека и его личностная структура совпадают, то есть личностная структура отсутствует»¹. Личность растворяется в социальных ролях. В «желе» собственное Я зависимо от влияния и воздействия внешних сил, «желе пронзаемо для любого произвольного социального действия»².

Личность обретает себя, выходя за пределы собственного наличного бытия. «Мы человеческие существа в той мере, в какой мы соотнесены с тем, что никогда не завершится и не реализуется в нашей жизни»³. Безграничность личного совершенствования связана с тем, что человек никогда не достигнет идеала, каждый жизненный этап принципиально не завершен и содержит в себе иные возможности развития.

Специфика собственно человеческого способа бытия состоит в необходимости выхода за пределы личностного бытия, в сферу культуры, где личность включается в систему ценностей, смыслов, идеалов, определяющих ее жизнь. Виртуальный мир расширяет возможности выбора совершенно различных по своей направленности и содержанию культурных образцов. Далеко не всегда они сопрягаются с социальными приоритетами, поэтому одним из признаков развитой культуры личности предстает наличие нравственного иммунитета по отношению ко все более расширяющемуся негативному контенту. Необходимо учитывать тот отрицательный опыт, который уже накоплен в отношении возможностей цифровой реальности. Достаточно

¹ Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб. : Азбука, 2012. С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 40.

очевидным как на уровне социума, так и на личностном уровне является тот ущерб, который наносят киберпреступления. Массовая цифровизация, переход практически всех финансовых расчетов в киберсреду позволяют совершать хакерские атаки. Однако более существенный урон наносится людям, которые из-за своей неискушенности, компьютерной неграмотности являются частыми жертвами для различных махинаторов. Однозначно можно сказать, что как государство, так и его граждане заинтересованы в борьбе с киберпреступностью.

Более социально неоднозначным является возможность государства с помощью информационно-коммуникационных технологий регулировать основные сферы жизнедеятельности человека, включая частную. Примером может стать опыт Китая по использованию системы социальных рейтингов или кредитов. Фактически ее можно рассматривать как стимулирование лояльности граждан к государству. В экстремальных условиях пандемии Китай сумел, в том числе благодаря данной системе, жестко и эффективно локализовать вспышки коронавируса и не допустить резкого спада развития национальной экономики. Однако следствие этой системы во многих случаях связано с ограничением прав личности, когда контроль может осуществляться неограниченно, начиная с геолокации и заканчивая оценкой содержания личных аккаунтов. С одной стороны, с возрастанием масштабов экстремистской и террористической активности такие меры могут быть оправданы, но с другой – можно ли поставить в качестве некой цели тотальный контроль над личностью? Состояние принужденной моральности может быть приемлемо для традиционного общества, в котором система «государство – индивид» направлена на формирование определенного типа личности, а идеалом видится поведение человека, по возможности максимально соответствующее культивируемым ценностям и нормам.

В результате новых процессов, формирующихся под воздействием цифровизации, трансформируются отношения в системе «личность – общество», в характеристики социального статуса личности включаются новые элементы, имеющие символический смысл.

Современные технологии кардинально изменяют место и роль человека в социальных и экономических процессах. Это проявляется в двух взаимосвязанных, но противоречивых тенденциях. С одной стороны, возрастает степень моральной и личностной автономии индивида, способного самостоятельно выстраивать и реализовывать свою жизненную стратегию. С другой – увеличиваются возможности манипулятивного воздействия на сознание и поведение индивида, вмешательства в его частную жизнь,

а также организации внешнего контроля над ним. Массированный поток информации, принципиально базирующийся на равноценности любых культурных паттернов и фактически исключающий понятие нормы, порождает проблему самоидентификации личности как морального субъекта. Погружение индивида в дополнительную реальность провоцирует доминирование симулякров жизненных ценностей и в межличностных отношениях. Количество выставляемых лайков становится критерием самооценки личности. Перемещение частного, интимного мира индивида в публичное пространство, потребность выкладывать в Сеть практически все происходящее в повседневной действительности размывает границы допустимого и недопустимого. Сетевое сообщество становится социальной силой, способной детерминировать поведение индивида.

Цифровая реальность создает ситуацию непрерывного выбора: начиная от селекции информации и заканчивая кругом общения. В связи с этим процесс обретения и сохранения личностного Я выступает как одна из проблем бытия человека в условиях непрерывно меняющегося мира. Специфика ситуации заключается в том, что потенциал цифровой реальности содержит не только определенные угрозы, но и создает исключительные возможности для обретения личностью моральной автономии и выстраивания своей уникальной жизненной стратегии. Этика достоинства личности сопрягается с теми изменениями, которые происходят в экономической, политической и социальной сферах общества.

Можно выстроить шкалу зависимости восприятия новаций, в том числе и цифровизации, от культуры конкретного социума. Менталитет этноса неразрывно связан с доминирующей системой ценностей, с помощью которой формируется совокупность норм и, соответственно, те ограничения, на основе которых происходит регуляция поведения индивида.

В некотором смысле положение индивида обуславливается определенными явлениями. Во-первых, возникает стереотипизированное клише классовой принадлежности, которое позволяет идентифицировать себя с большой социальной группой. Во-вторых, формируется новая социальная реальность в разных сферах, от экономической до политической, конструирующая гибкую, дифференцируемую структуру, в которой социальный статус личности определяется не некоторыми константами, а сложными взаимосвязями, обусловленными в большей степени некими символическими формами. В-третьих, происходит противоречащий второму явлению процесс, который связан с новым массовым объединением людей на основе использования потенциала социальных сетей. Вертикальные связи дополняются, а в ряде случаев заменяются горизонтальными связями.

Современные средства коммуникации предоставляют прекрасный способ уйти от будничности в виртуальный мир, который привлекает своими безграничными возможностями найти то, что интересует, и, что более существенно в личностном плане, почувствовать себя демиургом, творцом новой реальности. Ведь в виртуальной реальности человек может быть тем, кем захочет.

4.2. Философия сознания

Проблема сознания в философии и науке

Сознание выступает одним из смыслообразующих концептов в динамике западноевропейской философии. Оформление и развитие ее базовых дисциплин в большей степени связано с проблематизацией феномена сознания. Так, основанием классической метафизики от Парменида до Гегеля стал принцип тождества бытия и мышления, ориентированный на реконструкцию идеальных контекстов мысли как ключа к загадкам мироздания. Следствием этого принципа в онтологии стал вопрос (сформулированный Ф. Энгельсом как основной вопрос философии) о том, что первично: материя или сознание. Оформление субъект-объектной оппозиции в классической гносеологии в новом ракурсе акцентировало проблему истоков сознания. Что оно есть: *tabula rasa* или *cogito*, фундированное врожденными идеями? Вопросы о природе и сущности сознания также являются устойчивыми лейтмотивами антропологических и социально-философских изысканий. В настоящее время особое значение проблема сознания приобретает в связи с возросшим статусом социально-гуманитарных дисциплин и разработками в сфере искусственного интеллекта.

Несмотря на многовековую историю философии сознания, нельзя однозначно ответить на вопрос «Что такое сознание?». Будучи несомненной очевидностью человеческого существования, сознание одновременно является невозможным для внешнего наблюдения, где принципиальная ненаблюдаемость сознания задает естественные трудности для его теоретической реконструкции. Можно выделить два основных подхода к исследованию феномена сознания. Первый подход связан с его экстерииоризацией, т. е. переводом процессов внутреннего опыта во внешние наблюдаемые факторы. Данный подход максимально востребован в науке, ориентированной на необходимость верификации знания, однако используется и в философских концепциях.

Для современного научного дискурса одним из самых приоритетных направлений в изучении сознания является исследование работы человеческого мозга. На данный момент уже доказано, что мозг — это материальный

субстрат сознания, однако современная нейрофизиология еще не знает, каким образом на основе физического опыта возникает уникальный психический опыт. Ситуация складывается в стиле боровского принципа дополнительности: наблюдая за мозгом, мы ничего не знаем о содержании ментальных процессов, а когда мыслим, не видим работы мозга.

Одно из научных направлений изучения сознания связано с бихевиоризмом, для которого ключевым является понятием «поведение». Человек определяется через его поведение, в то время как поведение в классическом бихевиоризме объясняется через формулу «стимул – реакция». Бихевиоризм стал одним из наиболее влиятельных направлений практико-ориентированной психологии XX в., однако проблема сознания в данном случае представляет собой «черный ящик», когда известно, что на входе и на выходе, но неизвестно, что происходит внутри.

В отечественной философии и психологии долгое время доминировал деятельностный подход к изучению сознания. Само мышление здесь рассматривается как познавательная деятельность, а практическая деятельность – как процесс опредмечивания идеальных целей сознания. Таким образом, в концепте деятельности снимается диспозиция внутреннего и внешнего, однако реального представления о внутреннем опыте данный подход не дает. Путь мысли далеко не тождественен наблюдаемому результату, а редукция сознания исключительно к его целенаправленным актам выглядит слишком упрощенно.

Значимым явлением в философии и науке XX в. стали семиотические исследования сознания, объективирующие его роль в языке. Словарь определяет горизонты нашего опыта, знание о внутреннем мире Другого обеспечивается преимущественно посредством речи, а чтобы оформить собственную мысль, ее необходимо произнести. Вместе с тем динамика лингвистической философии и лингвистики как таковой, связанная с переходом от идеи языка как самодостаточной реальности к концепту дискурса, а от него к проблематике текста и телесности, свидетельствует о неправомерности сведения сознания исключительно к вербальным конструктам. Работа последнего в своем содержании во многом определяется такими доязыковыми и внеязыковыми компонентами, как чувственность, интуиция, воля и т. д.

Таким образом, подход, ориентированный на экстерииоризацию внутреннего опыта и его объективацию в верифицируемых основаниях (мозг, поведение, деятельность, язык), достаточно успешно применяется при изучении внешних проявлений сознания, однако несостоятелен в реконструкции его внутреннего содержания, всегда конкретного и уникально-личностного.

Второй подход к исследованию сознания связан с методом интроспекции (от лат. *introspecto* – смотрю внутрь), или самопознания.

Акцентуация самопознания в качестве исходной точки философской рефлексии восходит к Сократу и его известному принципу «Познай самого себя». О высшей истинности внутреннего опыта души по сравнению со знанием о внешних явлениях писал Августин. Р. Декарт, который, усомнившись в известных наукам истинах, «...принял в один день решение изучить самого себя и употребить все силы ума, чтобы выбрать пути, которым должен следовать»¹. И. Кант, для которого самопознание как «суд над разумом», становится основной и самой сложной задачей философии.

Имена Сократа, Августина, Декарта и Канта являются основополагающими для историко-философской традиции. Каждый из них осуществил свой коперниканский переворот, определив новые векторы философского творчества и рациональности. Вместе с тем установка на самопознание в таких случаях приводила к открытию в структуре Я универсальных и всеобщих оснований разума, девальвировавших его индивидуальность и конкретность. Таким образом, вопрос «Что такое сознание?» остается открытым для философии и науки.

Классическая и постклассическая философия сознания: сравнительный анализ

Проблема сознания в классической философии была связана преимущественно с соответствующими метафизическими концепциями, которые, с одной стороны, она фундировала, а с другой – была подчинена общей логике философских систем. Особенностью классической философии является ориентация на принцип тождества бытия и мышления, полагавший наличие идеального проекта универсума и его принципиальную открытость человеческому разуму. Его наиболее емкое определение принадлежит Г. Гегелю: «Все действительное разумно, все разумное действительно».

Так для классической философии сознание – это в первую очередь разум как высшая познавательная способность человека, позволяющая ему постигать общие законы бытия. Последние имеют необходимый и всеобщий характер и, соответственно, не должны зависеть от ситуации или личностного опыта. Правильно организованный разум претендует на статус «зеркала природы», т. е. является ее зеркальным отражением. Одновременно он унифицирует и человеческую природу, где мышление – это сущностная характеристика человека, а различия между людьми объясняются их возможностями и желаниями этот разум правильно применить и направить.

Значимым следствием универалистских претензий разума является принцип тождества личности, декларированный новоевропейской фило-

¹ Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 256.

софией. Для рационалистов он вытекал из первичности опыта самопознания, в рамках которого субъект и объект познавательной деятельности совпадают. Для эмпириков, понимающих человека как продукт обстоятельств, тождество, т. е. осознание себя одним и тем же человеком в разных ситуациях, объяснялось способностями памяти, поддерживающими привычный образ себя и действительности.

Одной из особенностей классической философии сознания является представление о «гносеологической робинзонаде», т. е. о возможности человека как разумного и мыслящего существа находиться в ситуации принципиальной изоляции от общества. Вне зависимости от того, где предполагаются истоки разума (в природе или в Боге), разум является несомненной привилегией человека, который, даже существуя на необитаемом острове, сохраняет способность мыслить.

Переход к постклассической философии был связан с радикальной критикой метафизики и принципа тождества. И. Кант первым показал несоответствие природных и человеческих законов и акцентировал закрытость «вещи-в-себе» для человеческого разума. Впоследствии инаковость природного, человеческого и социального была акцентирована в марксизме, и в особенности в феноменологии. Особой критике были подвергнуты представления о разумности действительности. Великий пессимист А. Шопенгауэр декларировал, что «все к худшему, в этом худшем из миров». Марксизм обнажил кризисность социальной реальности и ее абсурдность с точки зрения разума.

Само понятие разума существенно девальвировано в постклассической философии сознания. Прежде всего философия жизни обосновала приоритет воли над разумом. Основатель прагматизма У. Джеймс вводит концепт потока сознания, в котором переплетаются мысли, ощущения, ассоциации, никогда не повторяющиеся дважды. Особое значение имело появление психоанализа, открывшего бессознательные основания психики. З. Фрейд писал, что «психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может присоединяться или не присоединяться к другим его качествам»¹.

Кроме того, происходит отказ от понимания сознания как «зеркала природы». В это время И. Кант обосновал, что сознание не столько отражение, сколько конституирование реальности, в которой мы живем. Впоследствии эта тема была максимально развита в феноменологии, где мир как феномен нашего опыта является производным от тех смыслов, которые

¹ Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного : сб. произведений. М. : Просвещение, 1989. С. 425.

мы в него вносим. Конструктивизм сознания по отношению к действительности характерен и для марксистского учения об идеологии как форме ложного сознания, защищающего интересы определенного класса. Схожие идеологические или властные функции выполняют язык и дискурс в структуралистской и постструктуралистской традициях.

Преодоление принципа тождества в онтологии стало основанием для отказа от идеи тождества личности. Я уже не является чем-то цельным и самодостаточным, возвышающимся над обстоятельствами. Личность раскалывается на разные составляющие, находящиеся друг с другом в перманентном конфликте: Я-реальное и Я-идеальное в психоанализе, феномен самоотчуждения в марксизме, Я и Я-другой в экзистенциализме, Я как функция языка в структурализме. Отказ от былой целостности Я и развитие информационных технологий в XXI в. приводят к акцентуации идеи шизофренической личности и появлению феномена клипового мышления, ориентированного на быстрое считывание информации без подведения ее под рационально организованную систему.

Вводя Другого в контекст личностного опыта как его необходимую инстанцию, постклассика обосновывает первоначальную социальную ангажированность сознания. Его генезис и динамика обеспечиваются внешними социальными факторами и институтами (семья, образование, традиции и т. д.). Первичная самоидентификация личности, как показывает психология, выстраивается с учетом опыта значимого Другого. Лингвистическая философия говорит об активном статусе языка в формировании наших ментальных структур. В марксизме особая роль в развитии личности отводится общественному сознанию и идеологии, определяющим легитимные версии понимания и интерпретации действительности.

Таким образом, классическая и постклассическая философия сознания выступают как два типологически разных образования: одно определено ориентацией на разум, другое – на его критику. Вместе с тем следует отметить, что данная схема несколько упрощает реальный историко-философский процесс, поскольку рационалистические и иррационалистические концепции хотя и в разной степени, но представлены в двух указанных типах философии сознания.

Основные стратегии интерпретации сознания в философии

В настоящее время можно говорить о выделении четырех основных парадигм философии сознания: субстанциальной, функциональной, экзистенциально-феноменологической и социокультурной¹.

¹ Хомич Е. В. Философская антропология. Минск : БГУ, 2017. С. 62–66.

Первой моделью философии сознания была субстанциальная концепция (Платон, Аристотель, Августин, Р. Декарт, Г. Гегель и др.). Апеллируя к разуму как наиболее значимому и универсальному свойству сознания, субстанциализм проецирует разум на структуру Универсума в целом. Разум здесь выступает гарантом единства и упорядоченности бытия, той субстанциальной основой, которая обеспечивает мировой порядок и гармонию. Индивидуальное человеческое сознание рассматривается при этом лишь как отдельное проявление мирового разума, законы организации которого совпадают с логикой мышления, а идеи, посредством которых конституируются сущностные свойства объектов, определяют его содержание. Статус индивидуального сознания оценивается через степень его приобщения к миру вечных идей, в чем, как предполагалось, философы имеют несомненный приоритет по сравнению с другими людьми.

Исторические формы субстанциализма варьировались в зависимости от интерпретации природы идеального. Его первые проекты носили онтологический характер, т. е. идеальное имело свое место в бытии (например, сфера вечных идей Платона, уподобляемая звездному небу), где мир видимый воспринимался как его искаженное отражение. При этом эйдосы в Античности понимались как эстетические начала (идеальный в значении «эталонный образ определенного класса объектов»). В патристике осуществляется этическая переинтерпретация природы идеального (Бог как абсолютное благо, а человеческая мудрость как целомудрие). В позднем Средневековье реализм в схоластике редуцирует идеальное к логико-математическим структурам и формам, существующим до отдельных вещей и определяющим их сущность.

Начиная с декартовского *cogito*, идеям отказывается в особом онтологическом статусе, и они теперь определяют только сферу человеческой субъективности. У Р. Декарта они имеют врожденный характер и «впечатаны» в нас Богом как гарантом их истинности. При этом критерием их истинности для мыслящего субъекта является очевидность и ясность идеи, данная в акте интеллектуальной интуиции. Тем самым Р. Декарт определил переход от онтологического к гносеологическому пониманию феномена идеального. Еще одной его версией стал немецкий трансцендентализм, в рамках которого преодолевается психологизм *cogito*, а трансцендентальные основания человеческого опыта приобретают универсально-всеобщий характер, не зависящий от индивидуального опыта, но этот опыт организующий.

В постклассической философии субстанциализм представлен не так широко. Обусловлено это общекультурной ситуацией «смерти бога» и интенцией на поиск оснований человеческого разума в природе или социуме.

Вместе с тем можно говорить о его рецепциях в представлениях логических позитивистов об автономном статусе логико-математических структур в бытии и познании, установках К. Леви-Стросса на поиск исходных праструктур психики и культуры. Общим положением для этой парадигмы является представление об универсально-объективном характере идеального, существующем до индивидуального сознания и полностью определяющем его опыт.

Оформление функциональной стратегии происходит в новоевропейской философии, когда возникла необходимость соотнесения индивидуальной человеческой субъективности и тех всеобщих истин, носителем которых она выступала. Критикуя декартовскую теорию «врожденных идей», теоретики англо-французского Просвещения рассматривали идеальное как результат ассоциаций и индуктивного обобщения чувственных данных. Сознание здесь интерпретируется как функция материальных систем, в своих исходных характеристиках не содержащих идеального и мыслящего. Согласно этой модели, оно обеспечивается функционированием нервной системы и мозга, организованных в соответствии с универсальными законами объективной действительности. Их единая природа обуславливает согласованность чувственного опыта, являющегося подлинным основанием мышления. При этом сознание выступает не конкретизацией универсальных понятийных конструкций, а отражением реально существующих объектов и связей действительности, данных нам в ощущениях.

Первой формой функционализма сознания стала ассоциативная концепция психики Д. Гартли, получившая последующее развитие во французском Просвещении. Ассоциации рассматриваются здесь как основной психический механизм образования общих понятий и воли. При этом порядок внешних воздействий на организм определяет соответствующий строй ассоциативных связей в сознании. Отталкиваясь от господствующей механистической картины действительности, Д. Гартли проводит аналогию между устройством нервной системы и струнного музыкального инструмента, предпринимая попытку объяснения сознания законами ньютоновской акустики. Психические ассоциации здесь – это вариант резонанса струн, а люди, по выражению Д. Дидро, не более чем «инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства – это клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа»¹.

В XIX в. на смену механицизму в интерпретации сознания пришел физиологизм (Л. Бюхнер, К. Фохт, Я. Молешотт). Принципы данной позиции наиболее ярко выражают известные слова К. Фохта о том, что «мозг так же

¹ Дидро Д. Разговор Д'Аламбера и Дидро // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1986. Т. 1. С. 385.

выделяет мысль, как печень – желчь». Психическое здесь не имеет никакого специфического по сравнению с другими физиологическими функциями статуса, а содержание сознания определяется преимущественно химическим составом продуктов питания. Лечение же психических заболеваний является уделом не психологов, поскольку нет никакой особой нематериальной души, а физиологов.

Огромное значение для развития функционалистских взглядов на сознание имело оформление физиологии высшей нервной деятельности, связанное с деятельностью И. П. Павлова. Его учение об условном рефлексе обосновывало особый регулятивный статус психического по отношению к остальным физиологическим процессам. На уровне высокоорганизованных животных ощущения опосредуются сигнальными факторами, которые позволяют предвосхищать течение будущих событий и соответствующим образом организовывать поведение. У человека возникает вторая сигнальная система, или язык, где слово как «сигнал сигналов» позволяет отражать реальность в обобщенной форме, вследствие чего радикально усиливаются творческие возможности психики. Учение И. П. Павлова способствовало демистификации сознания в современной научной картине мира и оказало преимущественное влияние на развитие отечественной медицины и психологии, а также бихевиоризма.

Одна из наиболее значимых версий современного функционализма представлена в постаналитической философии сознания. В качестве основных задач этой интеллектуальной традиции, объединяющей самых разных авторов – от У. Куайна и А. Тьюринга до Д. Деннета и Д. Чалмерса – можно выделить критику дуализма Р. Декарта, разделившего мир и человека на субстанцию мыслящую и субстанцию протяженную, и установку на переписание проблемы сознания на языке той или иной науки. Среди проектов подобного переописания самыми авторитетными считаются физикализм и кибернетизм (или философия искусственного интеллекта).

Физикализм (У. Куайн, Г. Фейгл, Д. Армстронг, П. Фейерабенд, Р. Рорти и др.) в решении психофизической проблемы отталкивается от тезиса, в соответствии с которым, согласно Р. Карнапу, «все есть физическое и все подчинено физическим законам». Законы физики выступают как наиболее глубокие по отношению к остальным формам организации материи, а язык физики является самым развитым научным языком. Следовательно, проблему сознания необходимо переписать на языке физического знания. Последняя решается либо в контексте психофизического тождества, либо через понимание сознания как функционального состояния (человека, мозга, компьютера и т. п.).

Философия искусственного интеллекта выступает как наиболее востребованное в настоящее время направление исследований, что можно объяснить успехами современных информационных технологий и ролью гаджетов в нашей жизни. Первоначально проблема в этом случае ставилась в аспекте решения вопросов о том, что такое интеллект и может ли машина мыслить. Если под интеллектом понимать способность к получению, сохранению и обработке информации, то машинный разум здесь не уступает, а даже превосходит человеческий. Сторонники теории сильного искусственного интеллекта настаивают на возможности создания компьютерного разума, полностью моделирующего человеческий. Представители теории слабого искусственного интеллекта говорят том, что машина может выполнять те или иные когнитивные функции, но никогда не воспроизведет целостный опыт человеческого сознания.

В контексте современных исследований искусственного интеллекта появляется ряд новых тем. В частности, проблема квалиа (от лат. *qualitas* – свойства, качества), или свойств чувственного опыта (ощущения цвета, вкуса, голода, боли и т. п.). Привычные и естественные чувственные контексты нашего сознания не совпадают с физическими характеристиками (например, знание спектральных свойств не дает реального представления о том, что такое красный цвет) и едва ли могут быть искусственно смоделированы в машинном интеллекте. В контексте сравнения человеческого и искусственного интеллекта ставятся вопросы о самосознании и свободе воли компьютера. Например, является ли самоуправляемый автомобиль субъектом нравственного выбора в ситуации, когда речь идет о спасении только одного: либо пешехода, либо пассажира (проект *Moral Machine*)? Очевидно, что динамика исследований в сфере искусственного интеллекта по-новому акцентирует проблематику философии сознания и классические вопросы о том, что значит мыслить, осознавать себя, ставить цели и выбирать стратегии действия.

Если субстанциальная и функциональная стратегии философии сознания оформляются достаточно давно, то экзистенциально-феноменологическая и социокультурные программы стали относительно новым явлением. Они возникают как попытка преодоления субстанциализма классической метафизики и поиска иных по сравнению с абсолютным разумом оснований сознания. Одной из наиболее авторитетных постклассических версий философии сознания стала экзистенциально-феноменологическая концепция (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти и др.), укореняющая сознание в фокусе Я. Акцент здесь делается на описании индивидуального опыта, центральной характеристикой которого становится интенциональность. Последнее предполагает способность сознания быть

всегда «сознанием о...», его нацеленность вовне при одновременном внесении личностных смыслов в действительность. Преодолевая созерцательность классических моделей сознания, феноменология наделяет индивидуальное человеческое Я активным конституирующим статусом. Сознание по своей сути есть не столько отражение, сколько осмысление (конституирование смысла) действительности. Именно сознание формирует «жизненный мир» человеческого бытия, задает его мировоззренческие горизонты и определяет все его существование. При этом сознание не редуцируемо к разуму, ориентированному на получение анонимно-всеобщих знаний и истин. Подлинное бытие сознания осуществляется как динамическая целостность рефлексивных и дорефлексивных слоев, как поток мыслей, чувств, ассоциаций, как единство внутреннего и внешнего. При этом Я оказывается всякий раз не столько данностью, сколько заданностью, проектом, выбирающим себя и свой жизненный мир.

Определенной альтернативой экзистенциально-феноменологической стратегии, центрированной на опыте индивидуального человеческого Я, стала социокультурная парадигма интерпретации сознания, рассматривающая последнее как производное от общественного сознания, обусловленного общественным бытием и характерным для него способом производства и формами организации деятельности (марксизм); социальных коммуникаций и взаимодействий (символический интеракционизм); языка и дискурса (структурализм). Генетически и функционально сознание здесь оказывается обусловленным коллективным опытом, который в своей совокупности образует особую интегративную целостность, превосходящую индивидуальность и подчиняющую ее новым формам объективности, коренящимся уже не в субстанциальности разума или природы, а в истории и культуре. При этом внутренний опыт сознания понимается как форма интериоризации внешних социальных факторов (мысль как интериоризированная деятельность в марксизме или как интериоризированная речь в структурализме).

Начало формирования данной стратегии связано с марксистским понятием общественного сознания, ядром которого является идеология. Индивидуальное сознание возможно здесь лишь через соотнесенность с общественным, где и разум, и чувственность в равной мере выступают продуктами социальной эволюции. Общественное сознание задает специфичную для каждой эпохи шкалу аксиологических предпочтений, которые определяют устойчивые категориально-мировоззренческие конструкции разума и те идеологические фильтры, через которые воспринимается мир.

Сходные политические функции выполняют понятия языка и дискурса в лингвистической философии и структуралистской традиции. Язык здесь

понимается не как средство выражения мысли, благодаря которому опосредуются отношения человека с другими людьми и реальностью, а как начало, организующее и реальность, и отношения, и сознание. В рамках данной модели скорее индивидуальное сознание выступает как функция языка или средство для его выражения. Дискурс (совокупность речевых практик той или иной культуры) одновременно очерчивает границы возможного и невозможного, нормы и аномалии, задавая целостную мировоззренческую матрицу, программирующую горизонты индивидуального Я, его жизненную среду и ситуацию.

Следует отметить, что каждая из данных концепций делает акцент на определенных сущностных характеристиках сознания (идеально-всеобщих, материально-природных, индивидуально-личностных или социокультурных), которые в равной мере необходимо учитывать для построения его целостной модели. При этом многовековая история философии сознания и современные научные исследования в данной области свидетельствуют о том, что едва ли последнее возможно. Таким образом, теоретическая реконструкция опыта сознания остается одним из наиболее перспективных проектов интеллектуальных изысканий современности и будущего.

4.3. Социализация личности: плюрализм интерпретаций

XXI в. радикально трансформировал, модернизировал и расширил представления о стратегиях, механизмах и объектах социализации. Появление таких понятий, как «цифровая социализация», «виртуальная социализация», «киберсоциализация», «интернет-социализация», «онлайн-социализация» и т. д., – достаточное тому доказательство. Новый словарь является следствием возникновения цифровых технологий, которые постепенно изменяют наш взгляд на мир и нас самих, превращая в своих читателей, пытаются стать нами и, как показывает опыт, эта их активность вызывает настороженность.

Современные поколения одобряют эти изменения, поскольку ощущают единство с ними и рассматривают себя в качестве знающих и понимающих цифровой мир, умеющих свободно и уверенно использовать цифровые технологии. У этих поколений нет дистанции ни с объективной, ни с виртуальной реальностью. Для них границы мира естественно изменились вместе с новыми реалиями их жизни, где появились «открытые платформы», и он стал плоским. Однако это уже тот мир, в котором никому нельзя спрятаться, и людям надо учиться жить напоказ. Интернет не только

объединил в одну систему текст, изображение и звук, но с его появлением пространство впервые перестало быть барьером для распространения информации. В результате глобализации и активного развития интернета с 2000-х гг. началась информационно-компьютерная социализация личности, а функцию ее агентов взяли на себя мобильный телефон с его постоянным вопросом «Ты где?»¹, социальные сети, YouTube, Multi-User Dimension и т. п. По этой причине интернет приобрел особый статус в процессе социализации. Он стал претендовать на роль привилегированного центра для современных поколений, по сути, он стал всем: коммуникативным сообществом, миром развлечений и досуга, источником знаний и т. д.

Поколение миллениалов связывает свое будущее с умными городами, умной логистикой, умной бюрократией и т. д., с системой ценностей, предлагаемой цифровой революцией, что, в свою очередь, меняет взгляд на динамику процесса социализации, на роль и статус современной семьи, ее состав, принципы организации частной жизни, характер взаимоотношений между родителями и детьми. Новые реалии неизбежно влекут за собой пересмотр и всего образовательного интерфейса, его методологию, профориентацию молодежи, релевантной будущему развитию цивилизации, т. е. все значимые факторы их социализации и инкультурации.

Понятие «социализация» появляется в конце XIX в. благодаря американскому социологу Ф. Гиддингу и его работе «Теория социализации», где сделан акцент на развитии социальной природы индивида и его подготовку к жизни в социуме. Дисциплинарное оформление наук социально-гуманитарного профиля способствовало тому факту, что этот первичный и достаточно общий смысл понятия социализации постепенно конкретизировался, приобретая предметную окраску и эксплицитную прозрачность и в других типах дискурса, в частности психологическом, культурологическом, социальном, а также философском.

Философский подход к социализации характеризуется ориентацией на изучение ее природы, качественных параметров идентификации и стратегий исследования для формирования ее целостного образа. Экспликация смысла социализации связана и с определением степени детерминированности человека посредством всего спектра социальных связей. В частности, для М. Шелера была важна не эта детерминация, а то обстоятельство, что в человеке впервые разделяются предметная окружающая среда и переживание самого себя как Я. В то же время Э. Гуссерль, наоборот, полагал, что сущность человека следует искать не в изолированных индивидах,

¹ *Феррарис М.* Ты где? Онтология мобильного телефона / пер. с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М. : Новое лит. обозрение, 2010.

поскольку ей соответствует связь человеческой личности с ее поколением и ее обществом, что требует познания сущности этих связей, ведь совместно осознаваемое понимается различным образом, при этом мы приходим к взаимопониманию с находящимися рядом людьми. Жизненный мир есть история, его реалии отнесены к человеку и его практическим задачам, поэтому он, как простая данность, доступен для нашего понимания. Всегда есть вопросы, «наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования»¹.

М. Хайдеггер, признавая социальные связи первичными, видел в них препятствие на пути человека к своему Я. Он есть то, чем он может стать в своем бытии, в бытии рядом с другими людьми. В то же время есть мир повседневности с его болтовней, любопытством, двусмысленностью, с безликой, усредненной общественностью, которые олицетворяют собой мир не подлинности, полной анонимности, отсутствия свободы и ответственности. Мир анонимности – это препятствие на пути к «подлинной экзистенции», так как именно он навязывает повседневности способ существования: «Присутствие как повседневное бытие с другими оказывается на посылках у других. Не оно само есть, другие отняли у него бытие»². Вместе с тем в XXI в. вызывает беспокойство феномен «ускользающей социальности» как следствие виртуализации социальных коммуникаций, что приводит к размыванию устойчивых социальных объединений и неустойчивости социальных структур постиндустриального общества. В результате диагностируют «смерть социального» и исчезновение социальности как таковой.

В целом под социализацией понимается процесс приобщения человека к определенной социальной среде, усвоение им социального опыта и конвертация последнего в личную систему знаний, ценностей и правил поведения. Наряду с понятием социализации используются соотносимые с ним семантически близкие термины, такие как «воспитание», «развитие личности», «образование», которые иногда отождествляются с искомым. Однако можно говорить скорее о филиации понятия социализации, чем о смысловой тождественности данных понятий. Воспитание в первую очередь определяют как целенаправленное воздействие на человека со стороны субъекта воспитания, чтобы сформировать у него систему представлений

¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука. Новочеркасск : САГУНА, 1994. С. 53.

² Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. С. 126.

о себе и других людях, адекватную практику поведения в социуме и т. п., чем и занимаются различные социальные институты социализации – семья, дошкольные и школьные учреждения. Понятие «развитие личности» соотносится с идеей личности как субъекта социальной деятельности, усваивающей систему социальных связей и отношений. Здесь развитие личности представляется в виде процесса, который она сама осуществляет на всех этапах своей жизни. Под образованием часто понимают интериоризацию и систематизацию знаний в процессе обучения, таким образом социализируя индивида в соответствии с запросами общества. В идеале, по М. Шеллеру, образование должно заниматься воспитанием свободной, творческой и критически мыслящей личности.

Процесс определения сущности и этапов социализации варьируется от автора к автору, но при этом сохраняется ее основной смысл, связанный, как полагал Э. Дюркгейм, с приобщением человека посредством эстафет социальных норм и традиций к формату «коллективного сознания» с целью достичь однородности и целостности общества. В то же время Г. Тард предполагал, что прийти к социальному взаимодействию людей можно через процесс подражания, либо, изучив социальную природу индивида, подготовить его к социальной жизни (Ф. Гиддингс), либо сосредоточить внимание на способах усвоения человеком основных социальных ролей и норм современного общества (Дж. Мид). Этот перечень подходов разнообразен, поэтому следует обратить внимание и на адаптационную теорию социализации Т. Парсонса, теорию социальных навыков Н. Смелзера, ассоциативную и институциональную социализацию М. Вебера. Существенную динамику в понимание технологии социализации также внес постмодернизм, представив человека в качестве «желающей машины», «вождедующего», «свободного шизоида», сексуального, эротичного и безумного (Ж. Делез, Ж. Батай, М. Бланшо и др.), живущего в мире симулякров и симуляции, гиперреального (Ж. Бодрийяр, С. Жижек). Сущность такого человека не эксплицитна, не задана и не подвластна описаниям рациональной философии.

Социализация начинается с рождения и продолжается всю жизнь, но она может осуществляться как стихийно (например, в группах сверстников), так и целенаправленно, посредством тех или иных социальных институтов. В этом случае можно говорить о этапе первичной социализации (завершается получением профессионального образования и началом трудовой деятельности) и вторичной, связанной с выбором человеком собственной стратегии жизни (профессиональной, семейной, возрастной и т. д.). П. Бергман и Т. Лукман полагают, что индивид становится членом общества, лишь когда достигает степени интернализации. Онтогенетический процесс, с помощью

которого это происходит, они называют социализацией, определяя ее как всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть. Вместе с тем индивид рождается лишь с предрасположенностью к социальности, а не членом общества, и только затем он приобретает этот статус. Первичной социализации индивид подвергается в детстве и благодаря ей он становится членом общества и формирует свой первый мир. Под вторичной социализацией понимается непрерывный процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сферы объективного мира его общества. Данный этап предполагает интернализацию институциональных или институционально обоснованных «подмиров» и требует приобретения специфически ролевого словаря. Вторичная социализация всегда предполагает предшествующий ей процесс первичной социализации. Это означает, что приходится иметь дело с уже сформировавшимися Я и интернализированным миром, хотя бы на том основании, что «из ничего» нельзя сконструировать субъективную реальность¹.

Социализация, как правило, оценивается как сложный процесс: с одной стороны, неизбежно влияние социума, транслирующего социально значимый опыт посредством специальных механизмов и институтов; с другой — необходимы усилия самого индивида, открытого к интериоризации такого опыта и включенного в процесс воспроизводства системы социальных связей. Соответственно, семья, традиции, образование и средства массовой информации во всех вариантах являются проводниками в реализации как первичной, так и вторичной социализации человека. В этом перечне семья занимает особое место, поскольку именно она аккумулирует опыт взаимодействия между ее членами и передает его по наследству. Именно с семьи начинается социализация человека, поэтому повышенное внимание к его детским годам во многом объединяет разные стратегии ее изучения.

Так, французский историк Ф. Арьес в своем исследовании «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» выявил предпосылки институционализации социологии детства и стал родоначальником генеалогии детства. Его внимание было направлено на феномен детства, природу социальных установок, в рамках которых формировался ребенок, на практику его воспитания в социуме и т. д. Исследование Ф. Арьеса показало, что старое традиционное общество плохо представляло себе ребенка и еще хуже — подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к периоду младенчества, когда маленький человек еще не может обходиться без

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Моск. философ. фонд Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. С. 212–213.

посторонней помощи, но едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя их работу и игры. «Семья не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний, или, в общем виде, социализацию ребенка. <...> Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и активной “среде”, состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанности осуществлялись вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде»¹. Только индустриализация общества и развитие школы инициировали изменения в институте семьи, заменив практическое обучение в «людях», и ребенок перестал смешиваться со взрослыми и постигать жизнь в непосредственном контакте с ними².

Постепенно ребенок обретает дом как свое социальное пространство, где можно спрятаться от метаморфоз и агрессии внешней среды, сохранить собственную идентичность. Выражение «Мой дом – моя крепость» находило подтверждение и в характере организации жизненного пространства (например, белорусы не желали жить «открыто на улицу», поэтому изба у них была повернута к улице боковой стороной и при том обнесена изгородью с жердяными или дощатыми воротами во двор). Российская исследовательница детства и детской субкультуры М. Осорина полагает, что в традиционной культуре поведение членов семьи жестко регламентировалось: это касалось и порядка рассадки людей за столом, очередности подачи блюд, поведения во время еды, что определяло значимость каждого члена семьи, закрепляло необходимый тип отношений между ними и тем самым утверждалась незыблемость семейной структуры.

В настоящее время наблюдается падение статуса традиционной семьи, и это уже общепризнанный факт. В современном мире демократические установки проникли и в систему семейных отношений: большие семьи распадаются на множество мелких, коллективная солидарность членов семьи поддерживается, как правило, совместным празднованием важных семейных событий. Образуется своеобразный гостевой формат общения родителей и детей, которые стремятся к независимости. Взрослые дети учатся строить свои семьи методом проб и ошибок, обретая новый жизненный опыт. Изменению семейной структуры способствует и открытость границ, возможность миграции в другие культурные и жизненные пространства. Социализация осуществляется по иным матрицам, канон традиции уступает место новациям. В последнем случае разнообразные информационные

¹ *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 8–10.

² Там же. С. 10.

технологии становятся главными посредниками в дистанционной коммуникации членов семьи, не позволяя полностью разрушить семейные связи и традиции. Социальные сети активно берут на себя роль так называемой метасемьи, способствуя объединению поколений. В результате возникает глобальная социализация, где информационные технологии выполняют функции и семейного психотерапевта, способного выслушать и дать полезный совет, и учителя, знающего все обо всем и ни в чем не сомневающегося, и консультанта, определяющего предпочтения вашего досуга и т. д.

Современная семья иначе организует детство своих детей: гаджеты, красочные мультики и аниме, аудиокниги, путешествия и т. п. – это их окно в большой мир. Маркетинговые технологии обеспечивают не только продвижение существующих товаров и стимулирование к изобретению новых, но и вмешиваются в процесс социализации детей. С помощью рекламы они создают прекрасный мир, в котором без труда можно осуществить все детские мечты. Дети воспринимают жизнь через рекламные ролики и создают свой мир с иными героями и событиями. Формируется культура с новыми традициями, которые передаются из поколения в поколение. С 1960-х гг. возникает детская субкультура, которая складывается на основе ритуализированного поведения и создания текстов собственного фольклора¹. Социализация современных детей происходит более интенсивно и разнообразно, она во многом другая.

Социализация – это территория пересечения разных типов дискурса, которые давно и достаточно детально изучают этот феномен. По этой причине основными ее стратегиями являются психоаналитическая, экзистенциальная, социокультурная и художественная. Каждая из них по-своему исследует природу социализации и ее основные институты, в то же время присущая этим стратегиям комплементарность позволяет создать ее целостный образ.

3. Фрейд считал, что «сознание не приобрело у ребенка всех характеризующих его признаков: оно находится в процессе развития и не обладает еще способностью превратиться в словесные представления»². По З. Фрейду, социализация начинается с детского возраста, когда появляется и усиливается действие эдипового комплекса – инстинктивного эротического влечения детей и подростков к родителям противоположного пола. Инстинктивные силы (Оно) возбуждают и требуют удовлетворения инстинктов, а социальные силы (сверх-Я) стремятся направить эти инстинкты в общественно

¹ Осорина М. В. Секретный мир детства в пространстве мира взрослых. 5-е изд. СПб. : Питер, 2010. С. 332–334.

² Фрейд З. Психологические этюды. Минск : Поппури, 1998. С. 255.

безопасное, цивилизованное русло. Именно сверх-Я содержит в себе предписания индивиду со стороны родителей, воспитателей, общества в целом, поэтому индивид (Я) оказывается в центре столкновения природного и социально-культурного начал. Процесс социализации проходит несколько стадий: оральную, анальную, фаллическую и генитальную, которые функционируют с рождения и до половой зрелости. Сексуальное развитие является системообразующим фактором становления индивида, а социализация интерпретируется как процесс сдерживания биологических побуждений.

В развитие теории социализации и в преодоление идеи пансексуализма внесли вклад К. Юнг, Э. Эриксон, А. Адлер, Ж. Пиаже, К. Хорни, Ж. Лакан и др. В индивидуальной психологии А. Адлера социальное чувство человека является врожденным, а не выступает как результат процесса социализации. Он формирует себя с помощью свободы выбора, определения смысла жизни и стремления к самореализации. В этом случае для личности социально значимыми становятся внутренние приоритеты и экзистенциальные ценности. Препятствием на пути к самореализации становится «чувство неполноценности» (телесные недостатки, неблагоприятные социальные условия и др.), поэтому его преодоление рассматривается как личностное развитие. Именно неполноценность, компенсация и социальная среда инициируют человека к превосходству и своей значимости. Личность – это эго, не замкнутое на себя, а экстравертированное на мир, поэтому важна гуманизация самого процесса социализации, исключая любую авторитарность, поскольку у ребенка возможны неврозы не только телесной природы, но и неврозы униженного или избалованного человека.

К. Хорни, в отличие от З. Фрейда, полагал, что основу сущности человека составляет врожденное чувство беспокойства, которое ребенок испытывает с первых минут рождения. Чувство беспокойства – это основная мотивация поступков человека, связанная с желанием избавиться от него. В связи с этим К. Хорни описывает три линии, по которым ребенок может двигаться: навстречу людям (беспомощность), против людей (враждебность), от людей (изоляция). Избавление от беспокойства – это освобождение от своего идеализированного Я, человек должен принять себя со всеми недостатками. В свою очередь, социальные сети, блог-платформы, TikTok воспринимаются человеком как средство преодоления недостатков, поскольку в повседневной жизни наши усилия по самопрезентации ограничены, так как нет возможности изменить свой облик, в отличие от онлайн-общения, лишённого зрительных или звуковых подсказок, где желаемый образ легко достижим. В то же время увлечение инсценировкой своей индивидуальности приводит к тому, что идентичность человека становится неуловимой, а социальные отношения – объект-объектными.

Ж. Лакан представляет человеческую психику как взаимодействие трех составляющих: воображаемого, символического и реального. Формирование воображаемого происходит у ребенка на «стадии зеркала», которая характеризует воображаемую идентификацию с оглядкой на Другого¹. Символическое – это область внеприродной комбинаторики, игра недостатка и избытка человека, где он должен усвоить определенные социокультурные символы в целях адаптации к обществу. Реальное как потребность фиксирует непосредственные жизненные функции и отправления, человек возникает как раз на месте разрыва с реальным. Сам по себе он есть ничто, пустота, которая наполняется содержанием символических матриц. Современный контекст видится в том, что человеку кажется, что порядок символического он создал сам и реальность тут, но символы его опутывают так, что он не замечает второго рождения. В таком случае процесс социализации затруднен и встреча с реальным может не произойти.

В экзистенциальной стратегии понимание процесса социализации зависит от интерпретации природы человека, в отличие от простого бытия вещи он есть несовпадение с самим собой, присутствие с собой и с миром. Сущность человеческого бытия выражается в экзистенции, которая не редуцирована к его физическому существованию. Именно забота превращает человека из природного существа в культурно-социальное. Однако экзистенциальный смысл состоит в том, что человек должен быть тем, что он есть, и не просто быть, а создавать себя. М. Хайдеггер напоминает нам о конечности нашего бытия, тем самым говоря, чтобы мы не теряли время зря. Ж.-П. Сартр, размышляя о суверенности поступков человека, создает своеобразную формулу для социализации: мы сами творим собственную жизнь! В его программном документе «Экзистенциализм – это гуманизм» сформулированы две основные смысловые идеи: индивидуальный субъект сам себя выбирает и человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Это объясняется тем, что «существование человека предшествует его сущности», его характеризуют индивидуальные предпочтения и поступки, а не устойчивая «человеческая природа». В автобиографии «Слова» он раскрывает свое понимание детства, окруженного старшим поколением, а благодаря умению читать и писать он социализировался в обществе: «Я не ковырялся в земле. Не разорял гнезд, не собирал растений, не стрелял из рогатки в птиц. Книги были для меня птицами и гнездами, домашними животными, конюшней и полями. Книги – это был мир, отраженный в зеркале, они обладали его бесконечной плотностью, многообразием

¹ Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Психология самосознания : хрестоматия. Самара : БАХРАХ-М, 2000.

и непредугаданностью»¹. Чтение – это возможность более тесного общения с членами семьи. Социализация здесь предстает как личный выбор ребенка среди возможностей семьи.

Расширение представлений о социализации связано с гендерным подходом С. де Бовуар, что нашло отражение в работе «Второй пол». Основанием данного подхода являются установки экзистенциализма: «Лишь при общении с другими людьми индивид может осознать себя Другим. Поскольку ребенок замкнут на себе, он не может заметить своего полового отличия от других. Для детей, и девочек и мальчиков, тело – это прежде всего выразитель определенного внутреннего мира и инструмент для познания внешнего мира... ребенок непосредственно переживает первородную драму любого существа – Драму отношений с Другим. Он особенно хорошо осознает себя существом тогда, когда на него направлен фиксирующий взгляд другого человека»². Особенность такой гендерной позиции заключается в том, что речь идет не столько о специфике детской социализации как таковой, сколько о разных сценариях и механизмах ее реализации в среде мальчиков и девочек.

В процессе исторической реконструкции выяснилось, что формирование девочек всегда проходило под давлением установок мускулиной культуры с ее стереотипами, паттернами, предписаниями. Пассивность, являющаяся «основной чертой “женственной” женщины, развивается в ней с первых лет жизни. Но было бы неверно утверждать, что такова природа женщины. В действительности это тот жизненный путь, который навязывают ей воспитатели и общество... Она с раннего возраста переживает конфликт между своим независимым существованием и вторым “я”. Ее учат, что для того, чтобы нравиться, нужно прикладывать усилия, нужно превратиться в предмет. Следовательно, она должна отказаться от своей независимости»³.

Не менее значимой является также социокультурная стратегия социализации личности, которую сформировали концепции социального дискурса (Ч. Кули, Дж. Мид, М. Мид и др.). В этом дискурсе значимо то, что внимание переносится с семьи как первичной группы, на друзей, т. е. тех других, которые для ребенка становятся новыми авторитетами. Благодаря и родителям, и друзьям он начинает осознавать себя в качестве самостоятельного Я и тем самым выделять себя из коллектива. Ч. Кули этот процесс называет «зеркальным Я», когда другие люди воспринимаются как зеркала, вглядываясь

¹ *Сартр Ж.-П.* Слова / пер. с фр. Ю. Яхниной, Л. Зониной. СПб. : Азбука-классика, 2004. С. 53.

² *Бовуар С. де.* Второй пол : в 2 т. / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М. : Прогресс ; СПб. : Алетей, 1997.

³ Там же. С. 317.

в которые можно изменять и свое личное Я. Такое Я рассматривается как элемент самосознания ребенка. Для Дж. Мида в этом вопросе важна ролевая функция, формирующаяся еще в детстве: кто из нас, взрослых, не примерял на себя роль матери? Одновременно эти трансформации для ребенка – это забавный вид игры, имитирующий поведение взрослых. Социализация разворачивается путем имитации, ролевых и коллективных игр, в процессе которых появляется чувство социальной идентичности. «Именно в форме обобщенного другого социальный процесс влияет на поведение вовлеченных в него и поддерживающих его индивидов... В абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщенного другого»¹. Роль обобщенного другого становится критерием формирования Я. В результате суть социализации заключается в способности индивида становиться объектом для самого себя.

Из множества релевантных нашей эпохе подходов приведем позицию американского этнографа М. Мид, которая признает огромную роль в развитии каждого человека социального окружения, той среды, где он родился и был воспитан. Различные аспекты человеческого поведения связаны с простыми продуктами цивилизации, такими, которые присутствуют у жителей одной страны и отсутствуют у жителей другой, хотя последние принадлежат к той же самой расе². Она выделяет три типа культур на основании механизмов трансляции опыта между поколениями: постфигуративный – дети учатся у своих предков (опора на традицию и ее носителей, отношения жестко регламентированы между возрастными группами, новации не приветствуются, все знают свое место); кофигуративный – и дети, и взрослые учатся у сверстников (влияние старших падает, а сверстников – растет, традиция уже лишается приоритета); префигуративный, где взрослые также учатся у своих детей (формируется новый тип социальной связи между поколениями, где нет патернализма старшего поколения над младшим)³. Действительно, в настоящее время в университетах так называемого третьего возраста студентами являются бабушки и дедушки, а их учителями – внуки, обучающие их всем «техническим премудростям» XXI в.

Контекст социокультурной стратегии не может быть полностью описан без учета языка, выступающего в роли социализующего фактора, который обеспечивает социальный контакт даже между членами временно образуемой группы, например во время приема гостей. Однако язык не только

¹ Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. М. : МГУ, 1994. С. 124.

² Мид М. Культура и мир детства : избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; сост., авт. послесл, отв. ред. И. С. Кон. М. : Наука, 1988. С. 60.

³ Там же. С. 221.

социализующая и унифицирующая сила, он также является наиболее мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности. Современная цивилизация с ее школами, библиотеками, бесконечными запасами знаний, мнений, фиксированных в словесной форме чувств, немыслима без языка, обладающего вечностью документа¹. Язык – социальный феномен, и «им нельзя овладеть вне социального взаимодействия, т. е. без общения с другими людьми. Хотя процесс социализации в значительной степени основан на имитации жестов – кивков, манеры улыбаться и хмуриться, язык служит основным средством передачи культуры. ..., он участвует также в процессе приобретения и организации опыта людей»². Однако язык современной культуры перестает быть языком подлинного бытия, он превращается в инструмент трансляции социальных эстафет, что в немалой степени связано с влиянием глобализации с ее стандартами и унификациями жизненных приоритетов людей и языка их самовыражения.

Художественная культура активно отзывается на проблемы социализации, как возникающие в прошлом, так и в настоящем, и активно рефлексировать на эту тему в формате автобиографий, мемуаров, литературных произведений или спектаклей. По словам известного французского писателя Ф. Бегбедера, «литература часто помнит то, о чем сами мы забыли..., писать – значит читать в себе. <...> Жанр автобиографии располагается на перекрестке дорог, между Зигмундом Фрейдом и мадам Солей»³. Сам писатель своего детства не помнит и когда в этом признается, ему никто не верит: «Мозг искажает картины детства, рисуя его более радостным или мрачным и уж во всяком случае куда более интересным»⁴. И с огорчением констатирует, что «дети воспринимают вечность как нечто само собой разумеющееся, однако родители их родителей уходят, не дав им времени задать нужные вопросы. Потом наступает момент, когда дети, сами став родителями, испытывают желание узнать, от кого они произошли, но могилы не отвечают. Никогда»⁵.

В художественных классических и современных произведениях особое место уделяется роли старших поколений в социализации личности, семейным ценностям и традициям, образующим мир ребенка, системе его вос-

¹ Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. С. 223–247.

² Смелзер Н. Социология. М. : Феникс, 1994. С. 57.

³ Бегбедер Ф. Французский роман / пер. с фр. Е. Головиной. М. : Иностранка, 2010. С. 21–22.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 52.

питания и образования. В исследованиях показано, что детская тема становится одной из ведущих в русской литературе только с середины XIX в. При этом большинство писателей, показывающих процесс социализации «дитяти», интересуется ребенком от 5 до 12–13 лет, поскольку в данном возрасте он уже относительно независим от родителей, способен к самостоятельным действиям и поступкам, у него развиты мотивационная сфера, память, внимание. Тема детства была центральной для многих русских писателей: Н. М. Гарин-Михайловского, С. Т. Аксакова, М. Горького, И. А. Бунина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.

Сельской и городской жизни белорусов, их методам воспитания и обучения детей посвящены художественные произведения Якуба Коласа, Янки Купалы, А. Пашкевич (Цеткі), М. Чарота, М. Богдановича, В. Витки, В. Гарбука, В. Быкова и др. Сельская жизнь делает мир детей иным: они живут среди природы, их бытие неотделимо от нее. Их социализация во многом проходит по канонам традиции, еще присутствует тесная связь поколений, поскольку бабушки и дедушки могут жить близко. Городской ребенок формируется среди стекла и бетона, растет на асфальте и дышит воздухом техногенной цивилизации. Безусловно, уже нет такой разницы между деревенским и городским образом жизни, технический прогресс постепенно нивелирует ее и процесс социализации стандартизируется.

В современной европейской литературе писатели поднимают вопросы самоидентификации ребенка в неполной семье и проблемы его социализации – это Р. Гари («Обещание на рассвете»), Ф. Бегбедер («Французский роман»), М. Уэльбек («Элементарные частицы») и др. Ж.-М. Генассия («Клуб неисправимых оптимистов»), прозу которого критики называли великой, описывает жизнь подростка 1960-х гг., увлекающегося фотографией и чтением, который не стремится идти в школу, испытывает трудности в общении с родителями, но ощущает комфорт среди людей, по разным причинам бежавших от железного занавеса. Не осталась без внимания и злободневная тема террора, в который все чаще втягиваются дети разных национальностей и рас (Э. Э. Шмитт «Человек, который видел сквозь лица»).

Вместе с тем ни один из дискурсов проблемы социализации не завершен по причине ее значимости и неисчерпаемости, несмотря на широкое употребление понятия детства как начальной точки и очевидность его повседневного смысла. Мир активно меняется, а с ним и способы социализации детей: «Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь, ну, все теперь кончилось. Не тут-то было: только начинается!..»¹.

¹ Лермонтов М. Ю. Странный человек // Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 3. С. 293.

4.4. Реконструкция одномерного человека в условиях информационной реальности

В настоящее время человечество пытается решить проблему войны и мира, экологического коллапса, борется с терроризмом и ядерной угрозой, выступает против расизма и национализма, дискриминации меньшинств и отдельных народов, поддерживает устойчивое развитие и всевозможные права, но в то же время в обществе отрицается само право человека на существование.

Как бы парадоксально это ни выглядело, но век технической индустрии с его развитым уровнем нанотехнологий и тотальной информатизацией, которые непременно обещают человеку новый качественный образ жизни, не укрепил его веру в счастливое будущее, но окончательно подорвал ее основания. Неслучайно М. Фуко говорил: «Человек – это изобретение недавнее, и конец его, быть может, недалек»¹.

Человек долгое время боролся с тяжестью бытия, потом жаловался на его «невыносимую легкость», теперь же мечтает об абсолютной свободе, хочет освободиться от бытия. Идеализация свободного бытия оборачивается тем, что смерть признается позитивной и злом становится сама жизнь, а зло, как известно, надо искоренять. В результате происходит подмена, или перверсия, базовых ценностей нашего мира – самоотрицание человечества и его замены искусственным техногенным разумом. Звучат лозунги смерти автора (Р. Барт), субъекта (Ж. Делез), человека (М. Фуко).

Так, например, придерживаясь взгляда на смерть как попытку обрести суверенность, Ж. Батай подчеркивает: «Человек должен наконец убить во мне меня, должен до такой степени стать самим собой, что моя глупость перестанет делать меня смешным... я должен отныне умереть и родить самого себя»². Ф. Ницше в этом смысле сказал бы «не умереть», но «преодолеть себя» посредством человеческой воли. Именно воля призывает избрать крутой и беспокойный путь, который только и может быть в трагическом мире.

Наш век, безусловно, можно назвать трагическим, поскольку под сомнение ставится бытие человека и человек как таковой. Эту ситуацию описал А. де Сент-Экзюпери: «Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : Прогресс, 1994. С. 403.

² Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с фр., послесл., коммент. С. Л. Фокина. СПб. : Аxioma : Мифрил, 1997. С. 68.

провинциальном укладе, ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немало труда стоило забыть, что ты – человек¹. Трагедия заключается в том, что человек стал забывать о том, что он человек. Что тогда такое человек? И почему отрицается право на его существование?

Несмотря на то что «единой идеи человека у нас нет, занимающиеся человеком специальные науки, как бы ценны они ни были, больше скрывают сущность человека, чем проясняют ее»² и, принимая во внимание историчность человеческого бытия, есть основания говорить о пересечении в фокусе человеческой сущности многообразия его смысловых интерпретаций. Безусловно, у человека слишком много граней, он настолько обширное и многообразное существо, что любая дефиниция будет ограниченной для понимания его глубинной сущности.

Тем не менее в классической традиции человек мыслился как «мера всех вещей», «носитель свободы», «гарант бытия», «лучшее творение Бога», воспевалась не только сила его ума, но и природа нравственных ценностей. Как бы ни определяли человека, неправомерно сводить его исключительно к биологической природе, аксиологической размерности или социокультурным основаниям, поскольку любая форма редукционизма угрожает своей ограниченностью.

В настоящее время существует огромное количество проекций человека, среди которых можно выделить следующие: *homo sapiens* (человек разумный), *homo faber* (человек производящий), *homo ludens* (человек играющий), *homo prudens* (человек сознательный), *homo pulcher* (человек прекрасный), *homo economicus* (экономический человек), *homo consumens* (человек потребляющий), *homo virtualis* (виртуальный человек), *homo symbolicus* (человек символический) и др.

Человек как *homo sapiens* соотносится с животным, отличать его будет целеполагающая деятельность, абстрактное мышление, способность к самосознанию, артикулированная речь. *Homo faber* в качестве специфически человеческого выделяет способность к труду как целенаправленной деятельности по производству материальных и духовных благ. Для *homo ludens* свойственно проявлять свободу посредством активной деятельности, тем самым выражать себя в творческом волевом акте.

Аристотелевское понимание человека как разумного существа скоррелировано с *homo prudens* и переоценивается в неклассической традиции

¹ Сент-Экзюпери А. де. Планета людей. Маленький принц / пер. Н. Галь. М. : Знание, 1997. С. 12.

² Шелер М. Философское мировоззрение. Положение человека в космосе // Избр. произв. М. : Гнозис, 1994. С. 133.

с ее установкой на интуитивное, волевое, инстинктивное начало в человеке как приоритетное. Не выдерживает критики и *homo pulcher*, поскольку с развитием технократического общества и доминированием утилитаристских ценностей человек все больше становится похож на инструмент всеобщего благосостояния. Современный *homo economicus* терпит фиаско, поскольку стремление к максимальной прибыли, гонка за высокое качество жизни превращает его в товар, вещизм становится маркером нашей эпохи. Как результат, появляются *homo esperans*, *homo negans*, которые абсолютно разочаровались в возможности гарантированности человеческого бытия.

Особое место среди прочих *homo* занимают *homo consumens*, *homo virtualis* и *homo symbolicus*, поскольку они являются результатом антропологического кризиса и воплощением практического антропоцентризма. Именно про *homo virtualis* говорит Ж. Бодрийяр, когда отмечает, что «человек не в состоянии более обеспечить границы собственного бытия»¹.

Антропологический кризис – не явление XXI в., а его закономерное следствие. Традиционно антропологический кризис связывают с разочарованием человека в мире предустановленной гармонии, крушением идеалов прогрессивного развития, забвением культурно-нравственных ценностей. Маркерами кризиса человеческого бытия являются: распад традиционных ценностей (быстрый темп изменений и постоянное присутствие новых технологий и информации оспаривают традиционные системы убеждений и ценностей, вызывая определенную дезориентацию и диссонанс у человека; наблюдается резкое расхождение между старыми и новыми ценностями, которые наследуются от прошлых поколений, и ценностями, которые формируются в современной культуре); технологизация и потеря связи с органической средой (благодаря развитию технологий человек получил комфортную жизнь, подорвав основы естественной коэволюции); кризис идентичности (унификация и стандартизация образа и стиля жизни, навязывание стереотипных идеалов, номадизация, когда человек не в состоянии определить свое будущее); массовизация (уравнивание характеристик деятельности индивидов, аморфизация, присущая толпе, гетерогенность, усредненность); экономоцентризм (экономические интересы или аспекты ставятся в центр общественной жизни в ущерб другим аспектам, таким как культура, экология или социальная политика) и др.

К деструктивным проявлениям антропологического кризиса можно отнести повышенную общественную конфликтность; трансформацию

¹ Бодрийяр Ж. Судьба субъекта в культуре XX века // Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1993. С. 138.

социальных институтов, функция которых сводится не к воспроизводству общественно значимых ценностей, а к тотальному контролю за каждой стороной человеческой жизнедеятельности; ослабление статуса национальных государств; истощение социального капитала, обездушивание мира и его обескультуривание; негарантированность жизненного пространства самого человека и др.

Кризис духовных ценностей, утилитаризм, стереотипизация, клиповое мышление, тотальная усредненность, набирающие обороты под воздействием процессов технизации и глобализации, напоминают о культурной гибели современного человека, известной как гуманитарная энтропия (когда культурные ценности подвергаются деградации и разложению).

Антикультура, цинизм, рыночное отношение к духовным ценностям превращают бытие в некое сподручное сущее, а самого человека – в актора, или агента, которого все чаще именуют как «постчеловек». Неслучайно актуализируется проблема исчезновения человеческого, поскольку тотальная инструментализация отражает драматичность человеческого бытия.

Человек разумный утрачивает свою идентичность, перестает считать свое существование самоценным и уникальным, постепенно из цели превращается в средство. Если раньше человек приспособлялся к естественной реальности, преобразуя ее, то теперь он приспособляется к искусственной реальности, преобразовывая самого себя.

Результатом такой идеологии технократизма явилось раскультуривание человека, под которым следует понимать процесс доминирования над человеком материальных ценностей, превращение человека в машину, варваризацию его культурных идеалов. Человек в ситуации раскультуривания теряет свою индивидуальность, становится среднестатистическим общественным элементом, уподобляется бездушному роботу, ориентированному на конкретные установки и запросы социума. Раскультуривание есть процесс расчеловечивания, выхолащивания из человека человеческого, которое всегда имеет духовную основу.

Если ранее человек был целью и никогда не был средством, то в век избыточного потребления, машинизации и утверждения в своих правах идеологии консьюмеризма все меняется в противоположную сторону. Ответить на вопрос «Почему передовые технологии, стимулирующие научный прогресс, не способны решать проблему раскультуривания человека?» можно словами Э. Тоффлера: прогресс «не достигается автоматически и не определяется только материальными критериями»¹.

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002. С. 475.

Парадоксально, но несмотря на современную установку на самооценку человека, его самосозидание, самораскрытие, понятие «само» (*self*) превращается в инструмент, призванный решать социально значимые задачи, становится результатом функционирования ряда социокультурных машин, его ценность определяется полезностью для общества и не сводится к духовному развитию.

Человек перестает думать, смысловое отношение к миру заменяется формально математическим, инструментальным (так называемое мышление без сознания), и в этом смысле уже не ницшеанское «человеческое, слишком человеческое» является вызовом современности, а скорее, «бесчеловеческое, слишком бесчеловеческое».

Век виртуалистики, трансгрессии и антропологического кризиса, которые стали маркером современного общества, инициирует обращение к гуманистическим ценностям и переосмысление феномена одномерности в контексте современных реалий.

Одномерность как идеология западного общества широко распространилась и, как вирус, поразила сознание человечества. Концепцию одномерного мышления Г. Маркузе охарактеризовал как «модель, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений»¹.

Одномерный человек – это тот, кто живет в мире постоянного информационного потока и коммуникации, но при этом лишен критического мышления и осознанности. Он подчиняется повсеместной коммерциализации и потребительскому образу жизни, игнорируя более глубокие размышления о своей роли в обществе. В результате наблюдается атрофия способности мышления искать альтернативы, «в единственном остающемся измерении технологической рациональности неуклонно возрастает объем Счастливого Сознания»².

В концепции Г. Маркузе понятие «одномерный человек» относится к конформистскому и апатичному образу жизни, характерному для современного потребительского общества. Одномерный человек полностью ассимилирован в систему, он становится ее пассивным потребителем. Он лишен индивидуальности и способности критически мыслить. Г. Маркузе считает,

¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2003. С. 275.

² Там же. С. 343.

что одномерный человек подчинен стандартам и нормам, налагаемым обществом, и идет по пути наименьшего сопротивления. Он ищет удовлетворение в потреблении материальных благ, развлечениях и массовой культуре, вместо того чтобы искать ясность собственных целей и переживаний.

Немецкий мыслитель высказывает недовольство в связи с данной ситуацией, считая, что одномерность порождает апатию, отчуждение и потерю подлинности. Люди становятся пассивными потребителями, не задаваясь вопросом о последствиях своих действий и решений. Философ призывает к созданию альтернативной культуры и общественных движений, которые могут помочь людям преодолеть эти ограничения и вернуться к своей истинной природе. Г. Маркузе признает, что информационное общество предлагает человеку неисчерпаемое количество информации и развлечений, но часто за счет утраты его способности анализировать и осмысливать, поэтому он призывает освободиться от одномерности и восстановить потерянную свободу и достоинство.

Особое внимание проблеме одномерного человека уделял французский философ и историк Г. Дебор, который в книге «Общество спектакля» соотносит понятие одномерности с превращением действительности в последовательность однотипных фрагментов, каждый из которых служит простой функциональной цели, но не имеет связи с другими фрагментами и глубокими значений или целей. Это ситуация, когда жизнь трансформируется в жизнедеятельность, «овнешняется», а личность технологизируется и деиндивидуализируется: «Чем больше его жизнь является его продуктом, тем больше он отделяется от собственной жизни»¹. Автор абсолютно убежден, что: «В реально обращенном мире истинное есть момент ложного»².

Французский мыслитель утверждает, что состояние одномерности возникает в результате деления мира на категории, каждая из которых служит какому-либо определенному интересу или цели, таким образом превращая мир в совокупность изолированных фрагментов, исключающих возможность для глубокого понимания истинной природы вещей и маскирующих реальные противоречия и проблемы. Одномерный подход к миру приводит к понижению качества человеческой жизни, поскольку это влечет за собой разрушение способности мыслить и воспринимать вещи в контексте их широкой социальной и культурной значимости.

В трудах Г. Дебора можно встретить синонимичный одномерности термин – «алиенация». Алиенация обозначает процесс (или состояние) отчуждения от себя, своей работы, окружающего мира и общества в целом.

¹ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновского. М. : Опустошитель, 2011. С. 46.

² Там же. С. 22.

В контексте социальной теории алиенация может рассматриваться как состояние человека, который чувствует себя оторванным от своей работы, друзей, семьи и общества в целом. Такое состояние может возникнуть, когда человек осознает, что не контролирует свою жизнь, ощущает неприязнь к своей работе или не получает удовлетворения от своих отношений и общения с людьми. Таким образом, алиенация может привести к потере смысла жизни и снижению качества жизни в целом.

Концепция одномерности у Г. Дебора и Г. Маркузе имеет как сходства, так и отличия. Оба философа критикуют современное потребительское общество, рассматривают его как мир, где индивидуальность и глубокое понимание вещей замещаются банальностью, потреблением и нормами, налагаемыми системой. Мыслители солидарны в том, что одномерный человек потерял способность критически мыслить и принимать самостоятельные решения. Также философы отмечают, что одномерный человек подчиняется требованиям и ожиданиям общества, что ведет к апатии и потере подлинности личности.

При этом если Г. Дебор призывает к осознанному противостоянию массовой культуре и созданию альтернативной культуры, то Г. Маркузе — к освобождению от одномерного образа жизни через развитие критического мышления и общественной активности. Г. Дебор развивает свою концепцию одномерности через понятие спектакля — процесса комодификации и рационализации, который проникает во все сферы жизни. Г. Маркузе, в свою очередь, сосредоточивается на более широких аспектах одномерности, включая потерю чувства свободы и разрушение подлинности.

Решение проблемы одномерности философы связывают с необходимостью формирования критического мышления и осознанности. Человек должен научиться задавать вопросы, анализировать информацию и принимать осознанные решения. Это может быть достигнуто через образование, самообразование и развитие навыков критического мышления. Также важно осознать свою свободу выбора и ответственность за свои решения. Мы должны быть осведомленными и активными гражданами, способными влиять на общество и свою жизнь.

В конечном счете усложнение проблемы одномерного человека в информационном обществе требует не только индивидуального изменения, но и общественного осознания и коллективного действия. Мы должны создать общество, где критическое и творческое мышление поощряется и развивается, а информация служит инструментом для роста и созидания, а не только средством развлечения.

Когда техноинформационная парадигма мышления признала первичным виртуальный мир, где действительное растворяется в возможном, сама

жизнь и ее вещно-событийный мир стали отвергаться в пользу информации и искусственного интеллекта. Как отмечает В. А. Кутырев, «человек умирает, активно, интенсивно и прогрессивно <...>. Время человека и как телесного существа, и как субъекта истекает; чтобы вписаться в новую, “новационную”, информационную реальность и полностью соответствовать ей, он, как минимум, должен быть реконструирован»¹.

Реконструкция предполагает предварительную деконструкцию – дискредитация или умерщвление человека как функции, модуса или сингулярности с последующим «воскрешением» его как морального субъекта, органического начала, телесного и эмоционального существа.

С точки зрения Ж. Делеза, сингулярность – это «доиндивидуальная, хотя и выделенная из тотальности бытия единица; это артикулированное, свободно перемещающееся по “языковой реальности” образование – номада, которая не подчиняется власти присутствия»². В этом смысле мир лишается самости, превращается в материал для манипуляций, а человек-субъект становится безличным, некоторой конфигурацией (или концептом) без пространственно-временных координат, сингулярность является тем, что когда-то было человеком, индивидом, личностью, экзистенцией. Если ранее субъект нес в себе Центр, Глубину, Смысл, то теперь он превращается в персонажа, децентрированного объекта, «сингулярность» (Ж. Делез), «подпись» (Ж. Деррида), «складку» (М. Фуко – в интерпретации Ж. Делеза).

Центризм как характерный атрибут субъекта означает системность, у которой есть организующий фактор (например, Бог). Деконструкция центра, или антицентризм, ведет к скольжению человека по поверхности и низведению субъекта до статуса объекта, когда он становится функцией системы, модусом или «складкой структуры». Гомогенная однородная информационно-сетевая среда превращает бытие в унифицированное единое, которое измеряется не качеством, а количественными параметрами и информацией. Стали забывать, что бытие самоценно, оно «цель в себе».

Реконструкция человека как личности означает преодоление тотальной релятивности и реабилитацию ценностных оснований бытия человека. Реконструкция инициирует необходимость ревизии всей истории человеческой мысли в целях выявления в ней мировоззренческих установок и центров, на которые можно опереться, исходя из главной задачи – выживание. Решить проблему омницида, или антропологической идентичности, и выйти к реализму с человеческим лицом, идя привычным путем, но вспять, вряд ли возможно.

¹ Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб. : Алетейя, 2009. С. 74.

² Делез Ж. Логика смысла. М. ; Екатеринбург : Деловая кн. 1998. С. 190.

Расчеловечивание человека силами технологий в век глобальной постиндустриальной цивилизации можно остановить скрепляющей мощью культурных идеалов, направленных на приращение и укрепление духовных ценностей. Такая установка предполагает возвращение к традиции с ее исторической памятью, актуализацию и утверждение «непреходящего значения духовных ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности»¹.

Как отмечает М. Бахтин, «чтобы увидеть личность, мы должны встать на позиции гуманитарной методологии, выходящей за рамки естественной каузальности и имеющей дело с объектами, обладающими не только внешними измеряемыми проявлениями, но и внутренним содержанием, которое может быть раскрыто в понимающем диалогическом отношении, смысл которого не декодируется, а интерпретируется»².

Современность можно квалифицировать как второй антропологический поворот (первый подобный поворот произошел в начале XX в., был спровоцирован радикальными научными открытиями, сопровождался активным ростом нового знания и завершился крушением идеалов классической рациональности), цель которого – реанимировать гуманитарные смыслы человеческого существования в мире и выстроить новый вектор целостности личностного бытия человека. Сделать это возможно посредством обращения к человекомерности как своеобразной методологической парадигме, включающей в себя проекции «природомерности» и «социомерности» и ориентированной на место человека в бытии и на способ его ценностного духовного становления в самоорганизующемся мире, его окружающем и им же самим создаваемом.

Для Аристотеля человекомерность связана с понятием эвдаймонии, или идеального человеческого блага. Он считал, что человекомерное поведение заключается в поиске счастья и развитии своих потенциалов. Для того чтобы достичь эвдаймонии, человек должен следовать нравственным ценностям и жить в гармонии с обществом. И. Кант связывает человекомерность с категорическим императивом, который требует, чтобы наши поступки были основаны на универсальных моральных принципах. Он считал, что человекомерность заключается в поступках, которые мы могли бы желать, чтобы все люди совершали в любой ситуации.

¹ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М. : Academia, 1999. С. 305.

² Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Собр. соч. М. : Рус. сл., 2002. Т. 6. С. 430.

Для Ю. Хабермаса человекомерность связана с идеей коммуникативного действия. Он полагает, что человекомерное поведение основано на открытом, свободном и справедливом общении между людьми. Человекомерность требует учета интересов и мнений всех участников общения. В постнеклассическом понимании человекомерность – это способность человека к разновекторной самореализации (качественная характеристика), а не только к многовекторной (количественная характеристика), в процессе которой высвобождаются его творческие и деструктивные потенции.

Необходимо обратить внимание на то, что, с одной стороны, выработанные ранее модели понимания человека исчерпали себя. Чрезмерное расширение виртуального пространства, тотальное поглощение человека технической индустрией показали пограничность его существования, но вместе с тем в этой предельной ситуации человек способен посредством ее осознания не только проблематизировать свое бытие, но и создать прецедент собственного спасения. С этой позиции будущее человека можно квалифицировать как возможность рождения человеческого.

С другой стороны, выработка новой парадигмы видения человека столкнулась с непреодолимыми трудностями, вызванными прежде всего редукционизмом сути человека или к природному, или к биологическому, или к психологическому, или к метафизическому, или к культурному, или к социальному, или к инструментально-техническому. Человек оказался «безмерным в мире мер»¹.

Реабилитация духовного начала в человеке остается важной задачей гуманитарных наук. Дефицит культурных оснований и смысложизненных ориентиров является основной проблемой современности. Острая востребованность гуманитарного знания становится очевидной, и первостепенная роль отводится философии как учению об осмыслении мира, человека и его места в этом мире.

Таким образом, реконструкция одномерного человека и формирование культуры личности – основная задача гуманитарной науки в XXI в., решение которой будет зависеть от адаптации человеческого сознания к растущим научно-технологическим возможностям. Конвергенция естественно-научного и гуманитарного имеет положительную динамику: естественные науки призваны решать проблемы поддержания жизни на благо человеку, а гуманитарные – обеспечивать эволюцию саморефлексивного сознания. Преодолевая исторически сложившуюся раздробленность наук посред-

¹ Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы : в 3 ч. СПб. : Изд. дом «Мирь», 2011. Ч. 3 : Философия науки и историография. С. 260.

ством коэволюционного принципа технико-гуманитарного баланса, человечество способно если не решить проблему антропологического кризиса, то минимизировать его риски и негативные последствия и выйти на новый уровень развития цивилизации.

4.5. Философская рефлексия над феноменом коммуникации: основания коммуникативного поворота в европейской философии

На рубеже XIX–XX вв. в европейской культуре, а следовательно, и в философии состоялись три своеобразных поворота, ознаменовавших трансформацию исследовательского интереса: от мира – к социуму, от мира – к человеку, от мира – к языку. Следствием такой трансформации стало появление трех направлений в европейской философии, которые не исчерпывают ее целиком, а выступают в качестве базовых ориентаций. Здесь имеются в виду три стратегии философствования в XX в.: социально-критическая, экзистенциально-феноменологическая и аналитическая. Данные стратегии фокусировали интерес философии к человеку, к сфере межличностной и межкультурной коммуникации. При этом природа и ее познание – то, что составляло существо философских проблем в XVII и XVIII вв., – остались на периферии интересов.

Следует, однако, отметить, что такие повороты случались и ранее. Приведем рассуждения немецкого философа М. Бубера, которые он изложил в работе «Проблема человека». Автор исследует генезис постановки проблемы человека через призму исторического познания. Он различает в истории европейской цивилизации две эпохи: «обустроенности» и «бездомности».

Эпоха «обустроенности» обеспечивает человеку комфортное существование. Он чувствует себя в мире как дома. Вселенная предстает в виде законченных и, как правило, замкнутых космологических моделей. Достаточно вспомнить, например, греческий космос, в котором человеку тепло и уютно. Он в таких условиях не чувствует себя одиноким, и ничто не побуждает его проблематизировать свое существование. Другая ситуация складывается в эпоху «бездомности»: человек чувствует себя как «в диком поле», одиноким, заброшенным, проблематизированным. Такой человек-одиночка готов к постановке проблемы человека, к рефлексии над своим существованием. М. Бубер отмечает, что первый кризис приходит с концом эллинизма и сопровождается гибелью единого греческого космоса, единой греческой ойкумены, разрушением гармонии человека и мира, которая обеспечивалась античной греческой цивилизацией. Пришедший ей на смену ранний

христианский мир перестает быть домом для человека, что отражено также в лекции испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета «Вокруг Галилея», прочитанной в Мадридском университете в 1937 г.

Далее приведем рассуждения М. Бубера. Он говорит о том, что такие эпохи сменяют друг друга: более или менее обустроенный Фомой Аквинским космос в Новое время рухнул под ударами Коперника. Бесконечность надвинулась на человека и ужаснула его. Причем с высоты текущего времени можно утверждать, что бесконечность не просто пришла в рамках какого-либо этапа истории: она пришла навсегда. Подтверждением тому может служить популярная в научных кругах так называемая М-гипотеза, суть которой состоит в том, что наша Вселенная далеко не единственная. Существует множество вселенных, и, более того, вселенообразовательный процесс продолжается до настоящего времени¹. Важен тот факт, что сторонники данной гипотезы утверждают, что коперниканская революция на наших глазах приходит к своему логическому завершению. Сперва человек вслед за Коперником отказался рассматривать Землю как центр мироздания, затем и наша Галактика стала рассматриваться как один из небольших островков в космосе. И, наконец, сам космос размножился.

Таким образом, в эпоху «обустроенности» антропологический вопрос уходит на второй план, а в эпоху «бездомности», напротив, обостряется. Человек чувствует себя пришельцем, одиноким, беззащитным, обездоленным. Открытие бесконечной Вселенной и Мультиверсума делает построение нового дома и нового образа мира невозможным. «Стоит лишь принять всерьез идею бесконечности – и человеческого жилища из такой Вселенной уже не выстроить. И нужно ведь еще ввести эту самую бесконечность в новую картину мира, что оборачивается явным парадоксом, ибо образ, если он и вправду образ, или форма, ограничен, но вопреки всему должен вобрать в себя безграничное»².

М. Бубер обращает внимание не только на «космические» факторы, способствующие постановке проблемы человека. Автор указывает на прогрессирующий распад традиционных форм человеческого общежития: семьи, ремесленных союзов, сельских и городских общин, которые вместе с новыми социальными формами лишь заглушают одиночество человека, сохраняя иллюзию обустроенности. Не следует игнорировать также фактор отчуждения, согласно которому творения рук человеческих становятся независимыми от своего создателя и даже могут стать враждебными ему.

¹ Волков А. «О, новая Вселенная! Уже за шеломянемъ еси!» // Знание – сила. 2006. № 12. С. 16–23.

² Бубер М. Проблема человека // «Два образа веры». М. : Республика, 1995. С. 170–171.

Следует также отметить, что развитие философии в XIX в. осуществляется в контексте индивидуалистической парадигмы, которая к концу обозначенного века практически исчерпала себя и находится в кризисе. В эпоху Возрождения и в Новое время человек мыслит себя свободным от внешней зависимости, самостоятельным, инициативным, властелином мира и творцом своей судьбы. Однако, выпав из системы корпоративных связей, которые придавали человеку уверенность в себе и защищенность, человек остро осознал свою заброшенность, свое одиночество. И человека охватил страх...

В сложившейся ситуации индивидуальное, самодостаточное Я, с одной стороны, осознало свою незащищенность и покинутость, а с другой – обнаружило, что оно на самом деле не одиноко. Я обнаружило, что кроме него есть еще некто. И этим некто оказался Другой. Этот Другой выступает в двух диаметрально противоположных ролях. Он оказался и «светом в конце туннеля», обеспечившим выход из индивидуалистического кризиса, и в то же время его присутствие создало новую для Я проблему: с ним необходимо общаться, так или иначе коммуницировать.

Таким образом, в постклассической философии складывается новый концепт, выраженный дихотомией Я – Ты, Я – Мы, Я – Другой. В рамках данного концепта главное место занимает коммуникативная, интеракционистская сторона человеческого существования, а интересубъективность и язык в целом ряде философских концепций позиционируют себя как две важнейшие манифестации социальной сущности человека. Сфера общения, коммуникации становится одним из главных способов преодоления назревшего мировоззренческого кризиса. Выход из сложившейся ситуации во многом видится в преодолении отчуждения в сфере общения, в развитии таких качеств, как коммуникабельность и коммуникативная грамотность.

Немецкий философ-материалист Л. Фейербах в работе «Основные положения философии будущего» отмечает: «Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает в себе человеческой сущности ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общности, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты»¹. Неслучаен интерес Л. Фейербаха к феномену любви, которая связывает, а не разъединяет, и идеал человека мыслится как любящее существо, способное устанавливать прочные эмоциональные связи с другими людьми. В связи с этим уместно вспомнить одного из представителей франкфуртской школы неомарксизма Г. Маркузе

¹ Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Соч. в 2 т. М. : Наука, 1995. Т. 1. С. 144.

и его известный труд «Эрос и цивилизация»¹, в котором автор призывает укрепить чувственность и таким образом разрушить тот общественный порядок, который превратил человека в одушевленный предмет управления.

Интерес к языку и к субъективности, а через них и к коммуникации проявился практически во всех современных философских концепциях.

Так, *антропологически ориентированные учения* стремятся разобраться в природе человека и сделать проблему человека центральной в многообразии тем философского дискурса. Указанного направления придерживается, например, философия языка и культуры В. фон Гумбольдта, а также рассуждения представителей немецкой философской антропологии – своеобразного сплава философии, психологии и биологии. В качестве примера можно привести также работы таких авторов, как М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, Х.-Э. Хенгстенберг, М. Ландман, Э. Ротхакер.

Большое внимание языку, его строению и роли уделяет *аналитически-прагматическая традиция*. Логический позитивизм (Г. Фреге, Б. Рассел, А. Тарский), лингвистическая философия (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль) исследуют язык, его структуру, закономерности глоттогенеза, особенности его использования в речевой деятельности. На основе американского прагматизма на рубеже XIX–XX вв. начинает складываться современная версия семиотики, у истоков которой стоят Ч. Пирс, Ч. Моррис, Дж. Г. Мид. Следует упомянуть также основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра и связанную с ним традицию французского структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр).

Наиболее близкими к феномену коммуникации являются экзистенциально-персоналистское, феноменологическое и герменевтическое направления современной философии. Следует отметить, что *феноменология*, в первую очередь в лице своего основателя – немецкого философа Э. Гуссерля – оказала влияние на всю постклассическую философию. Одна из ее манифестаций – необходимость реконструкции опыта и понимания того, как опыт переживается самим человеком. Основа «жизненного мира», «мира повседневности» пролегает, согласно Э. Гуссерлю, в сфере интересубъективного общения множества трансцендентальных сознаний. Созвучен феноменологии и *герменевтический* проект современной философии (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, У. Эко). Единственно доступным и ценным здесь рассматривается мир человеческого общения, в основе которого лежит язык, демонстрирующий собой так называемый лингвисти-

¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2003.

ческий опыт мира. Именно этот мир считается первичным и представляет собой мир человеческого общения.

Наиболее интересная проработка темы коммуникации осуществляется в персонализме и экзистенциализме.

Персонализм – направление в философии XX в. Несмотря на то что корни его уходят в раннее Средневековье к трудам Августина Блаженного, наибольшую популярность данное направление приобретает на рубеже XIX–XX вв. на фоне обозначенных выше поворотов. Достаточно сослаться на творчество русских философов Н. А. Бердяева, Л. И. Шестова, а также французского философа Э. Мунье, которого по праву считают основателем и пропагандистом современной версии персонализма. В своем «Манифесте персонализма» автор уделяет внимание не только центральному понятию персонализма – персоне, личности, но и коммуникации¹. Исходной идеей в рассуждениях автора является положение о существовании свободных и творческих личностей. Личность при этом не определяется как объект, так как объектом может быть только нечто внешнее по отношению к человеку. Личность, напротив, это такая реальность, причем единственная в своем роде, которая познается и одновременно создается человеком изнутри. «Личность – это духовное существо, конституируемое как таковое способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения; таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих актов свое призвание во всем его своеобразии»². По словам Э. Мунье, являясь повсюду, она нигде не дана заранее. «Личность есть живая активность самотворчества, коммуникации и единения с другими личностями, которая реализуется и познается в действии, каким является опыт персонализации. И ничто не может навязать личности этот опыт или понуждать к нему»³. При этом фундаментальным свойством личности Э. Мунье называет именно коммуникацию.

Согласно Э. Мунье, существование человека может протекать в двух мирах: в мире индивидов и в мире личностей. «Жизнь общества – это постоянно возобновляющаяся герилья. Когда вражда затихает, наступает всеобщая апатия, и чувства боевого братства, дружбы, любви тонут в пучине безразличия. М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр ввели эту проблематику в философию.

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. М. : Республика, 1999.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 507.

Коммуникация, согласно указанным мыслителям, заблокирована потребностью человека подчинять себе подобных, владеть ими. «Каждый из нас по необходимости либо тиран, либо раб. Стоит лишь человеку посмотреть на меня, и почва уходит у меня из-под ног, присутствие “другого” сковывает мою свободу, его выбор встает препятствием на моем пути; любовь отравляет человеческие отношения, превращая их в ад»¹. Мир других людей постоянно угнетает, выбивает из колеи, ни на минуту не оставляет в покое, причиняет страдания. Этим существенно омрачается коммуникация. И для того чтобы стать способным на благосклонное отношение к другому человеку, надо стать личностью. Для этого, считает Э. Мунье, надо избавиться от укрывшегося в человеке индивида, надо стать открытой, доступной и самой себе и другим личностью. «Личность существует только в своем устремлении к “другому”, познает себя только через “другого” и обретает себя только в “другом”. Первичный опыт личности – это опыт “другой” личности. Ты, а в нем и Мы предшествуют Я или, по меньшей мере, всегда сопровождают Я»².

Всесторонне разработал категорию бытия Другого М. Бубер в работе «Я и Ты». В центре внимания философа – встреча человека с самим собой через встречу с иным человеческим бытием. Отсюда вытекает основополагающий факт человеческой экзистенции: состояние человека с человеком, состояние коммуникации. Бытие Другого может быть при этом представлено в двух основных формах: Ты-бытие и Оно-бытие. Автор при этом подчеркивает, что именно во взаимодействии с этими двумя формами бытия происходит становление Я. Другими словами, Я само по себе не существует, его существование обеспечивается слитностью с Ты и Оно. Я выступает как своеобразный конгломерат Я-Ты и Я-Оно.

М. Бубер выделяет три основные сферы коммуникации: «Первая: жизнь с природой. Здесь отношение колеблется во мраке, не достигая уровня речи. Творения движутся перед нами, но не могут подойти, и наше Ты, обращенное к ним, застывает на пороге речи. Вторая: жизнь с людьми. Здесь отношение открыто, и оно оформлено в речи. Мы можем давать и принимать Ты. Третья: жизнь с духовными сущностями. Здесь отношение окутано облаком, но открывает себя, оно не обладает речью, однако порождает ее. Мы не слышим Ты и все же чувствуем, что нас окликнули, мы отвечаем создавая, думая, действуя; всем своим существом мы говорим основное слово, не умея молвить Ты устами»³.

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. С. 525.

² Там же. С. 527.

³ Бубер М. Я и Ты // «Два образа веры». М. : Республика, 1995. С. 18.

Коммуникация с Оно представлена отношениями понятийно-рационального типа. Коммуникация с Ты окрашена эмоциями, сопровождается переживаниями. Однако в том и в другом случае М. Бубер отводит важную роль языку, рассматривая его не только в вербальной, но и в невербальной его составляющей. Невербальное при этом вступает в действие в особо значимых, экзистенциально важных ситуациях (их часто называют пограничными ситуациями).

Выделяя Оно и Ты как два типа реальности, противостоящих Я в коммуникации, М. Бубер считает, что человек проживает в двух принципиально отличных мирах: монологическом, функциональном, и диалогическом, эмоционально-одухотворенном. В первом Другой выступает в качестве инструмента, позволяющего решать общие для Я и Другого проблемы. Такая коммуникация носит деловой характер и исключает какие-либо личностные моменты. Во втором мире Другой не является объектом. Он, скорее, партнер в жизненном потоке. Именно в этом мире реализуется подлинное событие личностей, знаменуя собой вершину человеческой коммуникации.

Следует отметить, что здесь затронута лишь малая часть современных философских концепций, так или иначе обращающих свое внимание на феномен коммуникации. Тем не менее философские идеи и Э. Мунье, и М. Бубера, будучи во многом созвучными, указывают на безусловную значимость способности человека к коммуникации как важного социального качества личности.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

1. Философия инвайронментализма
2. Социализация личности: плюрализм интерпретаций
3. Бизнес и образование в контексте современной модели цикла социально-гуманитарных дисциплин
4. Социально-гуманитарное познание в контексте постнеклассической рациональности
5. Диалог культур в эпоху постмодерна
6. Феномен глобализации в ракурсе социальной философии
7. Постакадемическая наука: метаморфозы становления и развития
8. Аналитическая парадигма современной философии
9. Этнический стереотип как предмет социально-философского осмысления
10. Человек в системе социальных связей в условиях цифровизации
11. Философия города: философские аспекты урбанистики как учебной дисциплины
12. Культурно-информационное пространство в эпоху цифровых технологий
13. Философия сознания
14. Управление на основе ценностей и философия Agile
15. Реконструкция одномерного человека в условиях информационной реальности: вызовы и перспективы
16. Философская рефлексия над феноменом коммуникации: основания коммуникативного поворота в европейской философии

* Приложения открываются при наведении курсора и нажатии клавиши мышки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основной

Анохина, В. В. Пропедевтика. Исторические типы классической философии : учеб.-метод. комплекс / В. В. Анохина. Минск : 2005.

Барковская, А. В. Метафизика и онтология : электрон. учеб.-метод. комплекс / А. В. Барковская. Минск : БГУ, 2017.

Комаровская, А. С. Основы современного естествознания : учеб. пособие / А. С. Комаровская. Минск : РИВШ, 2016.

Новикова, О. В. Философия истории в антропологической перспективе : учеб. пособие / О. В. Новикова. Минск : БГУ, 2016.

Социальная философия : учеб.-метод. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под. ред. А. И. Зеленкова. Минск : БГУ, 2010.

Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии : пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. И. Зеленкова. Минск : БГУ, 2015.

Философия : учеб. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под. ред. А. И. Зеленкова. Минск : РИВШ, 2020.

Философия : учеб. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. С. Лаптенка. Минск : РИВШ, 2022.

Философия в современном мире / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : БГУ, 2005.

Философия и методология науки : учеб. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. И. Зеленкова. 2-е изд., доп., испр. Минск : ГИУСТ, 2011.

Философия и методология науки : учеб. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. Ч. С. Кирвеля. Минск : Выш. шк., 2018.

Философия и методология науки : учеб. пособие / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : АСАР, 2007.

Философско-методологические исследования / А. И. Зеленков [и др.] ; науч. ред. А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 2019. Вып. 2 : Философия природы в эпоху социально-экологической нестабильности.

Философско-методологические исследования : сб. науч. тр. / А. И. Зеленков [и др.] ; науч. ред. А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 2020. Вып. 3 : Стратегия модернизации как приоритет развития транзитивных обществ.

Философско-методологические исследования : сб. науч. тр. / А. И. Зеленков [и др.] ; науч. ред. А. И. Зеленков. Минск : БГУ, 2021. Вып. 4 : Философия и ценности национальной культуры.

Философско-методологические исследования : сб. науч. тр. / редкол. : А. И. Зеленков (гл. и науч. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. Вып. 1 : Современная гуманитарная мысль и инновационные тренды философского образования.

Хомич, Е. В. Философская антропология : электрон. учеб.-метод. комплекс / Е. В. Хомич. Минск : БГУ, 2017.

Дополнительный

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева, под ред. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016.

Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. М. : Постум, 2018.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. М. : Весь мир, 2007. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное.

Валлерстайн, И. Миросистемный анализ : введение / И. Валлерстайн ; пер. с англ. Н. В. Тюкиной ; вступ. ст., прил. Г. М. Дерлугьяна. 2-е изд., испр. М. : URSS : Ленанд, 2017.

Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики. 2010.

Грядущее информационное общество / ред. А. А. Лазаревич [и др.]. Минск : Белорус. наука, 2006.

Декарт, Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1.

Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. М. : Екатеринбург : Деловая кн., 1998.

Долан, С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / С. Долан, С. Гарсия. М. : Претекст, 2008.

Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Мамардашвили, М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики) / М. К. Мамардашвили. СПб. : Азбука, 2012.

Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2003.

Осорино, М. В. Секретный мир детства в пространстве мира взрослых / М. В. Осорино. 5-е изд. СПб. : Питер, 2010.

Рон, Дж. Философия бизнеса / Дж. Рон. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.

Сеннет, Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации / Р. Сеннет. М. : Strelka Press, 2016.

Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М. : АСТ, 2002.

Уилсон, Э. О природе человека / Э. Уилсон ; пер. с англ. Т. О. Новиковой, вступ. ст., науч. ред. А. В. Быкова. М. : Кучково поле, 2015.

Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : АСТ, 2016.

Хобсбаум, Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. Н. Охотина. М. : Corpus, 2017.

ФИЛОСОФИЯ ИНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМА

Презентация учебной программы
для студентов специальности «философия».

Автор-разработчик – В. В. Анохина,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и методологии науки БГУ

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Тема 1. Философия
инвайронментализма: специфика,
истоки и направления развития

Тема 2. Идея посткапитализма
и образы зеленого будущего
в философии инвайронментализма

Тема 3. Экологические риски поздней
современности и проблема
модернизации техногенных обществ

Тема 4. Стратегия устойчивого
развития: сущность, проблемы,
перспективы реализации

Тема 1. Философия инвайронментализма: специфика, истоки и направления развития

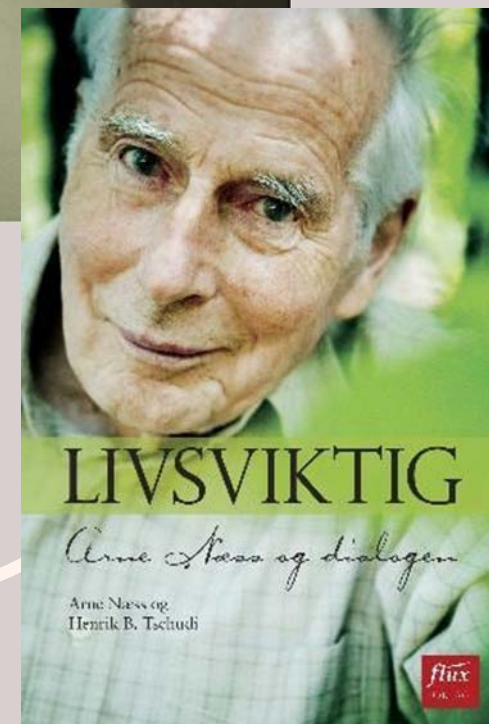
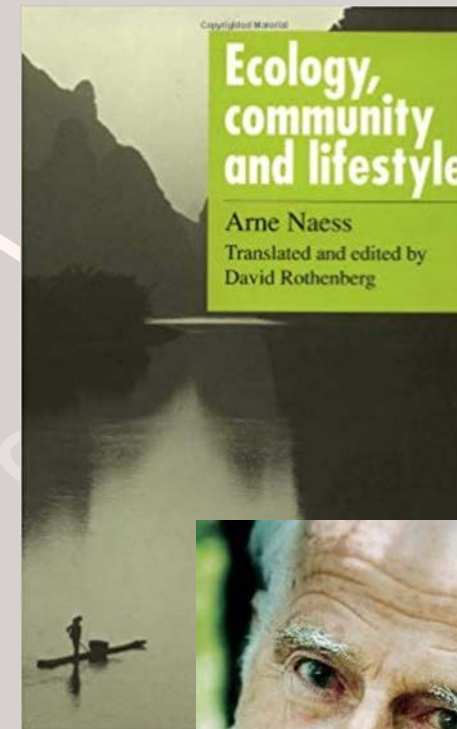
Экологическая парадигма современной культуры: основные принципы и положения. Кризис индустриальной цивилизации и феномен экологического алармизма. Экофильный потенциал традиций как аксиологический фундамент современной экологической культуры. Идея ноосферы в философии XX в. и проблема коэволюции человека и природы. Становление экологии как науки.

Основные направления философии инвайронментализма. Революционный гуманизм А. Печчеи и проблема изменения человеческих качеств. Глубинная экология А. Нейсса как стиль мышления и образ жизни. Экологическая этика, ее специфика и роль в развитии философии инвайронментализма. Социальная экология и трансдисциплинарный переход.

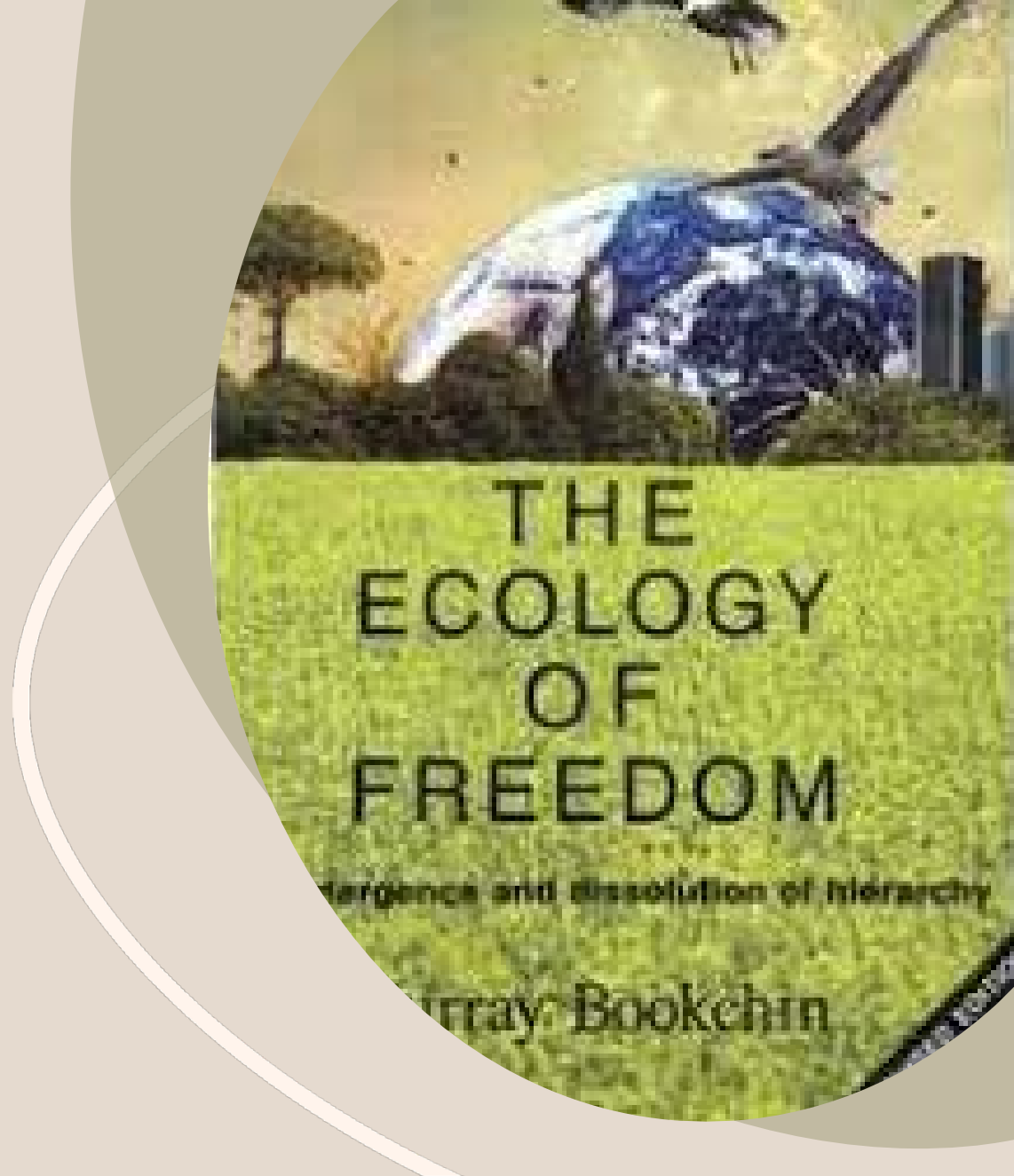
АРНЕ НЕЙСС

*«Благодаря глубинному
опыту, глубинному поиску
и глубинной
приверженности приходит
глубинная экология»*

Тема 2. Идея посткапитализма и образы зеленого будущего в философии инвайронментализма

Экологические импликации идеи социальной справедливости в культуре индустриальных обществ. Концепция экологического анархизма М. Букчина и ее роль в становлении зеленых движений. Альтерглобализм как программа пересмотра экологической политики западных стран. Проблема ресурсов и качества жизни в современной социальной экологии.

Тема 2. Идея посткапитализма и образы зеленого будущего в философии инвайронментализма

Критика либерализма и факторы торможения капиталистической миросистемы. Роль культурно-мировоззренческих, социально-политических и экологических факторов в развитии и упадке глобального капитализма (И. Валмерстайн, П. Дракер, Л. К. Туроу, Дж. Сорос, П. Козловски, Э. Шумахер).

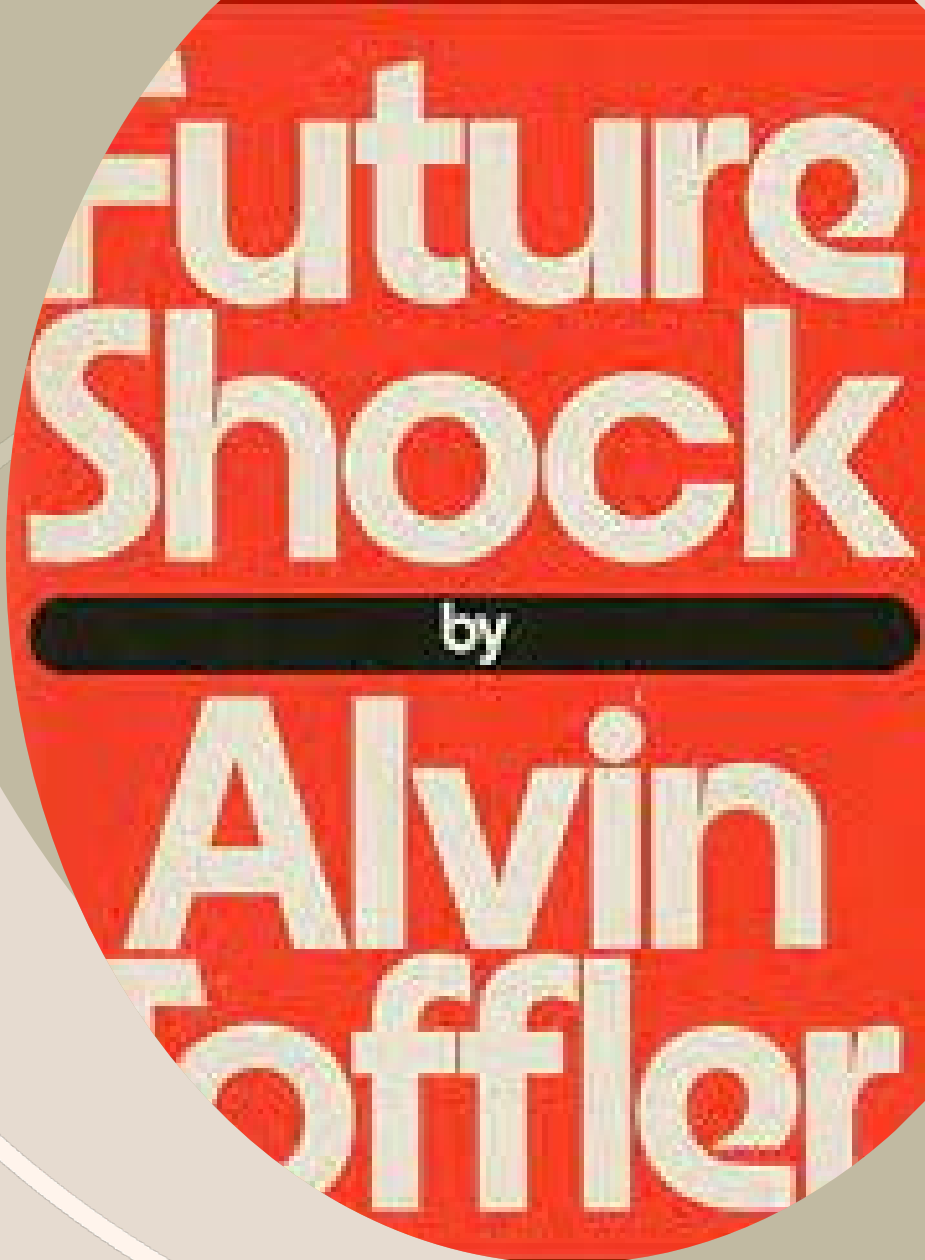
Тема 2. Идея посткапитализма и образы зеленого будущего в философии инвайронментализма

Роль социальных инноваций в гармонизации отношений «общество — природа» (Э. фон Вайцзеккер, Р. Фюкс). Модели зеленой и голубой экономик: сравнительный анализ. Проект «Венера»: его экологические, технологические и социокультурные параметры (Ж. Фреско). Идея зеленой революции Дж. Рифкина и поиск оптимальных форм социоприродного взаимодействия.

Тема 3. Экологические риски поздней современности и проблема модернизации техногенных обществ

Становление концепции техногенной цивилизации в современной философии (Ж. Эмюль, А. Турен, Дж. Бернхейм, Г. Бехманн, В. С. Стёпин). Роль индустриальной системы в динамике техногенного общества (Дж. Гэлбрейт, Р. Арон). Идеология технократизма и современные формы экспертократии (Т. Веблен, З. Бжезинский, Э. Тоффлер, М. Кастельс). Специфика экологического технократизма.

Тема 3. Экологические риски поздней современности и проблема модернизации техногенных обществ

Риск как феномен современного общества: сущность, структура, типология. Проблема глобализации рисков и экологические перспективы техногенной цивилизации.

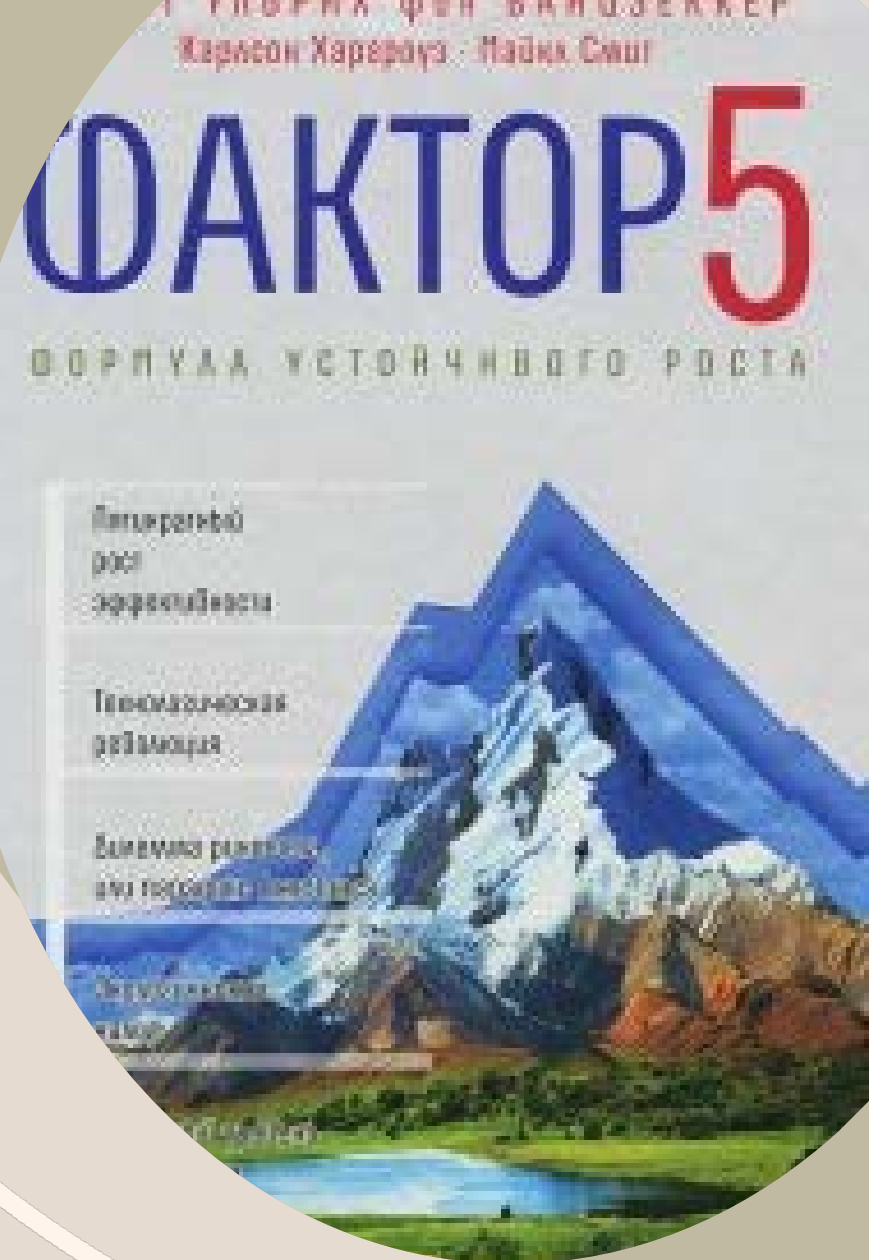
Мировое общество риска и парадоксы рефлексивной модернизации (Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш). Параметризация рисков как условие принятия социальных решений. Становление концепций экологической модернизации в современном инвайронментализме. Теория экологической модернизации как феномен постнормальной науки.

Тема 4. Стратегия устойчивого развития: сущность, проблемы, перспективы реализации

Становление идеи устойчивого развития в экологическом дискурсе. Проблема гармонизации экономических, социальных и экологических целей устойчивого развития.

Стратегия устойчивого развития в современном инвайронментализме: сущность, проблемы, перспективы реализации. Парадигма пределов роста в экологической футурологии Римского клуба (Дж. Форрестер, Д. Медоуз). Концепция органического роста и ее социально-экологический потенциал (М. Месарович, Э. Пестель). Аксиология концепций De-Growth, Post-Growth, Green Growth: сравнительный анализ. Приоритеты устойчивого развития в контексте вызовов третьего тысячелетия.

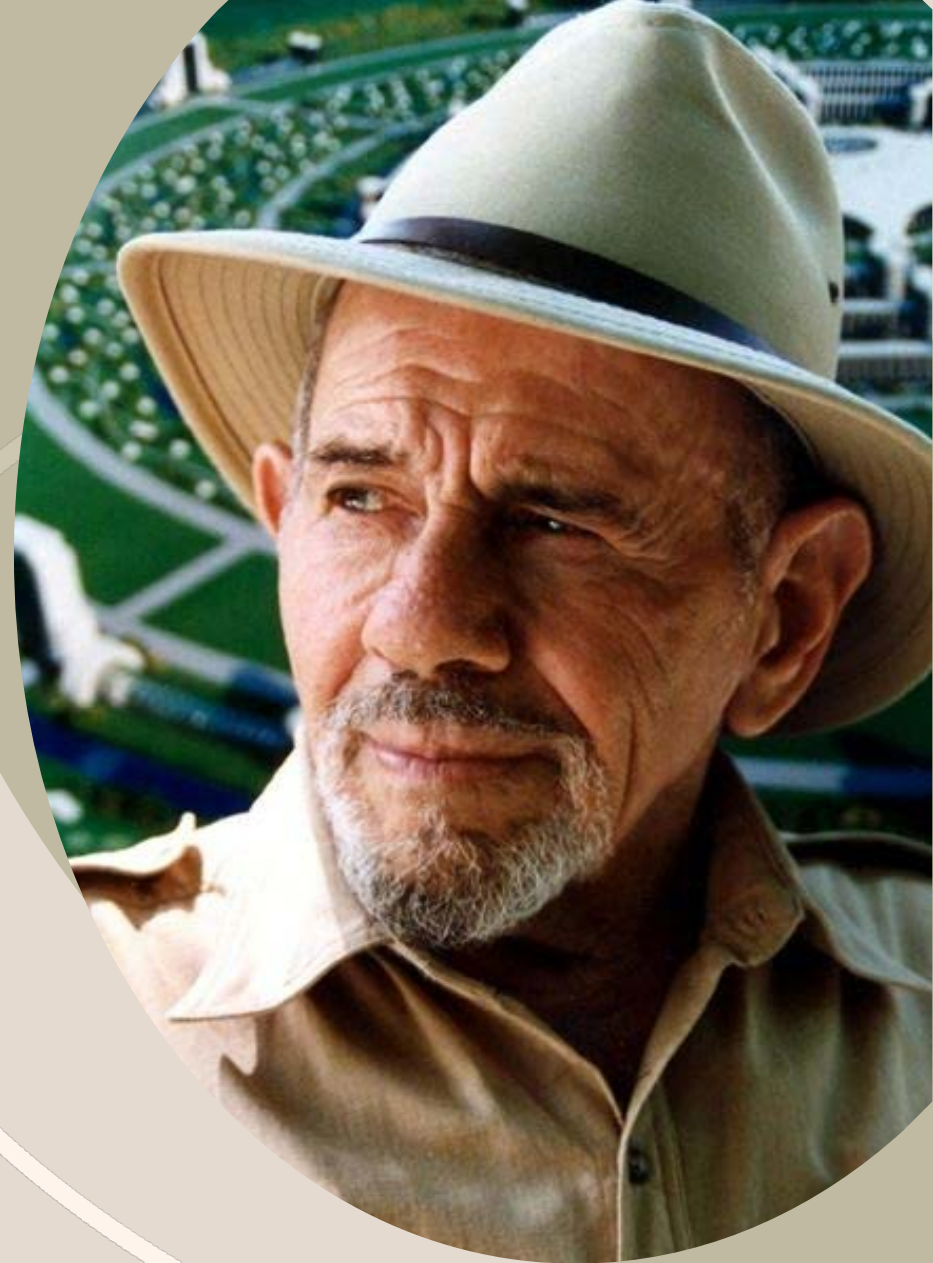
Тема 4. Стратегия устойчивого развития: сущность, проблемы, перспективы реализации

Глокализация как фактор плюрализации стратегий sustainable development. Экополис будущего: концепция устойчивого города и философские основания современной урбанистики. Специфика локальных зеленых практик. Устойчивый туризм как социальная технология, его культурно-экологический потенциал. Концепция устойчивого образования: основные принципы и тренды.

ЖАК ФРЕСКО

*«Если вы ничего не
сделаете, то, уверяю вас,
ничего и не произойдет»*

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ПЛЮРАЛИЗМ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

А. В. Барковская,
кандидат философских наук, доцент

СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Понятие «социализация» ввел впервые американский социолог Франклин Генри Гиддингс (1855–1931).

В книге «Теория социализации» (1887 г.) он использовал данный термин в значении, близком к современному, понимая под ним «развитие социальной природы или характера индивида, подготовку человеческого материала к социальной жизни».

Социализация → воспитание = развитие личности → образование

ДЕТСТВО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- Детство – это социальное образование (совокупность социальных институтов и социальных практик в отношении детей).
- Детство институционализировано в возрастных рамках от 0 до 18 лет (Конвенция ООН о правах ребенка).
- Институционализация социологии детства связана с именем французского ученого Ф. Арьеса.

ОСНОВНЫЕ ПРОЕКЦИИ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА В РАМКАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

- 1. Психоаналитическая (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон, К. Хорни, Ж. Пиаже, Ж. Лакан и др.).
- 2. Экзистенциальная (Э. Финк, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, Г. Г. Гадамер, Х. Ортега-и-Гассет и др.).
- 3. Социокультурная (Дж. Мид, М. Мид, Ф. Арьес).
- 4. Художественная (С. Т. Аксаков, Л. Толстой, А. Толстой, Н. М. Гаршин-Михайловский, М. Горький, Г. Тракль и др.).

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

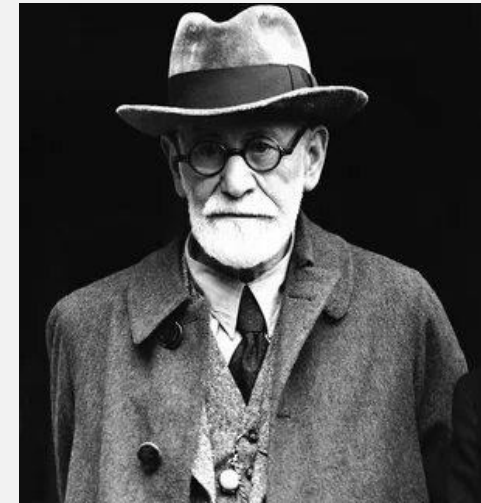
З. Фрейд ввел понятие «психоанализ» в 1896 г.

1-я топка:

- бессознательное – предсознательное – сознание;

2-я топка: Оно (ид) – Я (его) – Сверх-я (Супер-эго):

- Оно (ид) – вытесненные инстинкты, подчиняющиеся принципу удовольствия (включает всю сферу влечений, это «резервуар», «хаос», это нечто неупорядоченное);
- Я олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью. Фрейд сравнивает Я с корой дерева, Я – это функция установления отношений;
- Супер-Я (Я-Идеал) – это совокупность моральных установок и норм поведения в обществе.

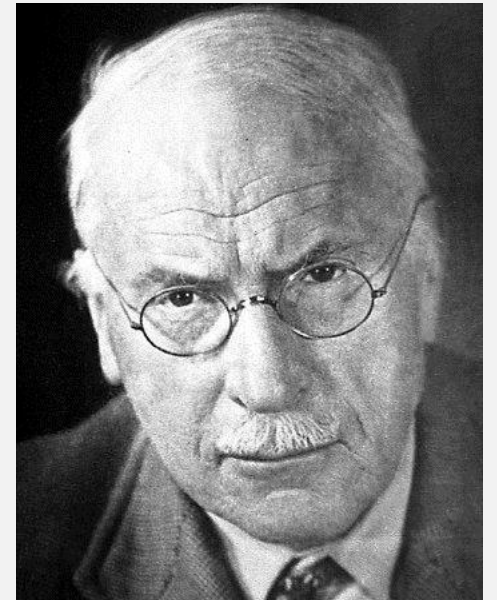

Идентификация понималась:

- как процесс подражания чему-либо;
- как процесс переживания субъектом той или иной тождественности с объектом.

СТАДИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПО К. Г. ЮНГУ

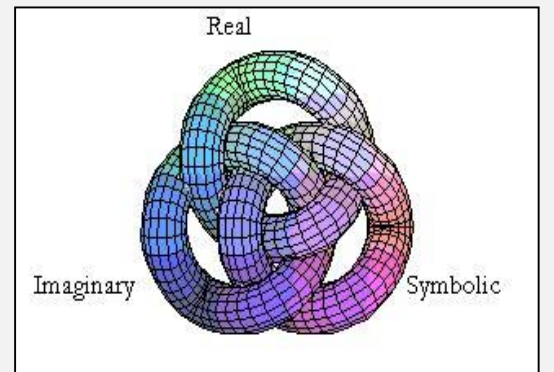
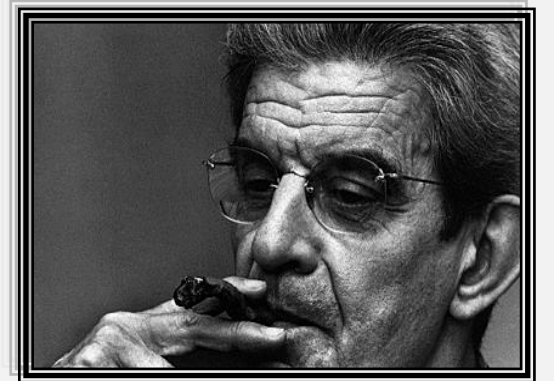
- Досексуальный (до 3 лет) – жизнь беспроblemна и лишена противоречий.
- Предпубертатный (с 3–5 до 10–13) – ребенок отождествляет себя с домом родителей и своей зависимостью от них, получают развитие сексуальные инстинкты.
- Пубертатный (с 10–13 до 19–20) – на индивида ложится тяжкое бремя сексуальности и пробелы социального самоопределения и самоутверждения.
- Юность (20–25) – самоопределение в жизни.
- Средний возраст – после 40 лет.
- Старость за пределами (60–70 лет) – это путь для осуществления потенциала самости.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ВЕРСИЯ Ж. ЛАКАНА

Жак Лакан (1901–1981). «Стадия зеркала»:

- Воображаемая идентификация – идентификация с оглядкой на Другого.
- Реальное – это преграда, о которую разбиваются все попытки символизации. Человек возникает на месте разрыва с реальным.
- Символическое как игра недостатка и избытка.
- Объекты символического обмена – это сосуды, в которые ничего не положишь.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Тезисы:

- Человек – это абсолютная ценность.
- Человек — не некая «устойчивая субстанция», а «беспрерывная неустойчивость», «отрыв всем телом от себя».
- «Человек есть не что иное, как проект самого себя».
- «Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбрать».
- «Человеком он становится лишь впоследствии того, каким он делает себя сам».

Теория человеческих действий:

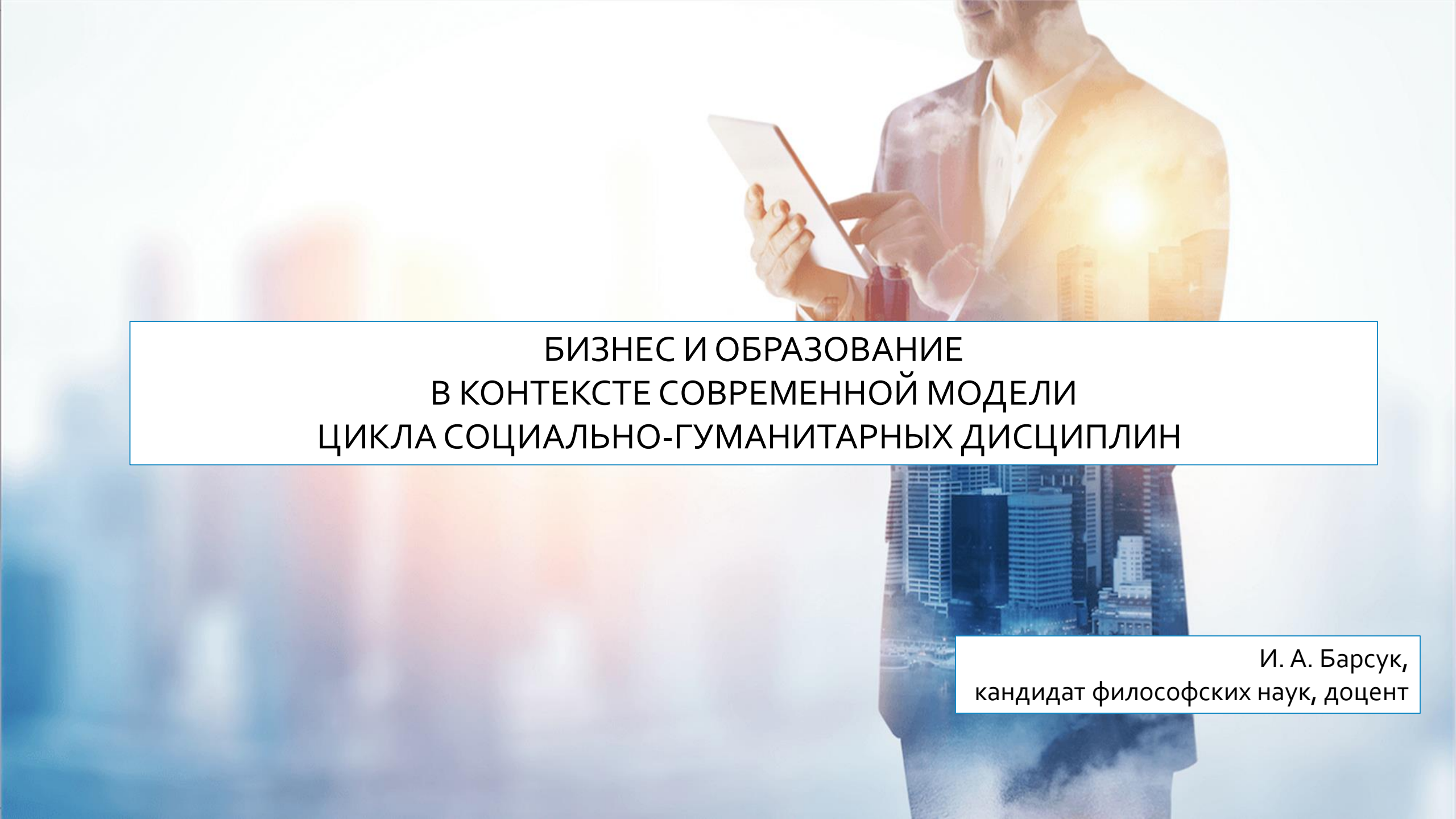
- незавершенность
- направленность
- ситуативность
- осознанность

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ

- Ч. Кули (1864–1929) и Дж. Мид (1863–1931) – личность формируется на основе взаимодействий людей с окружающим миром.
- Другие люди – это своеобразные зеркала, в которые смотрится индивид и формирует собственное Я как некую сумму зеркальных Я, отражающих личностный мир других.
- Зеркальное Я – формируется самооценка, чувство гордости, уважения или унижения за собственное Я, умение оценивать себя глазами окружающих людей.

Стадии формирования личности:

- 1) имитация (дети копируют поведение взрослых);
- 2) ролевые игры;
- 3) коллективные игры (чувство социальной идентичности).

The background of the slide features a man in a light-colored suit holding a tablet. Overlaid on his torso is a vibrant image of a city skyline at sunrise or sunset, with a bright sun and clouds. The lower half of the image transitions into a blue-toned cityscape.

БИЗНЕС И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ЦИКЛА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

И. А. Барсук,
кандидат философских наук, доцент

Всемирный банк

В 1994 г. Всемирный банк опубликовал аналитический обзор своей деятельности **«Высшее образование: уроки опыта»**, в котором были сформулированы важные **принципы деятельности** банка в области высшего образования, включая инвестиционные проекты, научные и отраслевые исследования, подготовку кадров и техническое содействие.

Республика Беларусь стала членом Всемирного банка в 1992 г.

Совет исполнительных директоров Всемирного банка 17 сентября 2015 г. утвердил заем для Беларуси в размере 50 млн. долл. США для модернизации системы образования республики.

Глава представительства
Всемирного банка в Беларуси
Ян Чул Ким

Рамочная стратегия партнерства для Республики Беларусь на 2018–2022 годы

- создание возможностей для роста частного сектора и повышение эффективности государственных инвестиций;
- поддержание высокого уровня человеческого капитала;
- усиление вклада инфраструктуры в управление изменением климата, экономический рост и развитие человеческого потенциала.

Рынок – государство – высшее образование

Высшее образование:

1) играет значительную роль в формировании гражданского общества;

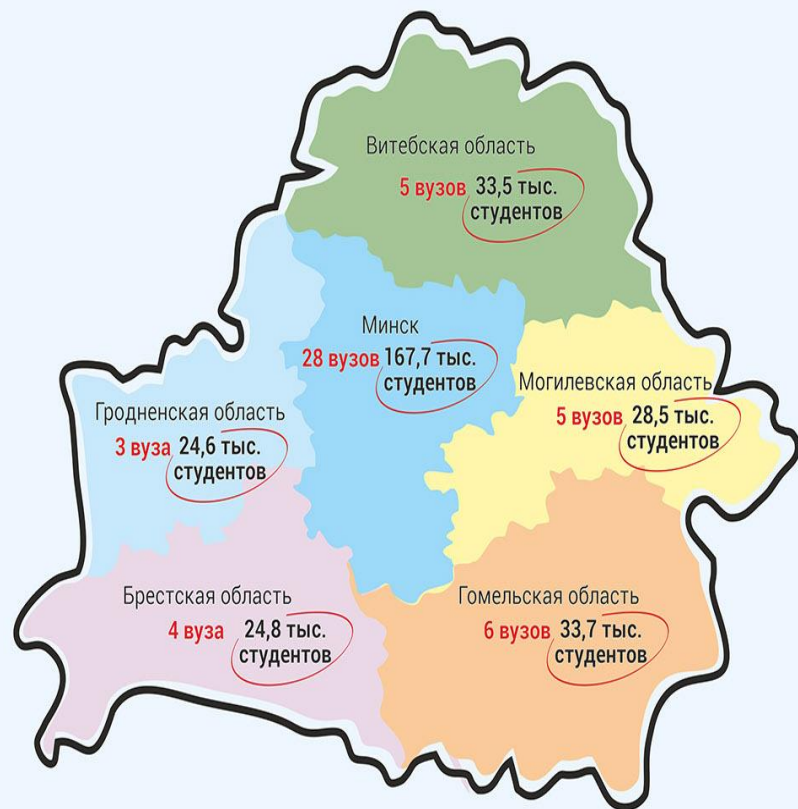
2) приводит к экономическим, бюджетным результатам, влияет на рынок труда;

3) способствует взаимодействию человеческого капитала с ведущими технологическими компаниями;

4) вносит вклад в расширение налогооблагаемой базы;

5) снижает государственную финансовую поддержку при получении медицинских услуг и услуг по социальному обеспечению.

В Беларуси 51 ВУЗ: 42 государственных и 9 частных.
В том числе 34 университета, 9 академий, 8 институтов.

- студенты из Туркмении
- студенты из России
- студенты из Ирана
- студенты из Китая
- студенты из Нигерии
- другие национальности

В Российской Федерации Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» в 2013 г. был проведен анализ академической профессии, организационной и управленческой деятельности университетов в странах БРИКС и США.

Результат: высшее образование и профессиональная академическая подготовка имеют больший вес в тех странах, экономика которых основана на эффективности и инновациях.

Китай

Бразилия

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:

- становление массового образования;
- формирование глобальной экономики знаний;
- сегментация академического сообщества.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ

- заработная плата
- компенсационные пакеты
- условия контракта

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

трансформация
университета

встраивание в рыночные
отношения

Экспериментальный проект
«Совершенствование деятельности
учреждений высшего образования на
основе модели **«Университет 3.0»**
реализуется на базе **восьми**
учреждений высшего образования

Срок реализации: 2018–2023 гг.

- Белорусский государственный университет;
- Белорусский национальный технический университет;
- Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники;
- Белорусский государственный технологический университет;
- Белорусский государственный экономический университет;
- Гродненский государственный университет имени Янки Купалы;
- Белорусско-Российский университет;
- Полоцкий государственный университет

II СЪЕЗД УЧЕНЫХ БЕЛАРУСИ. МИНСК, 12–13 ДЕКАБРЯ 2017 г.

Внедрение в практику модели «Университет 3.0»:

- становление нового поколения университета;
- привлечение молодежи к университетской науке;
- рост конкурентоспособности высшего образования Республики Беларусь в мировом образовательном пространстве.

Университет
третьего
поколения

Йохан Виссема

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ГОСУДАРСТВО – БИЗНЕС – УНИВЕРСИТЕТ»:

Первый вариант – модель административно-командного общества, где главенствующую институциональную роль выполняет государство. Традиционно в такой модели университетам отводится второстепенное место, они выполняют свою образовательную функцию, обучая индивидов для работы в других институциональных сферах.

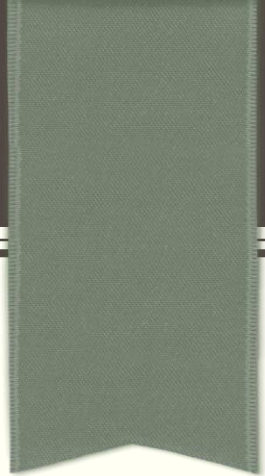
Второй вариант – модель организации рыночного общества, в которой университеты, бизнес и государство обособлены друг от друга. Университеты в этой модели предоставляют образовательные услуги и занимаются научными исследованиями, они не имеют никакого отношения к бизнесу.

Третий вариант – гибридная (сбалансированная) модель, где важен консенсус между государством, бизнесом и университетами, и они начинают взаимодействовать, частично перекрывая друг друга.

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

- неразвитость венчурного, государственного, частного финансирования для инновационной деятельности университетов;
- слабая система защиты и охраны интеллектуальной собственности;
- несовершенная система стимулов для руководства;
- негативное отношение к предпринимательству в университетах.

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Ю. В. Дедолко,
магистр философии, старший преподаватель

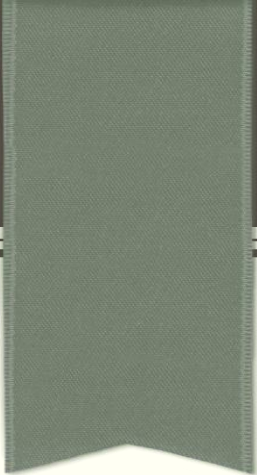

Словарь терминов

- НАУКА – особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Включает в себя триаду «система знаний – особый вид познания – социальный институт»
- НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ – совокупность правил, норм, образцов познавательной деятельности, обеспечивающих научную истинность результата познания. Высшая форма теоретического мышления в системе научного знания и методологическая основа для практической деятельности.
- НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА – целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития.
- МЕТОДОЛОГИЯ – тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности.

Словарь терминов

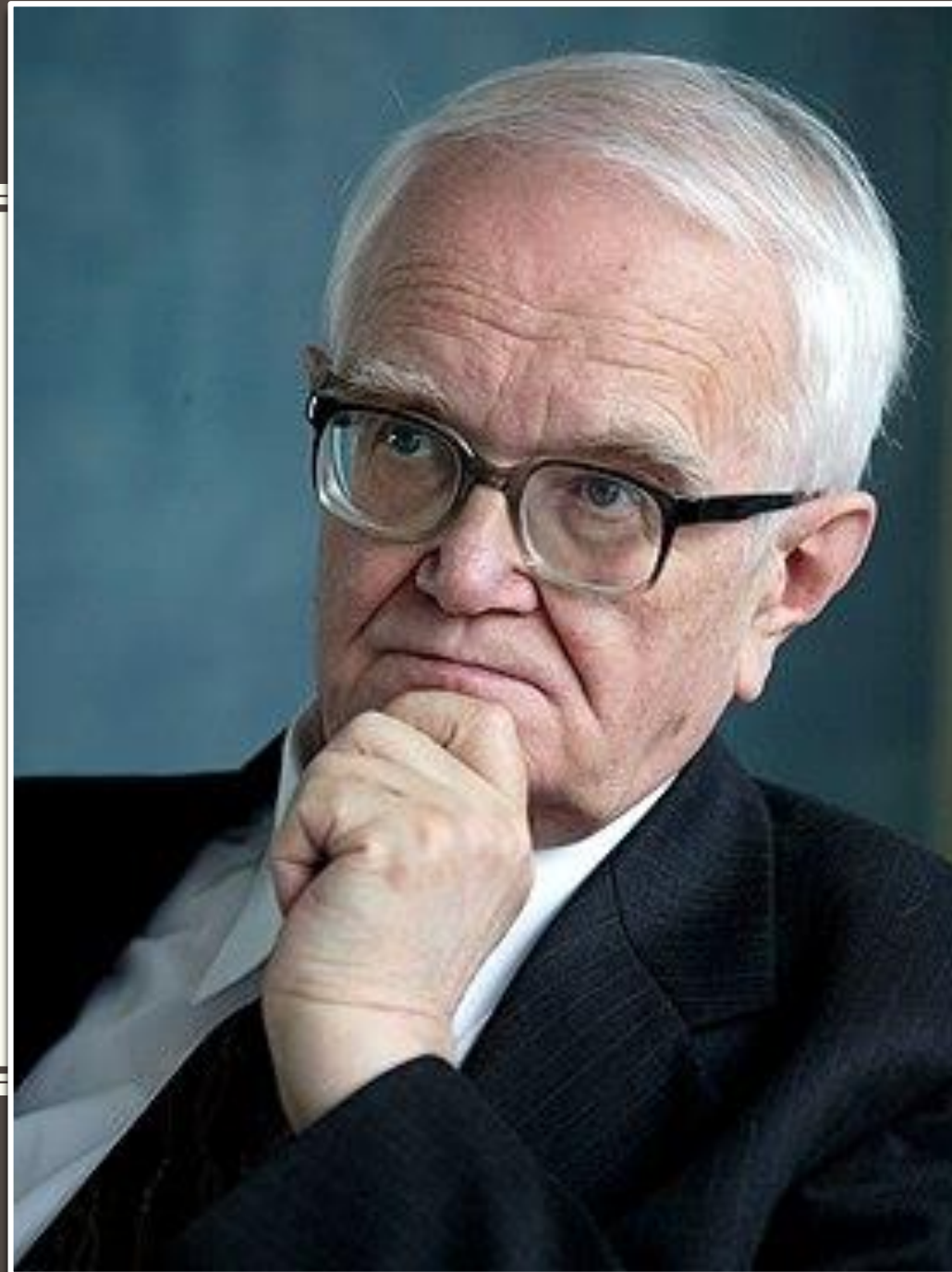
- ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ – науки, изучающие фундаментальные законы развития природы и Вселенной в целом. Естественные науки изучают явления, процессы и объекты материального мира (физика, химия, геология, биология и пр.).
- СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ – это науки, изучающие законы развития общества и человека как социального, духовного существа. В социально-гуманитарном познании исключительное внимание уделяется единичному, индивидуальному, уникальному, но на основе конкретно-всеобщего, закономерного. Это всегда ценностно-смысловое освоение и воспроизведение человеческого бытия (история, право, экономика, социология, культурология, психология, педагогика, религиоведение и пр.).

СТЁПИН ВЯЧЕСЛАВ СЕМЁНОВИЧ

(19.08.1934–14.12.2018)

Белорусский и российский философ и методолог науки,
специалист в области теории познания, философии
и методологии науки, философии культуры, истории науки.
Доктор философских наук, профессор, академик
Российской академии наук

Критерии различения этапов развития науки

- особенности системной организации изучаемых объектов;
- специфика средств и операций научной деятельности;
- особенности ценностно-целевых ориентаций ученого.

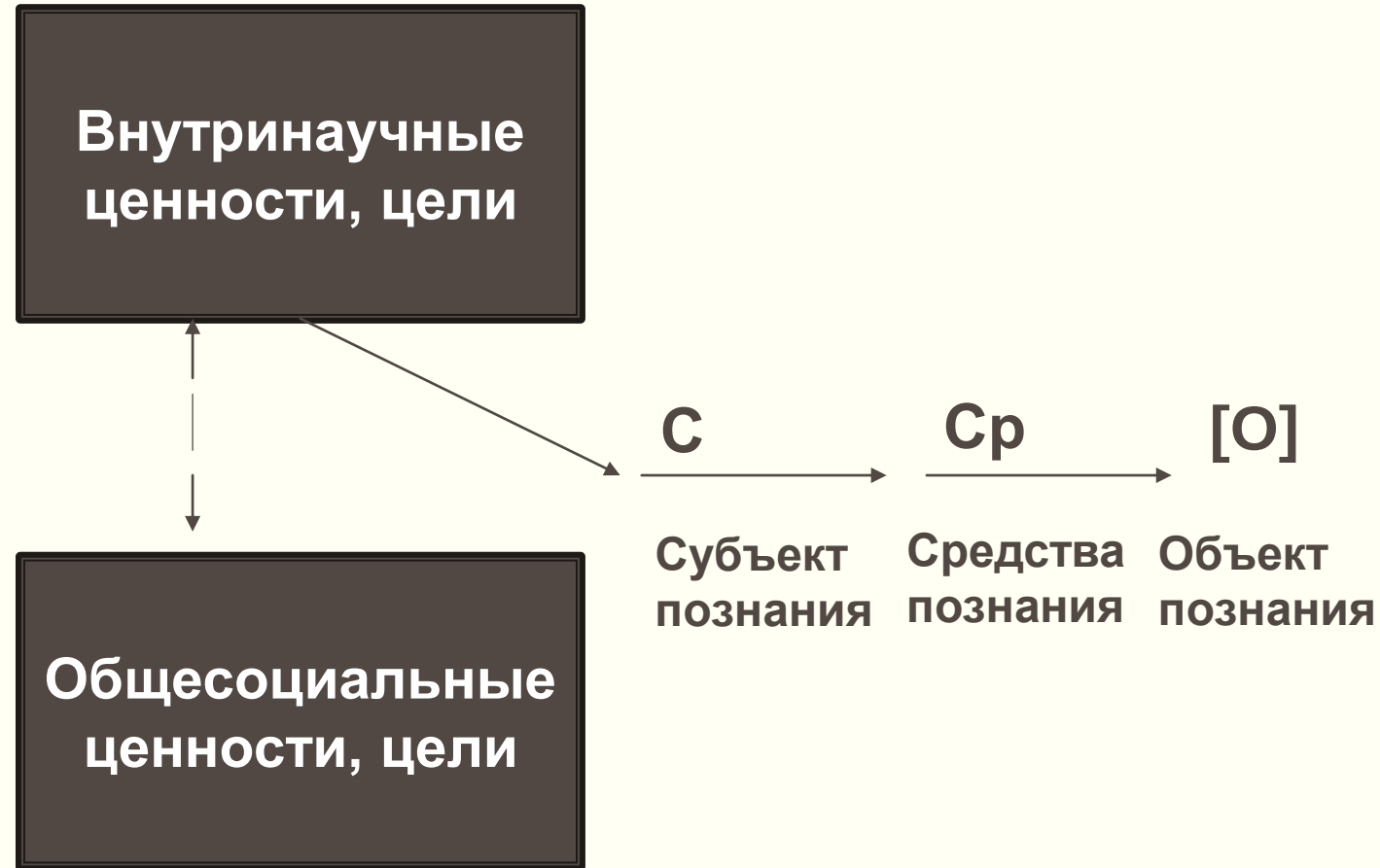

Классическая рациональность (XVII – конец XIX вв.)

Объект изучения – простые системы.

Методы, идеалы и нормы познавательной деятельности – идеал объективности знания, подтверждение теории опытом и очевидность ее фундаментальных постулатов, построение истинной картины мира.

Особенности ценностно-целевых структур субъекта исследования – субъект, дистанцированный от объектов. Результаты познания ничем не детерминированы, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов.

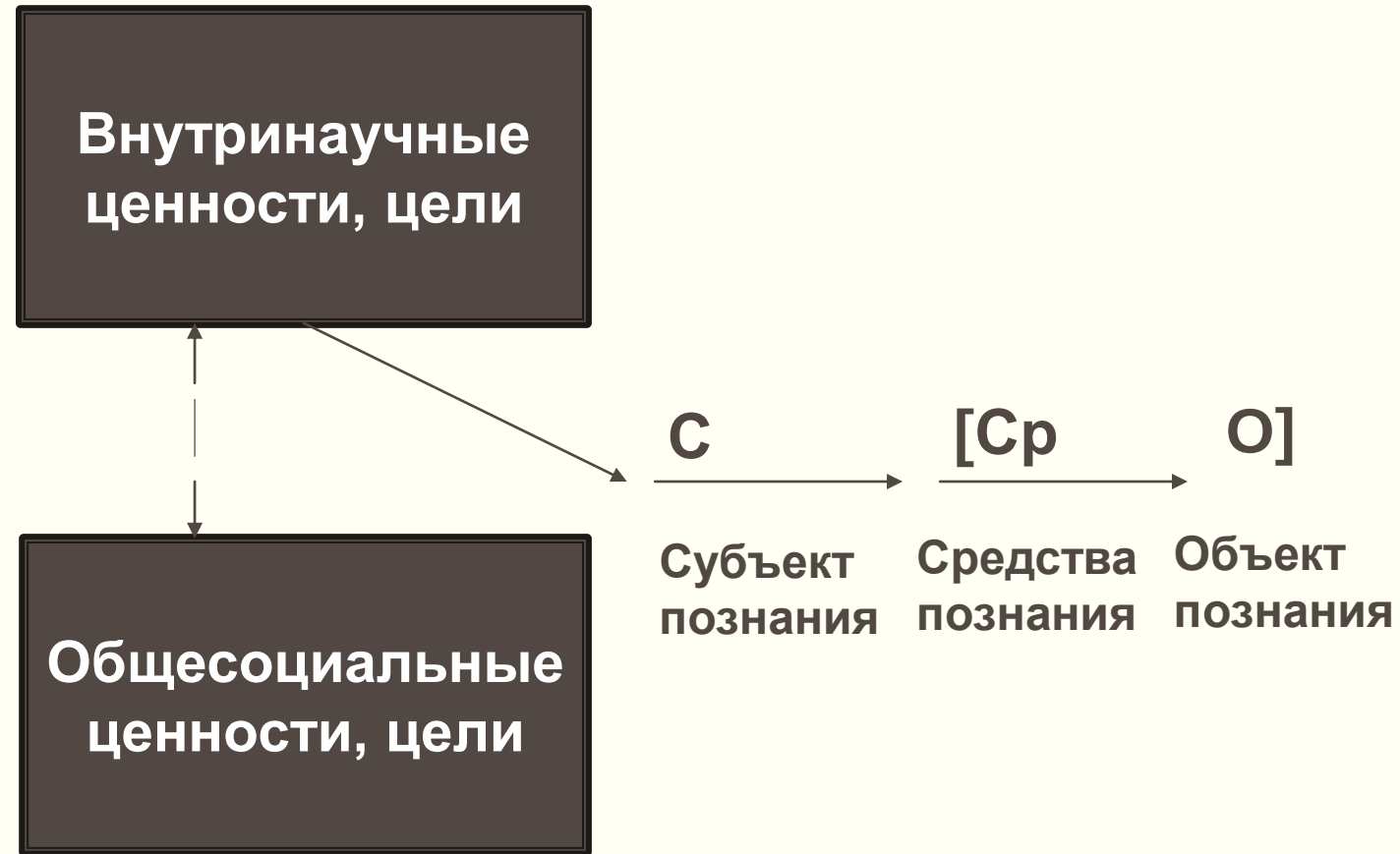

Неклассическая рациональность (конец XIX вв. – первая половина XX вв.)

Объект изучения – сложные саморегулирующиеся системы.

Методы, идеалы и нормы познавательной деятельности – принцип соответствия, выдвижение гипотез, идеал внутреннего совершенства теории.

Особенности ценностно-целевых структур субъекта исследования – между разумом и познаваемой действительностью существует промежуточное звено – человеческая деятельность. Разум, включенный в мир.

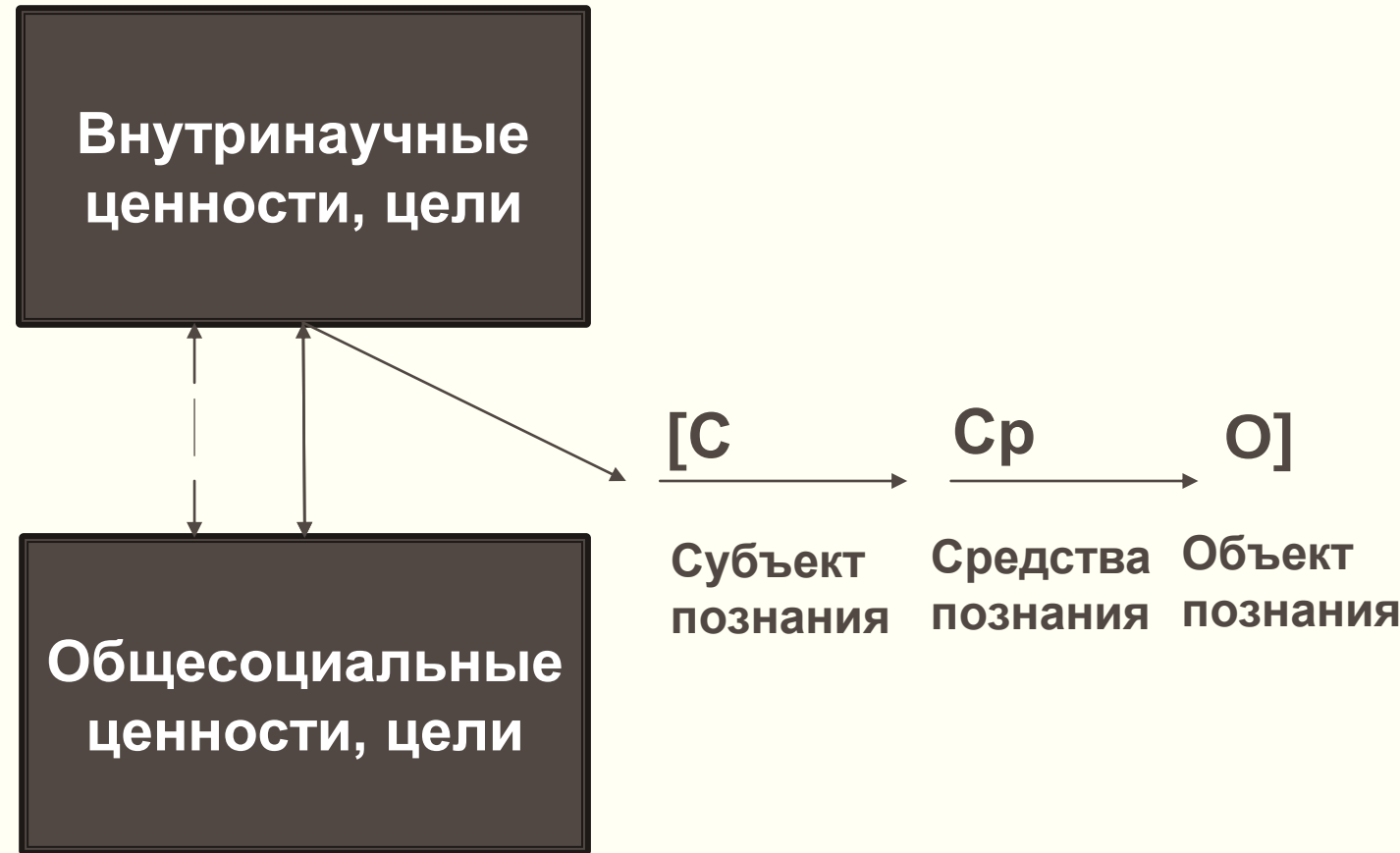

Постнеклассическая рациональность (вторая половина XX в. – настоящее время)

Объект изучения – сложные саморазвивающиеся системы.

Методы, идеалы и нормы познавательной деятельности – междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследований, комплексные исследовательские программы.

Особенности ценностно-целевых структур субъекта исследования – проблематика социокультурной и ценностной детерминации научной деятельности. Этические обязательства ученого.

Методология исследований

Диалог культур в эпоху постмодерна

А. И. Екадумов,
кандидат философских наук, доцент

Специфика учебной дисциплины «Диалог культур в эпоху постмодерна»

- Актуальность изучения данной дисциплины обусловлена нарастающей ролью глобализации в развитии локальных культурных сообществ и национальных государств, в том числе Республики Беларусь.
- В условиях нарастающей социокультурной нестабильности насущной темой, объединяющей проблемные поля социальной философии, выступает проблема межкультурного диалога. Значимость предлагаемой учебной дисциплины проявляется в ее прогностической направленности: осмысление формирования национальной идентичности в условиях глобального общества, определение закономерностей межкультурного диалога с выявлением угроз эскалации и возможностей разрешения межкультурных конфликтов – все это позволяет эксплицировать стратегические ориентиры социокультурного развития в будущем.

Тема 1. Духовная ситуация постмодерна: мультикультурализм и кризис легитимации

Закат метанарраций (Ж. Ф. Лиотар). Многополярный мир и постмодернистская перспектива культурной глобализации. Проблема всеобщих принципов в диалоге культур. Критика просветительского универсализма и делегитимация модерна (М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно). Глобализация и закат европоцентризма, утрата метадискурса, мультикультуральная разобщенность. «Столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон) и «Поминки по Просвещению» (Дж. Грей). Плюрализм дискурсов и проблема гарантий культурного разнообразия. Культурный плюрализм и фундаментализм. Примордиальные идеологии и их эссенциалистское оправдание. Антиуниверсализм как версия европоцентризма. Национальные государства и культурная глобализация (У. Бек, Ю. Хабермас). Постмодернизм перед лицом глобальных проблем: возвращение модернистской перспективы в осмыслении общества (Т. Вермюлен, Р. Аккер ван ден). Модерн: одновременности неодновременного (Г. Люббе).

Тема 2. Постиндустриальная эпоха: универсальные основания культуры глобализирующегося мира и перспективы традиционалистских идеологий

Предпосылки универсализма в культуре глобализирующегося мира. Технологическое измерение глобализации. Технологии и селекция социокультурных стратегий (Дж. Грант). Цивилизация и информация (Д. С. Робертсон, П. Друкер). Интеллектуально-коммуникативная среда и мир повседневности (М. Мал-Люэн, О. Тоффлер). Наука и массовое образование как факторы разворачивания современного универсализма (К.-О. Апель). Социотехносфера: символический порядок и опредмеченная идеология. Цивилизационный подход к анализу постбиполярного мира: локальная и стадийная модели цивилизационного процесса. (С. Хантингтон, О. Тоффлер). Внутренние противоречия постмодернистского культурного плюрализма (Р. Жирар). Традиционализм и «изобретение традиции» (Э. Гидденс). Модерн и архаика: два способа организации насилия и общественной консолидации (С. Хантингтон, О. Тоффлер, Д. Норт, Р. Жирар, Н. Луман). Национально-государственная перспектива в ситуации «внутренней мировой политики» (Б. Андерсон, У. Бек). «Столкновение цивилизаций», «национальные интересы» и универсальные ценности. Гражданство и идентичность в глобальном мире (Дж. Агамбен, У. Бек). Инклюзивность и эксклюзивность социальных порядков. Этика предписаний и этика запретов в условиях социокультурной модернизации (В. А. Лефевр). Дрейф лояльности, девальвация суверенитета, «революция меньшинств». Информационные технологии, научная рациональность и локальные идентичности. Институциональные и технологические предпосылки консенсуса в ситуации глобальной мультикультуральности. «Общечеловеческие ценности» как продукт постиндустриального развития.

Тема 3. Теоретическая реабилитация модерна. Диалогический универсализм и преодоление кризиса Просвещения

Коммуникативный поворот в философии: диалог как альтернатива метанарративу. Постмодерный партикуляризм и универсализм практического разума. Коммуникативная рациональность и проективный универсализм без онтологических гарантий (Ю. Хабермас). Трансцендентальные языковые игры и априори коммуникативного сообщества (К.-О. Апель). Текст как присутствие Другого. Коммуникативная парадигма: теоретическая реабилитация универсализма и проблема согласия в кросс-культурном диалоге. Моральный консенсус и коммуникативная рациональность (Ю. Хабермас). Культурные и социально-психологические факторы, препятствующие коммуникативному поведению (Л. Фестингер). Партикуляризм как алиби стратегического поведения. Модерн и партикуляризм. Конструирование фатального культурного различия как способ легитимного исключения из диалога. Парадокс политкорректной сегрегации (С. Жижек). Идеология традиционализма в посттрадиционном обществе: приостановленное Просвещение. Цинический разум как «несчастное просвещенное сознание» (П. Слотердаик) и дискурс легитимации. Власть и легитимное символическое насилие (П. Бурдьё, Н. Луман). Коммуникация, автокоммуникация и взаимопонимание в культурном диалоге. Кросс-культурная коммуникация как процесс формирования общего семиотического пространства. Общество как коммуникативный процесс и концепция семиосферы (Ю. М. Лотман, Н. Луман). Общество, среда и универсальные принципы социальной организации в концепции Н. Лумана. Реабилитация универсалистской трактовки человеческой рациональности в антропологии и философии сознания (К. Леви-Стросс, Дж. Серль). Универсальные основания культуры, культурные различия и циничная наивность.

Тема 4. Диалогические основания легитимации в посттрадиционном обществе. Социокультурная модернизация и технологии коммуникации

Традиционная культура и легитимное господство. Модернизация как рационализация жизненного мира и социального порядка (М. Вебер). Разрушение традиционного мировоззрения и кризис легитимности в учении о естественном состоянии (Т. Гоббс, Дж. Локк). Научно-техническая революция как фактор мировоззренческого кризиса. «Государство» Платона и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона: Просвещение как продуцирование незавершенности мировоззрения. Разрушение онтологического алиби господства. Политическое состояние как легитимный порядок, основанный на разумном соглашении. Онтологическое оправдание господства в традиционном обществе и консенсус как основание легитимной власти в обществе модерна. Просвещение как взросление человечества: осознание ответственности и свободы, утрата онтологических гарантий (И. Кант, Ж. П. Сартр). Современное общество: паноптизм, дисциплина, индивидуализация (М. Фуко). Диалогическая легитимация в учении об общественном договоре. Договор как регулятивный принцип политической культуры модерна. Единство инструментальной и коммуникативной рациональности как условие общественного договора. Незавершенность современного мировоззрения и становление открытого общества. Традиционное, закрытое и открытое общество. Критический рационализм и обоснование власти посредством знания (К. Поппер, М. Фуко). Развитие медиа и модернизация. Всеобщая грамотность и разрушение традиционного уклада: «культура глаза» против «культуры слуха» (М. Мак-Люэн). Механизмы обучения культуре в традиционном и современном обществе (Ю. М. Лотман). Книгопечатание и возникновение общности. Публичность и политическая модернизация в развитии индустриального общества (М. Мак-Люэн, Н. Луман). Развитие коммуникативных технологий и форм социальной организации в информационном обществе. Электронные медиа и становление синтетической культуры: индивидуализация и интеграция как взаимообусловленные процессы. Открытое общество и возможности консолидации в мире высоких технологий (К. Поппер, Н. Луман. М. Кастельс, Г. Рейнгольд, У. Эко).

Тема 5. Глобальные риски как предпосылка межкультурного диалога

Глобализация как игра с нулевой и ненулевой суммой. Глокализация рисков, приватизация выгод и национализация угроз. Парадокс глобального многополярного мира. Системно-синтетическое мировоззрение и рациональные основания политики. Конкуренция и солидарность. Инструментальная эффективность морального консенсуса (Ф. Хайек, Н. Луман). Единство инструментальных и коммуникативных ориентаций в преодолении глобальных проблем. Системно-синтетическая парадигма в политике и экологии. Концепция стабильного развития. Коммуникативная парадигма в философии и ее экологическое измерение. Мир как текст и природа как Другой. Априори коммуникативного сообщества и априори биосферы. Природа как реальное (Ж. Ф. Лакан). Мировоззренческие корреляции рациональности в действии. Идеология господства первого модерна: редуцированная рациональность и экофобные социокультурные стратегии. Смена мировоззренческих перспектив в теоретическом и обыденном мышлении. Инструментальная эффективность как критерий селекции локальных идеологий в условиях глокализации. Преимущества универсализма. Экология как сфера взаимной корреляции коммуникативного и стратегического аспектов рационального поведения. Экологическая глокализация. Экологический императив как основа консенсуса в многополярном мире.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Доктор философских наук,
профессор А. И. Зеленков

A photograph of the Chicago skyline at sunset, with the Willis Tower and other skyscrapers visible against a blue and orange sky. The foreground shows a body of water and a sandy beach.

Изучение дисциплины «Феномен глобализации в ракурсе социальной философии» рассчитано на 74 ч., из них 34 ч. – аудиторных (16 ч. отводится на лекции, 14 – на практические и семинарские занятия, включая контролируемые самостоятельные работы) и 40 ч. самостоятельной работы студентов.

Структурирование спецкурса осуществляется посредством выделения в нем нескольких **базовых тем**, в рамках которых предлагается **интегральная характеристика феномена глобализации** и рассматриваются наиболее важные его аспекты.

В задачу **семинарских занятий** входят **обсуждение** нескольких **наиболее известных и проблемных работ по тематике глобализации**, а также анализ и оценка индивидуальных творческих работ студентов по данной проблематике (презентации, эссе, рефераты и др.)

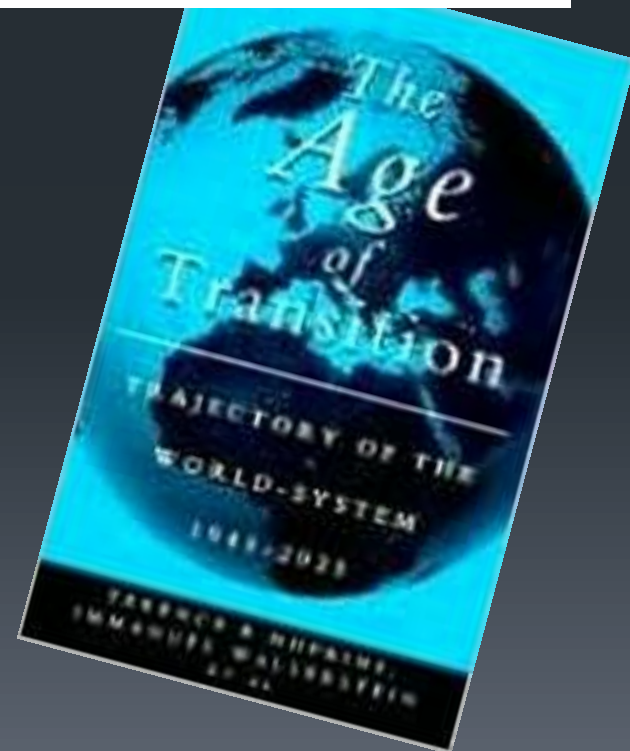
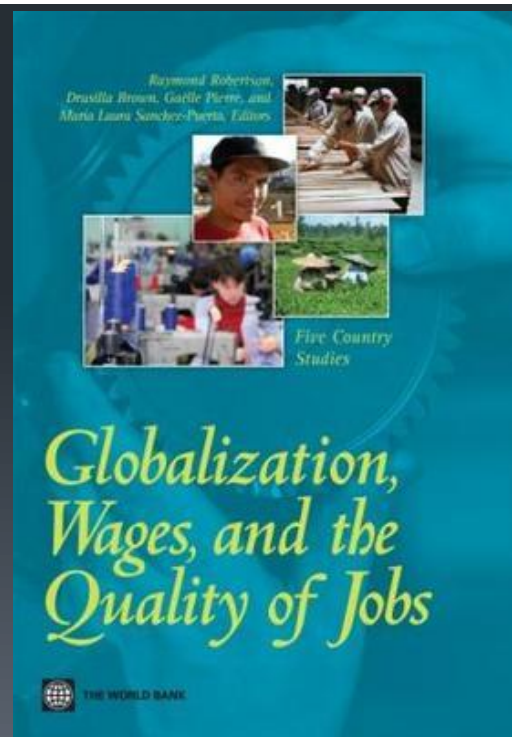
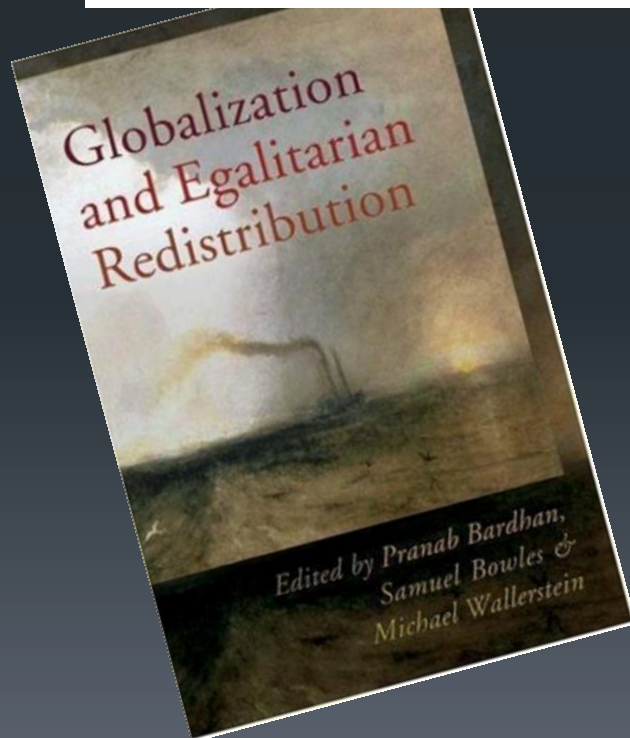
Комплексная оценка индивидуальных сочинений студентов имеет не только собственно учебное значение в рамках реализации требований рейтинговой системы, но и позволяет **отобрать лучшие работы для участия в ежегодном научно-теоретическом семинаре** студентов, аспирантов и молодых ученых **«Инновационные стратегии в современной социальной философии»**.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Тема 1. Исторические предпосылки и теоретические истоки глобализации

Глобализация как исторически длительный процесс. Ф. Бродель, Д. Дельфюс, И. Валлерстайн, Р. Робертсон, Г. Терборн об основных этапах процесса глобализации.

Тема 1. Исторические предпосылки и теоретические истоки глобализации (продолжение)

Транснационализация экономической и социальной жизни в последней четверти XX в. как фундаментальная предпосылка глобализации. Роль МВФ, ВБ, ВТО, ООН и других международных организаций в утверждении глобальной экономики и создании универсальных мегарынков. Роль ТНК в гомогенизации экономической и социальной жизни. Неолиберальная стратегия развития и принципы «Вашингтонского консенсуса». Рост спекулятивного финансового капитала и дестабилизация валютных рынков.

Тема 1. Исторические предпосылки и теоретические истоки глобализации (продолжение)

Системный образ глобализации. Грани глобализации: экономическое, политико-институциональное, геополитическое, социально-антропологическое и культурно-информационное измерения глобализации.

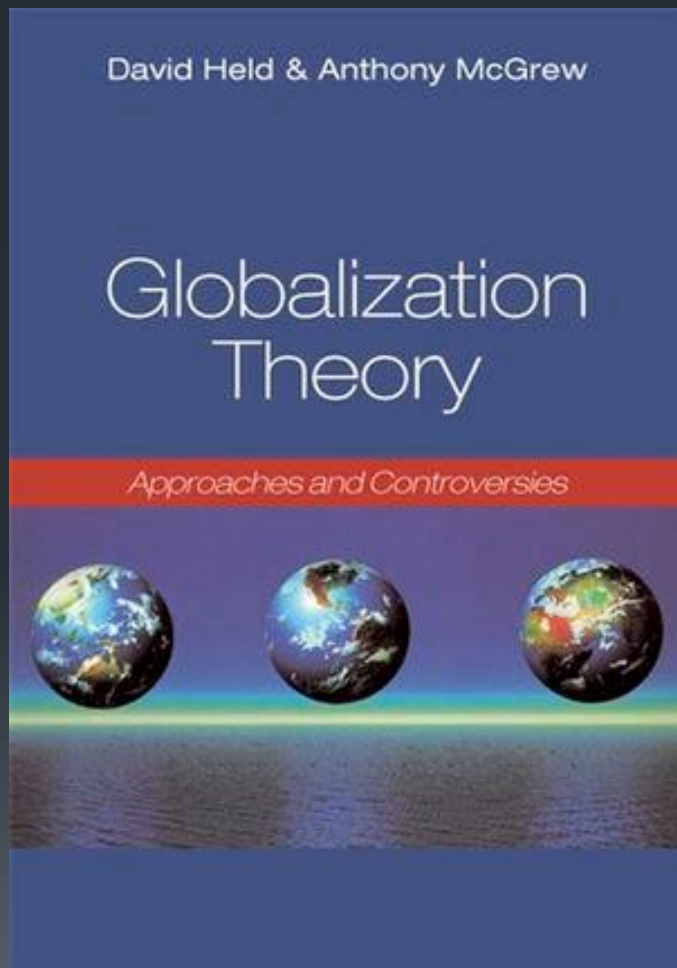

Тема 2. Основные концепции глобализации в философии и современном социально-гуманитарном знании

Основные направления исследования современной социодинамики как концептуальная основа дискурса глобализации: теория социального управления и оптимизации экономического менеджмента; теория массовых коммуникаций; глобальная экология и энвайронментализм; теории постиндустриального и информационного общества; концепции модернизации.

Тема 2. Основные концепции глобализации в философии и современном социально-гуманитарном знании

Д. Хельд выделяет три стратегии исследования глобализации:

- *методологический скептицизм* (И. Валлерстайн, П. Хирсит, Г. Томпсон и др.);
- *гиперглобализация* (К. Омае, Дж. Розенау, П. Дикен и др.);
- *эволюционный трансформизм* (М. Уотерс, П. Бергер, Р. Робертсон и др.).

Тема 2. Основные концепции глобализации в философии и современном социально-гуманитарном знании (продолжение)

В поисках адекватных дефиниций феномена глобализации. Глобализация, глобальность, глобализм. Становление глобалистики как трансдисциплинарного исследования глобальных феноменов в сфере экономики, капитала, экологии и культуры.

Тема 2. Основные концепции глобализации в философии и современном социально-гуманитарном знании (продолжение)

Конституирование идеи глобального мира в концепции социодинамики И. Валлерстайна. Основные терминологические аспекты теории глобализации в работах Дж. Маклина и Р. Робертсона. Реконструкция системного образа глобализации в исследованиях М. Уотерса, Э. Гидденса, Дж. Стиглица, У. Бека, З. Баумана, Д. Розенау, В. Иноземцева, А. Уткина, Ю. Яковца и др.

Тема 3. Экоприродные факторы глобальной социодинамики

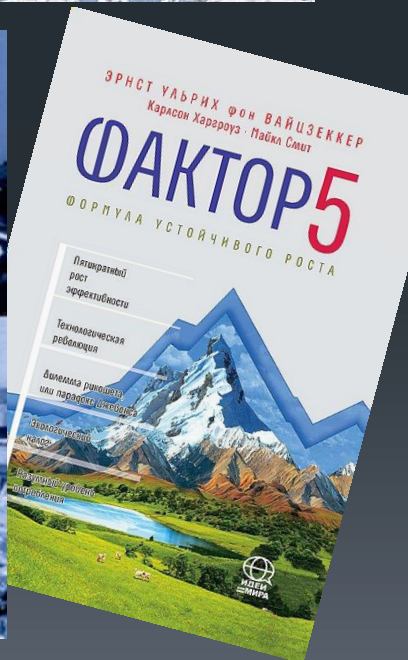
Современное состояние биосферы и основные проявления экологической проблемы. Наиболее опасные социально-экологические аномалии современного мира (по Н. Н. Моисееву). Глобальное потепление и нарушение климатического баланса планеты. Сокращение биологического разнообразия и деградация естественных экосистем. Создание и интенсивное развитие техносферы, функционирующей в рамках нарушения фундаментальных законов биосферы. Стихийная урбанизация и загрязнение природной среды обитания. Нарушение глобального гомеостаза биосферы и реальная перспектива перестройки ее структурных и функциональных связей.

Тема 3. Экоприродные факторы глобальной социодинамики (продолжение)

История возникновения и развития «Римского клуба». Проблематика глобальных экологических аномалий в докладах «Римского клуба». Феномен глобальной экологической нестабильности и приоритеты развития в XXI в. Социальная экология и устойчивое развитие. Основные принципы стратегии устойчивого развития. Роль Всемирного саммита по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. в обосновании стратегии устойчивого развития. «Повестка дня на XXI век».

Тема 3. Экоприродные факторы глобальной социодинамики (продолжение)

Идея зеленой экономики и ее обоснование в материалах Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20», состоявшейся в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г. Проблемы и перспективы становления экологической цивилизации. Развитие современной экологии как теоретическая основа реализации проекта «ноосферного будущего».

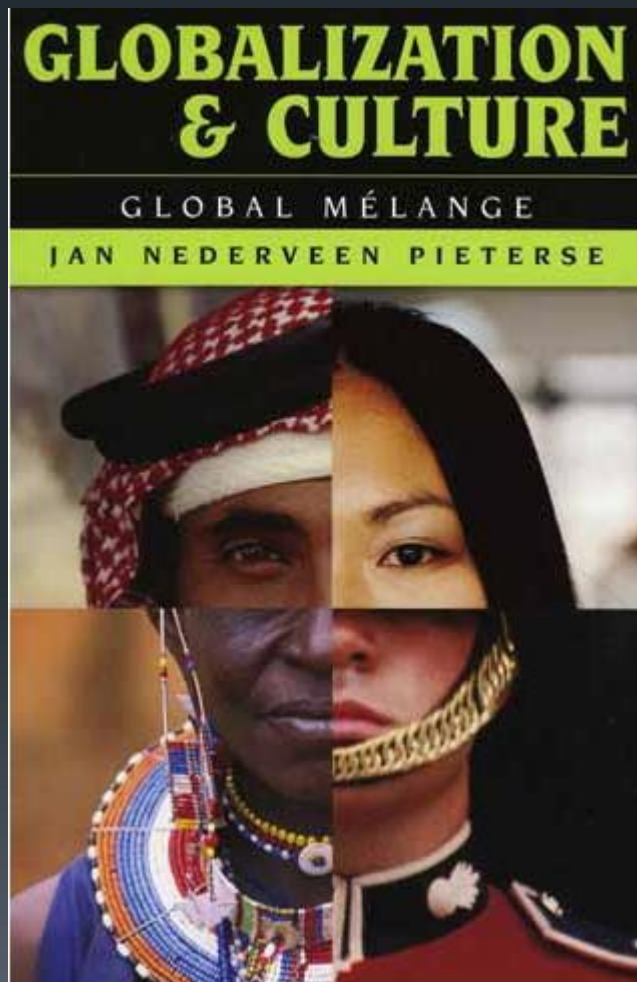

Тема 4. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи

Феномены культурной экспансии, декультурации, культурного империализма. Глобальная культура как результат процессов вестернизации (американизации) в сфере культуры. Критика вестернизации культуры и разработка национальных программ модернизации культурного пространства развивающихся обществ.

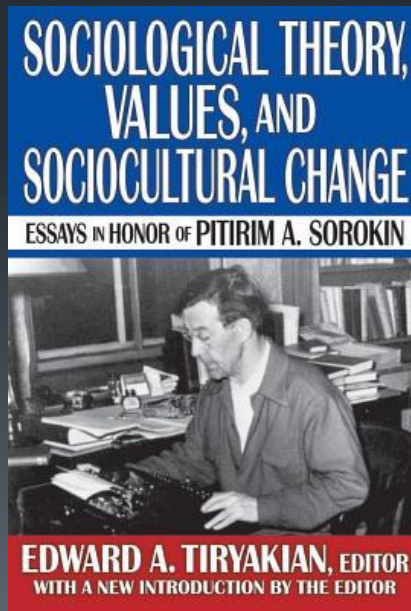
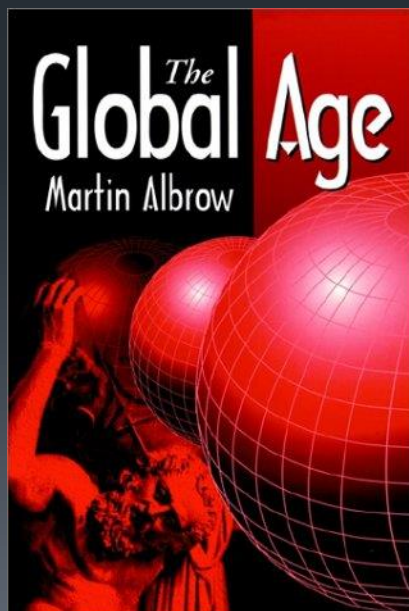

Тема 4. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи (продолжение)

Основные конфигурации соотношения традиционных культур и ценностей западной цивилизации: симбиоз, конфликтное взаимодействие, синтез. Механизмы культурной глобализации. Массовизация культуры и развитие систем глобальной коммуникации. Полилог культурных традиций и ценности глобализма.

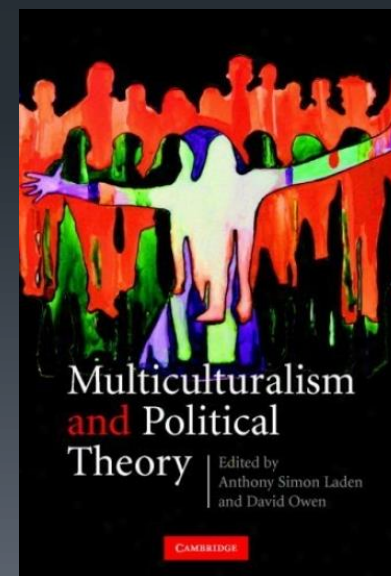
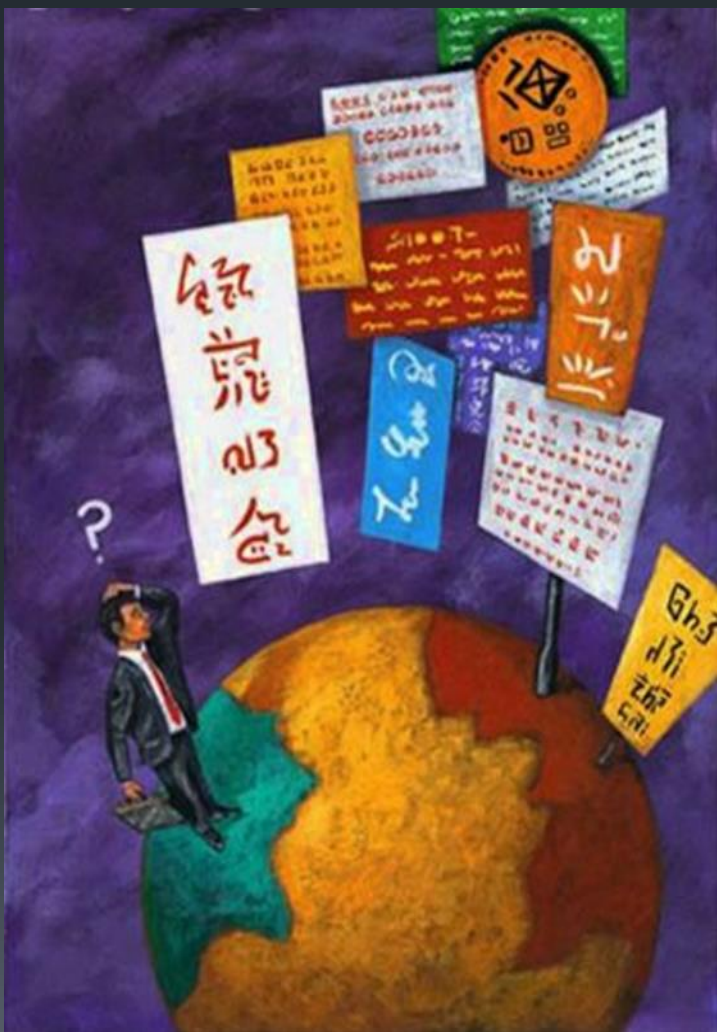
Тема 4. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи (продолжение)

Обоснование сущностных характеристик процесса глобализации в сфере культуры в работах М. Элброу, Э. Тириакияна, Р. Робертсона, А. Аппадурай и др. Взаимосвязь макро- и микро-уровней в происходящих культурных изменениях. Гибридизация культурных программ поведения и деятельности. Утверждение принципов социокультурного плюрализма, релятивизма, комплиментарности.

Тема 4. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи (продолжение)

Д. Харвей об эффекте пространственно-временной компрессии в культуре глоболизирующихся обществ. Переход от локальности и закрытости, основанной на принципе монокультурализма к глобальности и открытости, основанной на принципе мультикультурализма.

Тема 5. Теория глокализации культуры

Globalization

*Social Theory
and Global Culture*

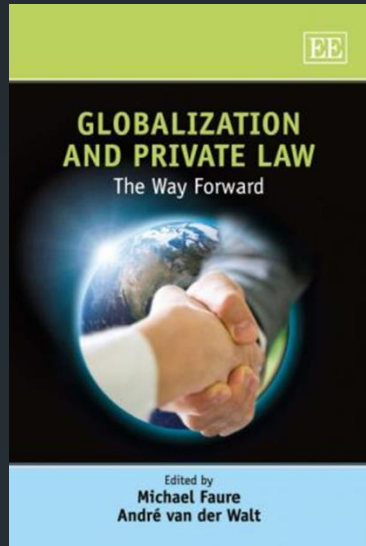

Roland Robertson

Глокализация как суперпозиция двух смыслов: глобальное плюс локальное. Терминологические и семантические аспекты понятия «глокализация»: версии Р. Робертсона, К. Хэмптона, Б. Уэлмана, З. Баумана. Глокализация как мера взаимопроникновения локального и глобального в процессах социокультурной динамики. Концепция глокализации культуры и ее обоснование в работах Р. Робертсона и У. Бека. Развитие идеи глокализации культуры в концепции культурных ландшафтов А. Аппадурай.

Тема 5. Теория глокализации культуры (продолжение)

Политика протекционизма и усиление роли государства в экономической сфере. Специфика политики ТНК в локальных контекстах. Феномен национализма в современных политических технологиях. Регионализация и субрегионализация.

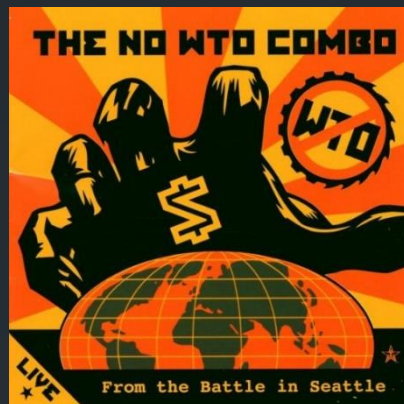
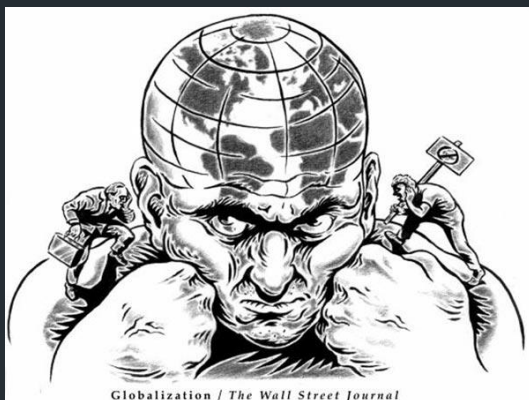

Тема 5. Теория глокализации культуры (продолжение)

Концепция мультикультурализма, ее возможности и проблемы. Диверсификация культуры как магистральная стратегия в межцивилизационных отношениях в эпоху глобализации. Проблема сохранения национально-культурной идентичности и унификация стандартов глобальной коммуникации. Глокализация и сетевые формы межкультурной коммуникации.

Тема 6. Антиглобализм как концептуальная программа и общественное движение

Возникновение и основные этапы развития антиглобализма как общественного движения, направленного против неолиберальной политики всеобщей маркетизации. Основные корпоративные структуры глобализма (МВФ, ВБ, ВТО, McDonalds, Microsoft) и их роль в формировании современного миропорядка.

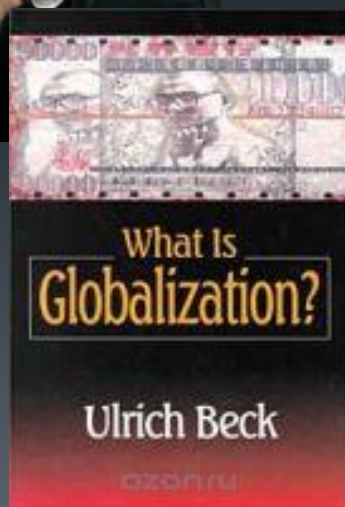

Тема 6. Антиглобализм как концептуальная программа и общественное движение (продолжение)

Основные акции протеста и массовые выступления антиглобалистов как реализация тактики прямого действия. Плюралистическая структура антиглобализма. Радикалы и умеренные как основные участники антиглобалистского движения. Феномен альтерглобализма. Современные коммуникационные технологии и принципы сетевой демократии в деятельности антиглобалистов.

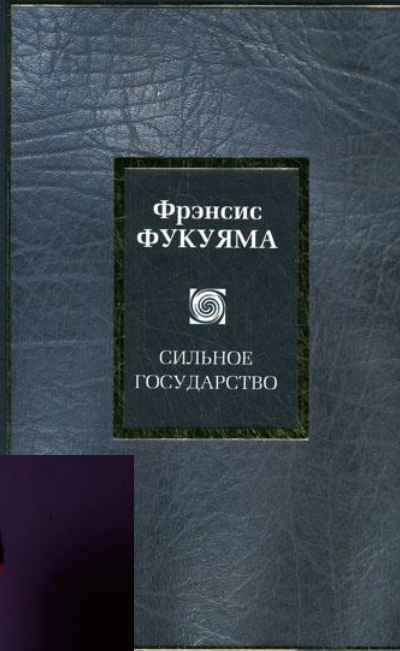
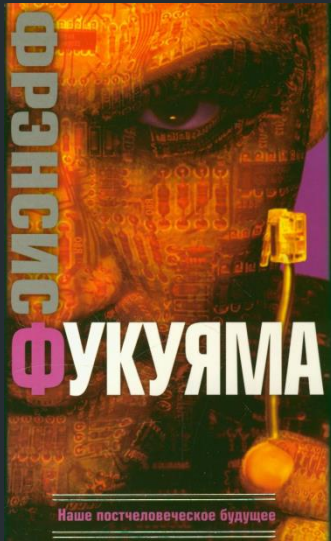
Планы семинарских занятий

Занятие 1. У. Бек «Что такое глобализация»? (2 часа)

1. Глобальный мир как множество разнопорядковых взаимосвязанных локальностей.
2. Глобализация и политические компетенции национальных государств.
3. Феномен глобализма, глобальности и глобализации в интерпретации У. Бека.
4. Природа глобализации в ракурсе плюрализма истолкований.

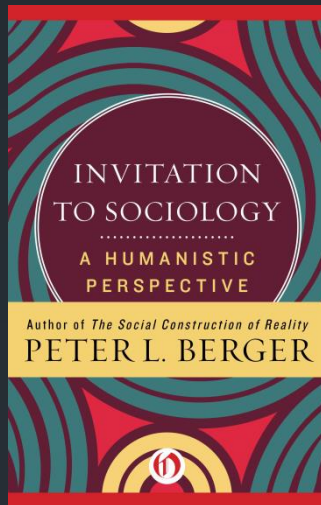
Планы семинарских занятий

Занятие 2. Ф.Фукуяма «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке».
(2 часа)

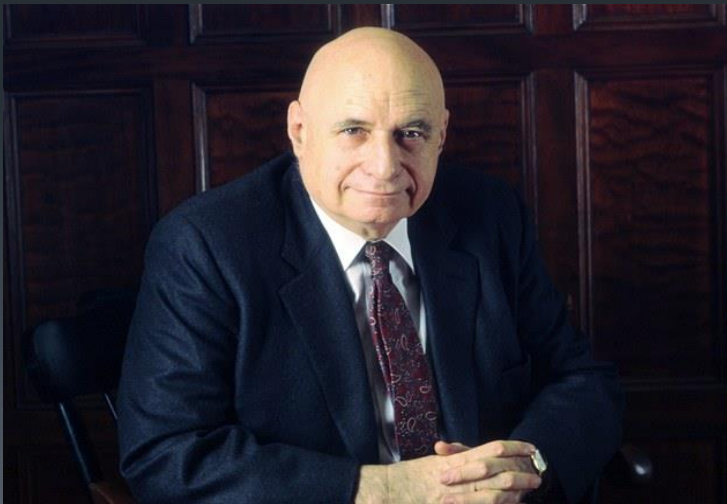
1. Проблема легитимности государства и многообразие его функций.
2. Слабые государства и международная легитимность.
3. Глобализация и перспективы усиления национальных государств.

Планы семинарских занятий

Занятие 3. Питер Л. Бергер «Культурная динамика глобализации». (2 часа)

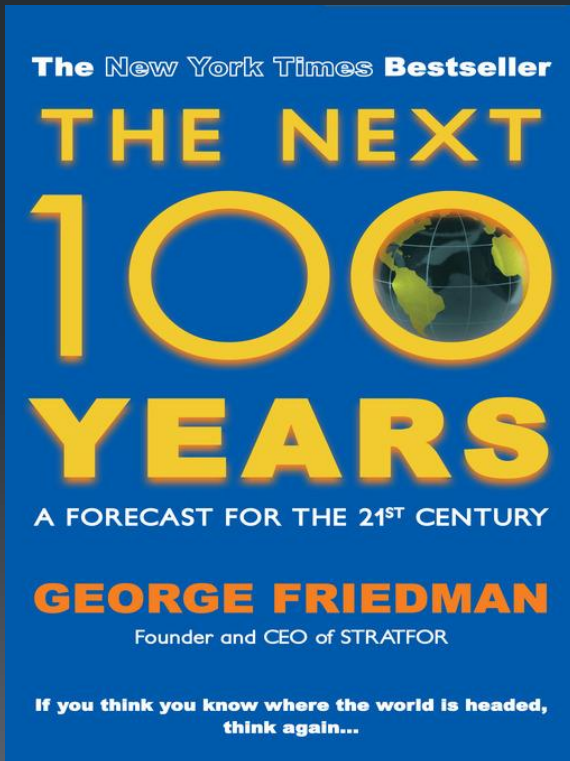
1. Основные формы и сферы возникающей глобальной культуры.
2. Глобализация, локализация, гибридизация как тенденции в социодинамике современной культуры.
3. Феномен субглобализации в сфере культуры.

Планы семинарских занятий

Занятие 4. Дж. Фридман «Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века». (2 часа)

1. «История будущего» Дж. Фридмана как декларация веры в неизбежность величия Америки.
2. Статус Германии в Европе XX столетия как фактор глобальной нестабильности.
3. Геополитические вызовы России и ее судьба в XXI столетии.
4. Китайский успех как фантом глобальной социодинамики.
5. Япония, Турция, Польша, Мексика на авансцене XXI столетия.

Планы семинарских занятий

Занятие 5. Глобализация и сумерки цивилизации: pro et contra. (2 часа)

1. Глобализация и парадоксы современной социодинамики.
2. Экологическое измерение глобализации.
3. Новые суверенные государства перед вызовами глобализации.

Планы семинарских занятий

Занятие 6. Глобализация в контексте инновационных стратегий развития современной социальной философии. (4 часа)

Освоение проблематики дисциплины «Феномен глобализации в ракурсе социальной философии» предполагает ее апробацию в форме участия студентов в работе ежегодного научного семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который ориентирован на выявление творческого потенциала студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых.

ПОСТАКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА: МЕТАМОРФОЗЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Н. К. Кисель, кандидат философских наук, доцент

ПОСТАКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Термин «постакадемическая наука» был предложен в 1990-е гг. британским физиком и социологом науки Джоном Зиманом для обозначения новых тенденций в развитии научного знания и способах его организации. Однако еще на рубеже 1970-х–80-х гг. в концепции, разработанной группой немецких философов и социологов (так называемая штарнбергская группа – Г. Беме, В. ван ден Дэле, В. Крон, В. Шефер), отмечалось, что в своей динамике наука со временем достигает стадии постпарадигматического исследования. Дальнейшее направление ее развития в большей мере определяется влиянием общественных целей и потребностей.

Авторы концепции подчеркивали, что, несмотря на востребованность фундаментальных исследований, генерирование новых теорий в первую очередь предполагает соответствие понятийных структур и результатов научной деятельности совокупности наличных общественных интересов.

ПОСТАКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

Становление и развитие постакадемической науки происходит под воздействием ряда причин, среди которых особое место занимает переход современной экономики в фазу когнитивного капитализма. В этих условиях процессы развития науки обнаруживают усиливающуюся связь с нарастающей коммерциализацией научной деятельности, в ходе которой результат исследований, будучи изначально неприсваиваемым, становится объектом экономического присвоения, монетизируется и включается в производственные циклы.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ НАУКИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Коммерциализация науки представляет собой доведение продуктов прикладной науки до признания их объектами промышленной собственности и включение последних в рыночный оборот как товаров, реализуемых на возмездной основе через куплю-продажу или лицензионные платежи, а также лицензирование деятельности по их производству. Рыночный оборот продукта научной деятельности предстает как процесс движения научной идеи по всем ступеням инновационного цикла. Таким образом, по отношению к продукту, производимому в постиндустриальной экономике, рыночный оборот – это купля-продажа научных разработок и лицензий.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Постакадемическая наука является большой наукой. Ей присущ ярко выраженный социальный и коллективный характер.
2. Главным субъектом научного познания выступают научные коллективы и организации разной мощности: от небольших лабораторий до дисциплинарных сообществ и технополисов. Все они органично встроены в мощную и разветвленную сеть национальной и международной науки.
3. Отношения между членами профессионального научного сообщества имеют не меньшее значение для эффективного осуществления современной научной деятельности, чем традиционные субъект-объектные отношения в процессе научного познания.
4. Постакадемическая наука встроена в экономику в качестве одного из ее важнейших звеньев. Результат научной деятельности становится нематериальным капиталом. Усиливается экономическая детерминация науки: экономическая поддержка и вместе с тем экономические ограничения для ее успешного развития.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

5. Активно осуществляется перенос акцента с процесса получения и обоснования научной истины на практическое применение научного знания для совершенствования техники и технологий, а также производства новых товаров и услуг.
6. Наблюдается преобладание инструментальных функций науки над неинструментальными (формирование картины мира, стимулирование рационального мышления и т. д.).
7. Проблематика исследований в постакадемической науке определяется в контексте приложений, выстраивается в ходе диалога различных сторон, которые заинтересованы в таких приложениях. Естественное развитие науки постепенно уступает место социальному управлению ею.
8. Меняется внутренняя структура науки. Отличительной особенностью постакадемической науки становятся междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, ярким примером которых выступают НБИК-технологии. Преобладает нацеленность на проблемно ориентированный поиск.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

9. Обнаруживается тенденция к дегенерализации знания – переходу от универсальных к специализированным теориям. Знание задач применения будущих теорий, их функций превращается в методологический регулятив научного исследования, самого построения научных теорий.
10. Модифицируется интеллектуальный трансфер. Баланс между новым знанием и накопленным ранее обнаруживает социально-синергетический характер и коммуникационную природу. Его регуляция демонстрирует не чисто гносеологическую подоплеку, а механизм социальных эстафет.
11. Постакадемическая наука генерирует принципиальные изменения связи между наукой и техникой. Идет процесс технологизации науки и «онаучивания» технологии. Ярким примером этого процесса является появление и развитие технонауки.
12. Наука становится конструкционной и дорогостоящей. От ученого требуется не только указать на необходимую оснастку его деятельности, но и предложить конструкцию прибора, устройства или системы устройств, которые необходимы для реализации проектируемых исследований. Создание такого рода устройств, в свою очередь, предполагает опору на инновационные инженерные решения.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

13. Существенным образом меняется связь науки и общества. Общество оказывается в состоянии сообщать науке о своих желаниях, потребностях и опасениях. Появляются новые стимулы развития науки – ожидания потребителей.

14. Идет перераспределение затрат на развитие науки. На долю фундаментальных исследований приходится около 8–10 % затрат; прикладные научные исследования обеспечивают 25–30 % ассигнований. Опытно-конструкторские, инженерные, технические и технологические разработки предполагают использование до 50 % общего финансирования науки. Научный менеджмент в разных своих проявлениях потребляет примерно 8–10 % совокупных трат на развитие науки.

15. Меняется самоопределение науки. Знаниевые практики постакадемической науки все чаще именуются исследованиями. Возникает в определенной мере оправданное разграничение между наукой как таковой (академической наукой) и исследованиями. Для науки характерна объективность и беспристрастность, а для исследований – риски, практическая нацеленность и аксиологическое измерение.

Особенности современной науки можно представить следующей формулой:
«От мировоззренческой науки – к инновационной».

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ НАУКИ В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА. ФЕНОМЕН ТЕХНОНАУКИ

- Ярким примером развития постакадемической науки является становление и развитие современной технонауки. В настоящее время инициатором создания новых технологий выступают рынок и производство. При этом товаром становится не только готовый продукт или услуга, но и сама технология. Развитие технонауки, обусловленное запросами рынка, демонстрирует процесс коммерциализации научно-исследовательских практик в современном обществе. В рамках технонауки отдельный человеческий индивид как массовый потребитель, наряду с инвестиционным капиталом, выступает в качестве мотивирующего фактора в развертке современной стадии научно-технического прогресса, во многом определяя его лицо.
- Технонаука – это феномен, возникающий вследствие взаимодействия нескольких видов деятельности: исследовательской (научной), производственной, деятельности по продвижению технологий на рынок и информационной деятельности, дающей возможность, с одной стороны, довести потребительские интересы до исследователей, с другой – сделать достоянием массового сознания технологические достижения и инновации.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НАУКОЙ И ТЕХНОНАУКОЙ

Наука в традиционном смысле	Технонаука
Окружающий мир – системная целостность естественного происхождения.	Окружающий мир – это совокупность устройств, выполняющих отдельные функции.
Научная деятельность предполагает создание модельных репрезентаций человеком изображающим.	Научная деятельность – это создание работающих технологий человеком изобретающим.
Наука имеет дело с естественными явлениями, формулируя научные факты в качестве элемента эмпирического базиса.	Демонстрирует онтологическое безразличие к происхождению факта. Изучение объекта предполагает его изготовление.
Объективность исследования предполагает устранение искажений.	Объективность полученного научного результата вытекает из возможности его осуществления в мире как таковом.
Стиль научного мышления предусматривает логические процедуры доказательства и обоснования результатов.	Доказательство обеспечивается созданием артефактов.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НАУКОЙ И ТЕХНОНАУКОЙ

Наука в традиционном смысле	Технонаука
Методология основывается на обращении к аналитическим решениям, поиску причинно-следственных связей.	Методология предполагает использование больших данных, компьютерной симуляции, вычислительного эксперимента, технологии «кейс-стади».
Доверие к результату научного исследования базируется на деятельности эксперта.	Знание формируется на основе интегрирования в процесс их получения всех заинтересованных сторон.
Существуют фиксированные границы между наукой и обществом.	Заключается новый предпринимательский договор с научным сообществом.
Линейная модель связи науки и техники. Временной разрыв между результатом в науке и его технологическим воплощением.	Нелинейная связь между наукой и технологическим базисом. Технологизация научных исследований. Прямой социальный заказ, адресованный научному сообществу.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Постакадемическая наука не замещает собой традиционную науку, нацеленную на выработку прежде всего новых, так или иначе проверенных и обоснованных знаний, а также на воспроизводство этих знаний, их носителей и науки как социального института в целом.
- Востребованность проектных инноваций, которые обеспечивает постакадемическая наука, будет расширять ареал ее функционирования в современном обществе, во многом определяя содержание научно-технического прогресса.
- Трандисциплинарное, социально распределенное производство знания, нацеленное на освоение человекообразных систем, в перспективе будет обнаруживать усиливающуюся аксиологическую нагруженность знаниевых практик в современном постиндустриальном мире.
- Философско-методологический анализ феномена постакадемической науки требует новых подходов и новых парадигм современного дискурса в рождающейся постакадемической философии науки.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

учебная программа разработана кандидатом философских
наук, доцентом А. С. Комаровской

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

1. Аналитическая философия: истоки и историческая динамика парадигмальных ориентаций.
2. Программа логицизма Г. Фреге и логического атомизма Б. Рассела о задачах и возможностях логического анализа языка науки.
3. Логико-лингвистическая программа Л. Витгенштейна и ее обоснование в «Логико-философском трактате».
4. «Философские исследования» Л. Витгенштейна и программа теоретической реконструкции обыденного языка.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

5. Методологический потенциал аналитической философии в современном социально-гуманитарном познании.
6. Политико-правовой дискурс в контексте современной аналитической философии.
7. Этическое знание и философия морали в ракурсе аналитической стратегии.
8. Теоретическая реконструкция идеи искусственного интеллекта в контексте современной аналитической философии сознания.

ОСНОВАТЕЛИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Г. Фреге, Б. Рассел,
Дж. Мур,
Л. Витгенштейн

Логический анализ языка

на примере логицизма Г. Фреге, логического атомизма Б. Рассела и Л. Витгенштейна

Пределом логического анализа являются элементарные высказывания – «атомарные предложения», которые фиксируют элементарные факты. С помощью логических связок атомарные предложения соединяются в молекулярные. Способность языка обозначать факты определяется его внутренней логической структурой. В этом смысле границы языка совпадают с границами мира, а все, что оказывается за пределами мира фактов и формируется в виде метафизических, религиозных, этических предложений, характеризуется как «мистическое/невыразимое».

Лингвистический анализ языка

Философия лингвистического анализа получила распространение в Великобритании и США в 1930–1960-е гг.

Кембриджская школа: согласно концепту «Философских исследований» слова получают значение только в процессе употребления в определенном контексте и в соответствии с принятыми в «лингвистическом сообществе» правилами. Вводится понятие языковой игры, представляющие собой взаимопереплетение различных форм человеческой активности и выступающие для человека как его «формы жизни». С точки зрения Л. Витгенштейна и его последователей из Кембриджского университета, философские заблуждения устраняются путем прояснения и детального описания слов и естественных способов употребления выражений. Оформляется «терапевтическое» понимание задач анализа.

Оксфордская школа: представители школы философии «обыденного языка»: Г. Райл, Дж. Остин, П. Стросон, Р. Хеар и другие – ввели в оборот новый категориальный аппарат для анализа языковой реальности. Созданная Дж.Остином теория «речевых актов» стала своеобразным синтезом философии и лингвистики. Теория речевых актов получила развитие в так называемой иллокутивной логике американского аналитика Дж. Серла, трактующего речевые акты как интенциональные действия говорящего. Большинство представителей теории речевых актов видели задачу анализа в устранении «категориальных ошибок», проистекающих из смешения внешних форм языковых выражений с их логической структурой.

ЛОГИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

К началу 1960-х гг. аналитическая философия все больше претендовала на роль метафилософской доктрины, способной ассимилировать идеи науки и философии, стать универсальным языком философского исследования.

Аналитическая философия права. На современном этапе развития аналитической философии права сохраняется разнообразие подходов к анализу правового дискурса и пониманию природы права. Доминирующими идейными направлениями современной аналитической философии права являются: правовой неопозитивизм (Г. Харт, Дж. Раз); конституционализм (Р. Дворкин); правовой натурализм (Дж. Ролз, Р. Нозик).

Метаэтика. Аналитическая этика реализует проект логико-лингвистического анализа языка этического дискурса в рамках трех приоритетных концепций. Сторонники интуитивизма деидеализируют основные понятия этики, что обосновывается необходимостью придать этическому знанию практический характер. Позиция эмотивизма формулирует утверждение об активно-деятельностной природе языка этики. Прескриптивизм утверждает регулирующую функцию языка этики, способного оказывать необходимое воздействие на поведение людей.

Аналитическая философия сознания. Проект «Искусственный интеллект» – масштабный трансдисциплинарный проект, начатый во второй половине XX в. Задачи проекта сводились к поиску ясных ответов на вопросы о сознании. При этом была выработана уникальная техника – мыслительный эксперимент.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

*О. В. Курбачёва,
кандидат философских наук, доцент*

Ключевые слова:

стереотип, этнический
стереотип, автостереотип,
гетеростереотип,
этническая идентичность,
этнофобия, этнический
конфликт, этнос

Ключевые имена:

У. Липпман, А. Тэшфел,
С. А. Арутюнов, Р. Брубейкер,
В. А. Тишков, В. Ю. Хотинец,
Ф. Барт, Э. Хобсбаум,
Б. Андерсон и др.

ЧТО ТАКОЕ ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП?

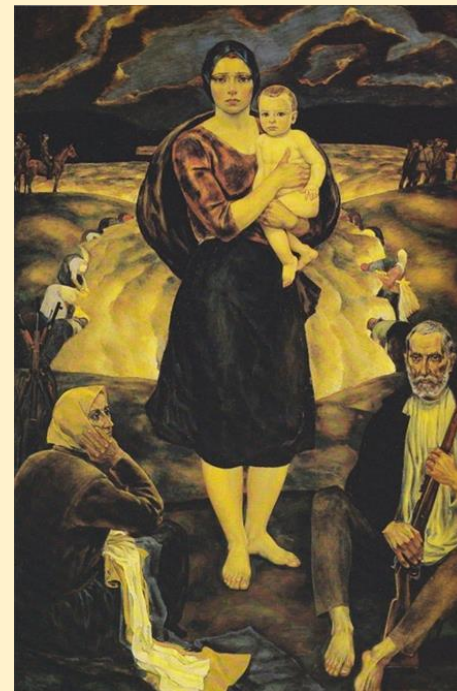
В 1922 г. американский социолог У. Липпман в работе «Общественное мнение» описал этнический стереотип как «упрощенный, схематичный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей».

Это схематичный образ, генерализирующий общий социальный портрет носителя этнического сознания

ХАРАКТЕРНО:

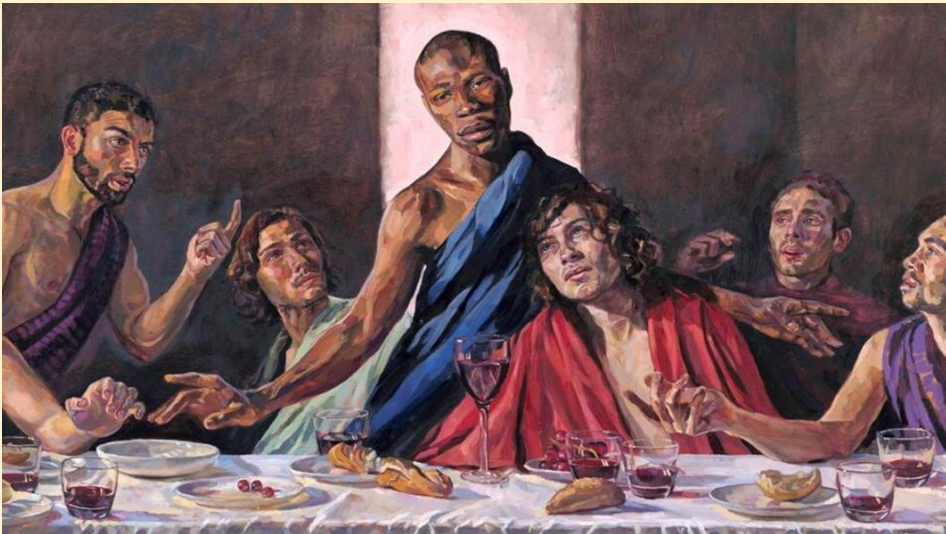
- ❖ эмоциональная окрашенность;
- ❖ упрощенность;
- ❖ устойчивость и ригидность к новой информации и изменениям;
- ❖ высокая степень согласованности среди членов социальной группы;
- ❖ разделение на своих/чужих

↓ Обнаружение и разделение общих установок, паттернов поведения и представлений делает возможным сам механизм приобщения себя к определенной социальной группе

Ярким примером схематичного и обобщенного образа белорусов является картина М. Савицкого «Партизанская мадонна», 1978 г.

Стереотипное мышление всегда эмоционально и резистентно: стереотипы закрепляются на бессознательном уровне восприятия и для их выявления, а тем более преодоления требуются целенаправленные и неоднократные когнитивные усилия. По этой причине если какая-то информация выходит за пределы нашего стереотипного представления, не согласуется с общими устойчивыми образами, то чаще всего она воспринимается достаточно критично

Вариация на тему знаменитой фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (художница: Лорна Мэй Уодсворт)

Особенности

- ❑ инструменты освоения стереотипов вариативны: общественное мнение, СМИ, искусство и непосредственный контакт;
- ❑ стереотипы могут быть как аутентичными, так и приписываемыми (искусственно конструируемы), поэтому важно определить, кто формирует стереотипный образ;
- ❑ в структуре этнического стереотипа выделяют два важных взаимодополняющих уровня: эмоционально-оценочный и когнитивный;
- ❑ существует два разных вида стереотипов: авто- и гетеростереотипы, каждый из которых выполняет свою важную функцию, а также отражает особенности этнокультурной идентичности

АВТОСТЕРЕОТИПЫ

как совокупность стереотипных представлений о собственной этнической группе

- ❑ **Этнические автостереотипы неконстантны.** Они могут трансформироваться в различные исторические эпохи, но при этом всегда отражают уровень этнического самосознания.
- ❑ **Значение автостереотипов:** защита групповых интересов, сохранение культурно-исторического опыта, формирование и принятие собственного облика.

Стереотипные
образы русской
культуры на
примере
художественной
живописи

Автостереотипы как маркер этнической самоидентификации

Избыточно позитивная
идентификация:

- ✓ этноцентризм;
- ✓ этнофанатизм;
- ✓ этнодискриминация

Негативная форма:

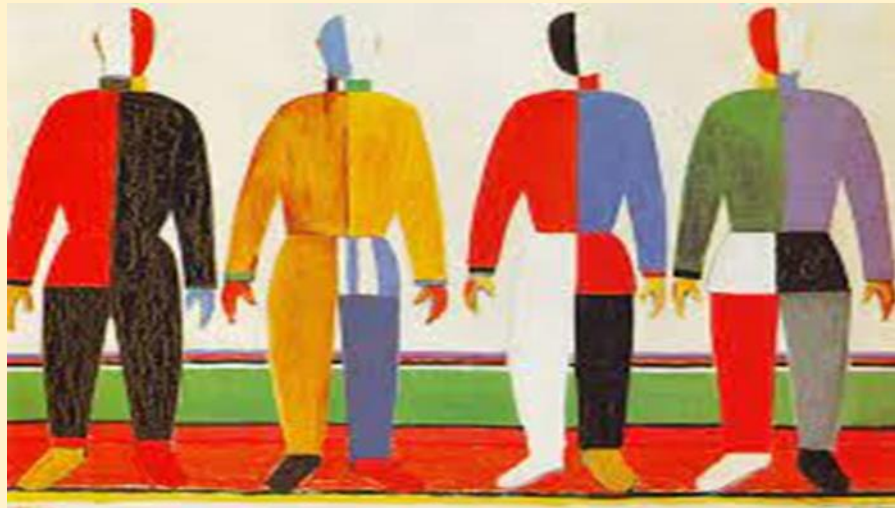
- ✓ этнонегативизм;
- ✓ этноэлиминация;
- ✓ этнонигилизм

В. Суриков.
Боярыня Морозова. 1887.

Эмоционально-оценочная составляющая в структуре этнического самосознания подвержена колоссальному давлению и может претерпевать существенные изменения как в сторону преувеличения, так и преуменьшения собственной значимости

Гетеростереотипы – образы иной этнической общности и ее представителей

Гетеростереотипы чаще всего являются результатом социального мифотворчества и говорят преимущественно о субъекте восприятия, нежели о самом объекте

К. Малевич. Спортсмены. 1932 г.

Отличия от других проявляются:

- ❖ во внешних атрибутах (внешний вид, поведенческие или бытовые паттерны),
- ❖ на глубоком духовно-мировоззренческом уровне (взгляды, ценностные ориентиры)

Оценивание и категоризация со стороны всегда имеют ряд сложностей, поэтому стоит разделять:

- аскриптивную (приписываемую) этнокультурную идентичность;
- аутентичную идентичность (как себя идентифицирует сам субъект)

Внешняя идентификация часто носит негативно-ограничительную функцию: оценочное сравнение своей и чужой группы, неосознанное навязывание негативного образа Другого; может проявиться на уровне этнофобии

Важные выводы:

❖ генерализация общих представлений об этнокультурной общности может быть как релевантной и аутентичной, так и искусственно конструируемой, ангажированной социально-политическими и идеологическими представлениями. Особенно явно это прослеживается на фоне конструирования гетеростереотипов, содержательный аспект которых во многом зависит от поставленных целей субъекта стереотипизации;

❖ содержательный пласт и эмоциональный показатель этнической стереотипизации может служить индикатором, выявляющим потенциальные и реальные угрозы в эскалации этнокультурной напряженности;

❖ этнические стереотипы выступают непосредственным проводником в исследовании особенностей национальной и этнической идентичности и ее адаптации к современным реалиям. Большинство автостереотипов носит этноцентристский характер и поэтому, исследуя автостереотипы в динамике, можно выявить и проанализировать особенности этнической фрустрации, проекций, а также закономерности историко-культурных приоритетов.

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

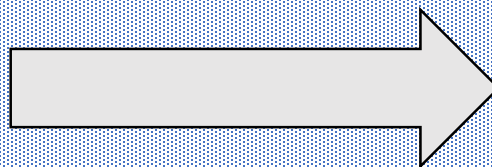
А. С. Лаптёнок, доктор философских наук, доцент

- Системные трансформации, происходящие в современной экономике, прямым и непосредственным образом влияют на социальный статус человека, изменяя восприятие своего места и роли в системе экономических отношений. Одним из самых глобальных процессов является цифровизация практически всех сфер социальной жизни

Самым значительным социальным эффектом обладает процесс создания принципиально новых, не имеющих аналогов производств, представляющих собой основу целых отраслей и направлений развития экономики. Существенный социальный эффект имеет трансформация имеющейся инфраструктуры, но еще в большей степени это касается создания иной информационной инфраструктуры, которая изменяет содержание не только производств, но **и социальный статус индивида**, что приводит к коренной ломке традиционных отношений в системах **«индивид – социум»** и **«индивид – экономика»**.

Сжатие времени и пространства
(М. Кастельс)

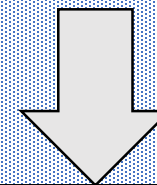

Порождает как новые возможности
для человека, так и проблемы,
свидетельствующие о снижении
экзистенциального начала жизни
и способствующие непродуктивному
упрощению социального бытия
и взаимодействия с другими

Порождение моделей реального
без оригинала и реальности?

Жан Бодрийяр

«Модус бытия» трансформируется
в «модус обладания» (Э. Фромм).
Экзистенциальные проявления
трансформируются в симулякры

Современные средства коммуникации предоставляют возможность не только уйти от будничности в виртуальный мир, который манит своими безграничными возможностями найти то, что интересует, но и, что более существенно в личностном плане, почувствовать себя демиургом, творцом новой реальности

Богатство человеческого общения замыкается в чатах, а возникший на экранах мониторов образ собеседника создает иллюзию реального взаимодействия

Появление цифрового двойника неминуемо ведет к проблеме личностной самоидентификации. В виртуальном пространстве, в зависимости от целей вхождения в него, каждый приобретает возможность конструирования своего социального статуса, в том числе и в плане компенсации недостающего в социальной реальности. Возникает то, что можно назвать «вторичным социальным статусом». В таком случае вероятно расхождение личностной структуры и ее социального статуса, вплоть до их противопоставления

Плюсы и минусы цифровизации

- новые технологии;
- независимость от места работы;
- развитие производства, бизнеса и экономики;
- открытые границы образовательных и культурных пространств;
- досуг и новый формат общения

- киберпреступность;
- тотальный контроль;
- стирание границ личного и общественного;
- зависимость от дополнительной реальности;
- проблема самоидентификации

Современные технологии кардинально изменяют место и роль человека в социальных и экономических процессах. Это проявляется в двух взаимосвязанных, но противоречивых тенденциях:

- возрастает степень моральной и личностной автономии индивида, способного самостоятельно выстраивать и реализовывать свою жизненную стратегию;
- увеличиваются возможности манипулятивного воздействия на сознание и поведение индивида, вмешательства в его частную жизнь и организации внешнего контроля над ним. Массированный поток информации, принципиально базирующийся на равноценности любых культурных паттернов и фактически исключающий понятие нормы, порождает проблему самоидентификации личности как морального субъекта.

ФИЛОСОФИЯ ГОРОДА: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ УРБАНИСТИКИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

О. В. НОВИКОВА,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии и методологии науки БГУ

1. ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ

1. Урбанистика как дисциплина. Город как предмет междисциплинарных исследований.
2. Проблема дефиниции города. Город как поселение.
3. Характеристика города.
4. Типологии городов: О.Шпенглер, Ф.Бродель, К.Линч и др.
5. Феномен урбанизации.
6. Философские вопросы урбанистики

- Урбанистика – это комплекс междисциплинарных (и трансдисциплинарных) исследований городов и городского пространства, которые развиваются на стыке истории, географии, экономики, философии, социологии, архитектурных наук, градостроительства и др.

- Город – холистическое понятие: входящие в его структуру территория, архитектурные сооружения, субъекты хозяйствования, социальные институты, жители – это неполный перечень элементов городской системы, взаимосвязи между которыми выстраивают архитектуру города и формируют особый городской хронотоп. Ключевым элементом этой системы выступает человек

2. ФЕНОМЕН ГОРОДА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

1. Проблема начала: город или деревня?
2. Проблема источника возникновения города.
3. Древние города Востока: характерные черты.
4. Античный город:
 - а) Афины: городская культура и человекомерность античного города;
 - б) Рим: город как субъект. Архитектоника империи

Кто/что создает город? Версии

- Власть (В. Л. Глазычев);
- Рынок (М. Вебер);
- Разделение труда (К. Маркс)
- Храм (Л. Мэмфорд);

Признаки городской цивилизации:

- оседлое население городов, которые предстают как центры торговли и культуры;
- развитое земледелие;
- разделение труда;
- письменность;
- социальная дифференциация;
- строительство общественных сооружений

Римский форум

3. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

1. Падение античных городов: «свернувшийся мир» раннего Средневековья.
2. Высокое Средневековье: возрождение города.
3. Феноменология европейского города XII–XV вв.: ратуша, рынок, храм.
4. Бюргерский индивидуализм и городские общины.
5. Мусульманский средневековый город

- «Город – место обитания достаточно многочисленных людей, обычно замкнутое стенами» (словарь Фюретьера, 1690).
- Средневековый горожанин уже начал превращаться в человека экономического, в то время как античный гражданин был человеком политическим (М. Вебер).
- Город становится самодостаточным автономным миром, «перехитрившим», по выражению Ф. Броделя, государство

Хронотоп города – три типа времени:

- время купца;
- время церкви;
- крестьянское время

Средневековый рынок. Миниатюра к «Этике, политике и экономике» Аристотеля (Руан I.2 927). XV в.

4. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА

1. Образ *Uomo universale* и город Ренессанса и барокко.
2. Становление капитализма: экономический индивид и рождение индустриальной цивилизации.
3. «Революция Гарвея»: город как организм.
4. Движение, власть, революция, контроль

- Эпоха Возрождения: идеи упорядочения и геометризации городских планов. Архитектор – художник, который творит город, пытаясь отразить человеческий гений в его облике.

Идеальный город. 1470 – 1490 гг.

Новое время:

- Переход от примата коллективизма в социальной жизни к установке на индивидуализм.
- Свободный рынок – основа существования и развития человека и города.
- Город должен обеспечивать социальную мобильность индивида – беспрепятственную циркуляцию горожан как субъектов рынка.
- После Французской революции развитие города все более становится задачей государственной власти и все менее – уделом горожан

5. ОНТОЛОГИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

1. Онтологические основания индустриального города: от топоса к событию.
2. Новые типы горожанина и рождение пассивного городского тела.
3. Семиотика города «эры индивидуализма».
4. Феномен фланера: от Ш. Бодлера до психогеографии Г. Дебора.
5. Масса и толпа: от эстетического к социальному

- Крупный индустриальный город XIX в. в короткие сроки меняет облик, приспособляясь к новому типу горожанина. Классовая поляризация коррелирует с разрывом между центром и периферией города. Урбанизация диктует необходимость организации массовых передвижений; возникновение метро закрепляет классовые различия, а расширение сети общественного транспорта формирует новое социальное тело. Век индивидуализма создает город, пригодный в большей степени для индивида, чем для сообществ

Новый городской субъект – фланер.
Идея: экспонирование себя и интерес к Другому – реализации этого способствует организация городского пространства. Для фланера важно отсутствие специальной цели передвижения по городу, смысл в передвижении как таковом и тем самым в слиянии с городом

6. ПРОБЛЕМА ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И УТИЛИТАРНОСТЬ ГОРОДОВ

1. Город как произведение искусства/город как продукт (модернистские проекты города, А. Лефевр, Б. Гройс).
2. Специфика организации городского пространства в XX в.: гомогенность, функционализм, скрытая сегрегация.
3. Феномен публичного пространства в истории культуры и проблема его создания в современном городе.
4. Город как псевдодеревня (Г. Дебор)

Публичное пространство – топос, предназначенный для осмысленной деятельности и коммуникации горожан

- Исторически город формировал публичное пространство как особую среду существования человека (греческая агора, «пустое место», заполнявшееся торговлей и коммуникацией). Вокруг этого «пустого места» и обустраивался город.
- Х. Арендт определяет публичное пространство как мир, не тождественный природному, представляющий собой «собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми».
- Проблема современного города, развивающегося в условиях массового общества, – в утрате импульса и возможности объединения людей

7. СОВРЕМЕННЫЙ УРБАНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ГОРОДА

1. Современный урбанизм: сущность города (Э. Амин и Н. Трифт, Л. Холлис, Р. Колхас, Д. Харви).
2. Типология городов и характерные черты современного большого города.
3. «Новый урбанизм» и установки города будущего

Характеристика большого города

- социальная атомизация и преобладание экстенсивных коммуникационных связей;
- дихотомия «центр/периферия» и проекты ее нивелирования;
- утверждение ценности времени и специфика организации городского пространства;
- проблемность создания публичных пространств;
- темпоральная дифференциация городов;
- проблема этнокультурного взаимодействия

Создание города будущего предполагает следование принципам гармонии связей между искусством градостроительства, созданием социальных сообществ и сохранением природных ландшафтов

Культурно-информационное пространство в эпоху цифровых технологий

Е. В. Радевич,
кандидат философских наук,
старший преподаватель

Основные модели социодинамики культуры

1. Циклические модели:

- а) круговая – (Др. Греция (Аристотель, Полибий), Др. Китай (Конфуций); Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев);
- б) волновая (волнообразная) – (П. Сорокин).

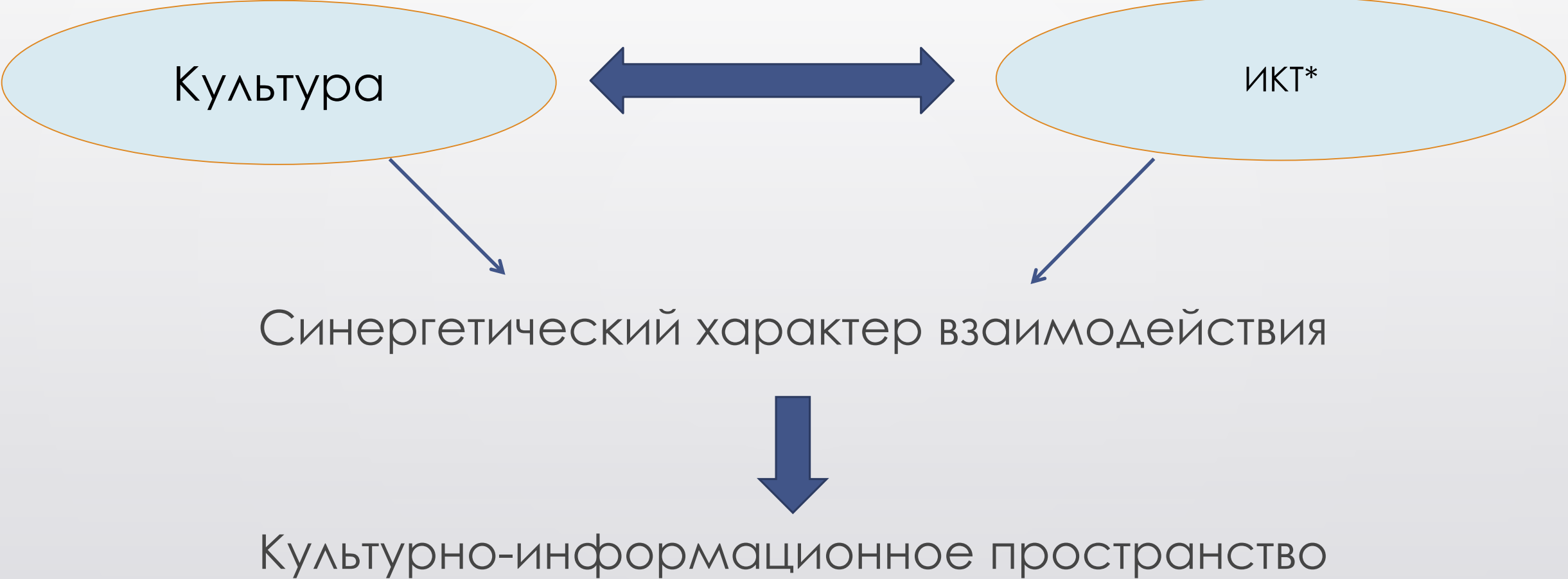
2. Эволюционные модели:

- а) однолинейная модель (Э. Тайлор, Л. Морган, Д. Фрэнкленд и др.);
- б) многолинейная модель – (П. Тейяр де Шарден).

3. Синергетическая модель – (И. Пригожин, Г. Хакен и др.)

Глобализация

Культура

ИКТ*

Синергетический характер взаимодействия

Культурно-информационное пространство

*Информационно-коммуникационные технологии

Культурно-информационное пространство

- Представляет собой особую среду, включающую в себя технико-технологические, информационно-компьютерные, программные составляющие, медиаресурсы и культуру как духовную сферу.
- Синергетический эффект взаимодействия ИКТ и культуры проявляется в нелинейной взаимозависимости современных технологий и культуры в эпоху глобализации.
- Принцип неустойчивости проявляется в современной нестабильности, рискогенности мирового социального пространства.
- Кооперативный эффект взаимодействия глобализации и ИКТ, имеющий как позитивные, так и негативные последствия, приводит к возникновению новой синтетической реальности – культурно-информационного пространства.

Векторы развития культурно-информационного пространства

- Одним из актуальных векторов становится развитие таких отраслей научно-технического прогресса, как биотехнологии, биомедицина и генная инженерия; нанотехнологии и нанонаука; когнитивная нейронаука и информационные технологии, включающие передовые компьютерные и коммуникационные технологии.
- НБИКС-технологии, трансгуманизм, постгуманизм и ингуманизм.

Трансгуманизм
(Н. Бостром,
С. В. Тихонова,
Р. Курцвейл,
М. Мор)

Постгуманизм
(Р. Брайдотти,
Ж. Бодрийяр,
И. Хассан)

Ингуманизм
(П. Вульфендейл,
Р. Брассье и др.)

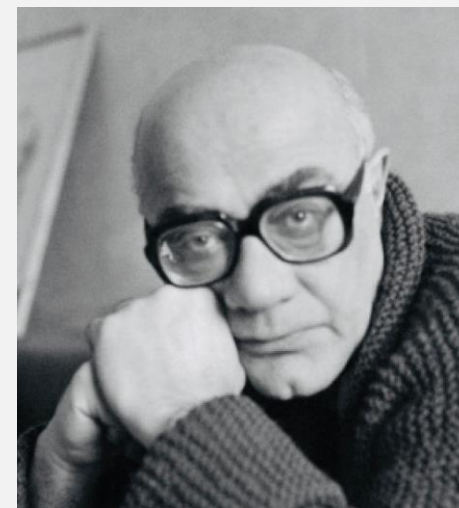
ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Е. В. Хомич,
кандидат философских наук, доцент

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Особое место проблемы сознания в истории культуры и философии объясняется по меньшей мере двумя обстоятельствами.

- Во-первых, сознание — предельное понятие философии как таковой, о чем бы она ни была. Будь то философия природы, общества, права, науки, морали и т. д. Основным орудием и предпосылкой анализа в любом случае здесь будет являться и выступать так или иначе понимаемое сознание, открывающее философу возможность его личностной реализации, находящей выражение в тексте и тем самым существующей в культуре. Не просто в виде достигнутой суммы знаний, а в виде именно реализованной мысли и способа бытия.
- И второе обстоятельство, делающее эту проблему особенно сложной, состоит в том, что одновременно сознание — это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь. То есть о нем в принципе нельзя построить теорию. Ни в виде предельного философского понятия, ни в виде реального явления, описываемого психологическими и другими средствами, сознание не поддается теоретизации, объективированию. Любая попытка в этом направлении неминуемо кончается неудачей. По мере приближения к нему сознание, как тень, ускользает от исследователя.

М. К. Мамардашвили

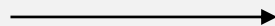
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЗНАНИЯ

1. Экстериоризация сознания, т. е. перевод внутренних процессов во внешние наблюдаемые факторы:

- мозг;
- поведение;
- практическая деятельность;
- язык.

2. Интроспекция (от лат. *introspecto* – смотрю внутрь), или самопознание.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

- принцип тождества бытия и мышления;
- редукция сознания к разуму;
- сознание – это «зеркало природы»;
- принцип тождества личности;
- идея «гносеологической робинзонады».

- обоснование инаковости природного и ментального;
- критика разума и акцентуация иррациональных оснований сознания (воли, чувственности, бессознательного);
- сознание не отражает, но конструирует действительность;
- идея расколотости Я;
- представления о социальной ангажированности сознания.

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

1. Субстанциальная

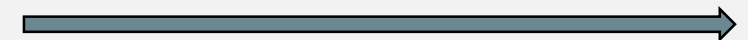
- Идеальные основания первичны по отношению к природе и человеческому разуму.
- Причина сознания – Мировой Разум, Бог, Абсолютная идея и т. п.
- Структурное основание сознания – идея, понятие.
- Сознание – это проявление абсолютного идеального начала в человеческом разуме.

2. Функциональная

- Сознание как функция материальных систем, в своих исходных характеристиках не содержащих идеального и мыслящего.
- Причина сознания – высокоорганизованная материя, мозг.
- Структурное основание сознания – ощущение, нейросеть.
- Сознание – это функция высокоорганизованной материи, субъективное отражение объективной действительности.

3. Экзистенциально-феноменологическая

- Онтология индивидуального человеческого опыта в многообразии его характеристик.
- Причина сознания – Я как синтетическое основание сознания и источник его интенциональных актов.
- Структурное основание сознания – феномен как явление (очевидность) смысла.
- Сознание – это осмысление (постижение, переживание и проектирование) действительности.

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

4. Социокультурная – сознание как продукт общества и культуры

Деятельностная (марксизм)

- Причина сознания – общественное сознание как отражение общественного бытия.
- Структурное основание сознания – мысль как интериоризированная деятельность.
- Сознание – это осознанное бытие.

Семиотическая (аналитика, структурализм)

- Причина сознания – язык, дискурс.
- Структурное основание сознания – мысль как интериоризированная речь.
- Сознание – это функция языка, дискурса; сознание как текст.

Управление на основе ценностей и философия Agile

О. Г. Шаврова,
кандидат философских наук, доцент

Инновации в управлении и управление инновациями

Инновационный менеджмент
как направление
стратегического менеджмента

Объекты инновационного
менеджмента: инновации
и инновационный процесс

Глобальный инновационный индекс 2022. Каково будущее инновационного роста? / Всемирная организация интеллектуальной собственности
https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2022/

Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index (GII)) – ежегодное исследование, осуществляемое Всемирной организацией интеллектуальной собственности совместно с Корнельским университетом и международной бизнес-школой INSEAD, в котором содержится рейтинг стран мира с точки зрения их инновационного потенциала и показателей деятельности в области инноваций.

В рамках исследования за 2022 г. приводятся показатели эффективности инновационных экосистем 132 экономик и актуальные глобальные тенденции в области инноваций. Доклад 2022 г. посвящен прогнозируемому эффекту инновационной деятельности в трех ключевых областях: производительность труда, экономический рост и благосостояние общества в ближайшие десять лет.

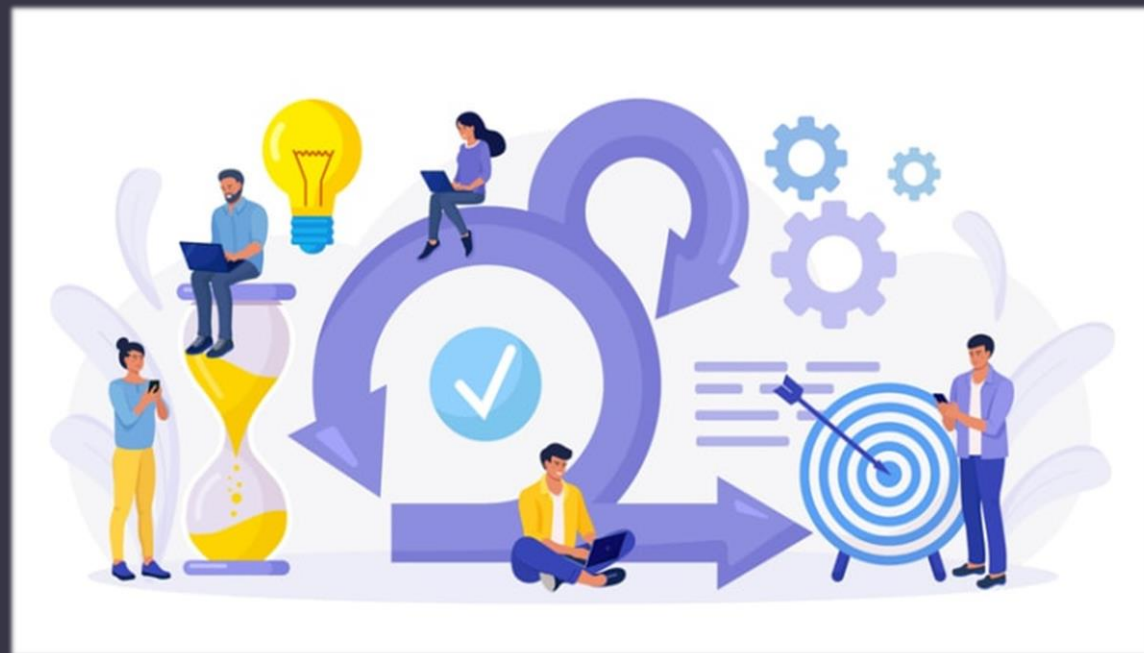
Сайт исследования: <https://www.globalinnovationindex.org/>

Предполагает реализацию менеджмента на основе системы ценностей, ориентированных на стратегическое видение перспектив развития организации и разделяемых всеми ее сотрудниками

УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА МЕНЕДЖМЕНТА

Ценностно ориентированный менеджмент: управление вовлеченностью, формирование корпоративной культуры как пространства коммуникативного взаимодействия и креативной деятельности.

Категории ценностей	Описание
Экономико-прагматичные ценности	Ценности, необходимые для поддержания и объединения различных организационных систем. Включают ценности, касающиеся эффективности, производственных стандартов и дисциплины. На этих ценностях основаны планирование, обеспечение качества и отчетность
Этико-социальные ценности	Ценности индивидов, лежащие в основе их поведения в группе: в обществе, на работе, в отношениях между людьми. Сходятся с социальными ценностями, такими как честность, уважение и лояльность. Этико-социальные ценности человека влияют на его поведение, когда он следует собственным личным экономико-прагматичным и эмоционально-развивающим ценностям
Эмоционально-развивающие ценности	Ценности, которые необходимы для создания новых возможностей для деятельности. Касаются доверия, свободы и счастья. Примеры: креатив/воображение, жизнь/самопознание, уверенность в себе/прямолинейность, адаптивность/гибкость

Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М. : Претекст, 2008. С. 30–31.

Философия и методология Agile

- Agile – философия и система ценностей;
- Agile – гибкая методология разработки и управления проектами.

Agile-манифест разработки программного обеспечения (2001):

«Мы постоянно открываем для себя более совершенные методы разработки программного обеспечения, занимаясь разработкой непосредственно и помогая в этом другим. Благодаря проделанной работе мы смогли осознать, что:

Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов.
Работающий продукт важнее исчерпывающей документации.
Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта.

Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.

То есть, не отрицая важности того, что справа, мы всё-таки больше ценим то, что слева».

<http://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html>

Эффективное
управление
проектами:
методологии
Waterfall и Agile

Ценностно ориентированное
управление и универсальные
компетенции будущего
в развитии «новой экономики»

«Новый взгляд на образование»
4К-компетенции:

- критическое мышление;
- креативность;
- командная работа;
- коммуникация.

Эволюция парадигмы ценностного управления в ракурсе концепции устойчивого развития

- Управление на основе ценностей как инструмент интеграции в глобальную социально-экологическую повестку.
- Экономические, социальные и экологические цели в стратегических планах управления.
- Феномен корпоративной социальной ответственности.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

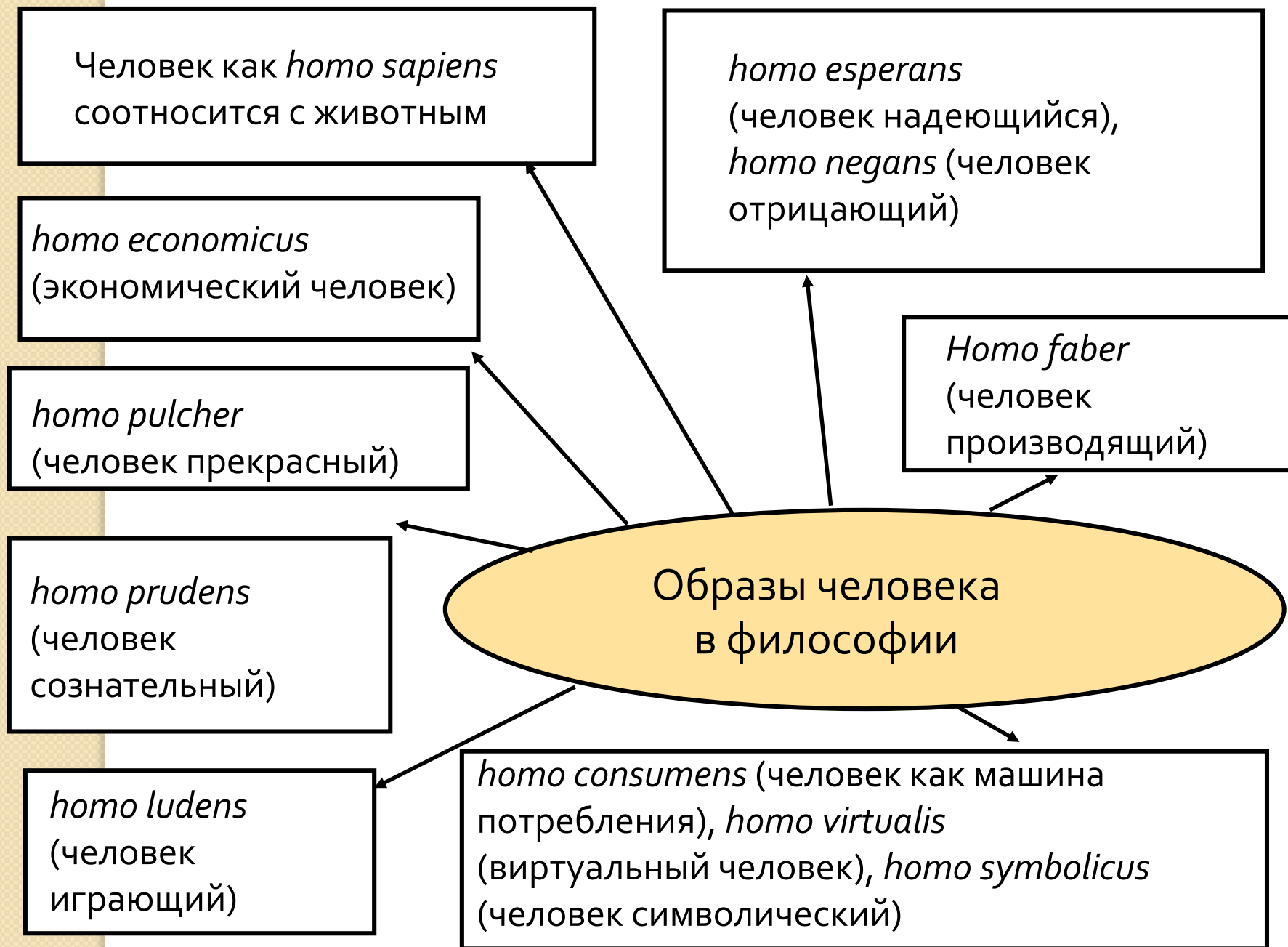
О. А. Шершнёва

Словарь терминов

- Одномерный человек – индивид, попавший под власть массовой культуры, действует в согласии с желанием системы, навязывающей ему ложные потребности.
- Алиенация – концепция в философии, которая обозначает процесс или состояние отчуждения от себя, своей работы, окружающего мира и общества в целом.
- Антропологический кризис – название для системы негативных тенденций современного общества, ведущих к патологическим и другим отрицательным явлениям в природе человека и заметно снижающих его личностный потенциал.
- Гуманитарная энтропия – ситуация упадка духовных ценностей, забвение культурных идеалов и традиций.
- Человекомерность – способность человека к разновекторной самореализации, в процессе которой высвобождаются его творческие и деструктивные потенции.
- Инструментализация – процесс обезличивания человека, сведение его к функции, объекту.

Словарь терминов

- Утилитаризм – этическая теория, согласно которой моральная ценность объекта определяется его полезностью.
- Технизация – активное внедрение техники, технических средств и приемов работы в человеческую сферу деятельности.
- Технократизм – власть, основанная на решении проблем через применение достижений науки и техники.
- Деконструкция – понятие современной философии, означающее понимание посредством разрушения стереотипа или включения в новый контекст (исходит из предпосылки, что смысл конструируется в процессе прочтения, а привычное представление лишено глубины).
- Омницид – уничтожение всех жизненных форм на планете Земля в результате применения ядерного оружия или вследствие другой антропогенной либо естественной катастрофы.

Параметры глобальной трансформации природы человека

Параметр	Характеристика
Научно-технический	Идеология консьюмеризма, техно-утилитаристские ценности, потребительский стиль жизни, товарно-денежный фетишизм, человек как машина потребления (<i>homo consumens</i>).
Пространственно-временной	Горизонтализация и дестабилизация культурной среды, стандартизация, негарантированность жизненного пространства, динамичность времени, прогрессивное сжатие длительности.
Культурно-нравственный	Массовая дезорганизация, религиозный фанатизм, размывание идентичности, упадок традиционных культурных ценностей, гуманитарная энтропия.

Проявления антропологического кризиса

Распад
традиционных
ценностей

резкое расхождение между ценностями, которые человек наследует от прошлых поколений, и ценностями, которые формируются в современной культуре

Кризис
идентичности

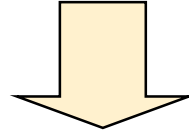
требование современным обществом унификации человека и его соответствия определенным идеалам и нормам

Массовизация

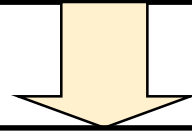
уравнивание характеристик деятельности индивидов, ведущее к определенному уравниванию самих индивидов

Концепция одномерного человека в учении Г. Маркузе

- Понятие одномерного человека относится к конформистскому и апатичному образу жизни, характерному для современного потребительского общества. Одномерный человек – это человек, который полностью ассимилирован в систему, он становится пассивным потребителем, лишается индивидуальности и способности критически мыслить.
- Одномерному человеку присуще искаженное видение мира: отчуждение, «сублимированное рабство» он воспринимает как естественный, желанный, единственно возможный, а иногда и как высший из всех возможных способов существования.

Концепция одномерности в учении Ги Дебора

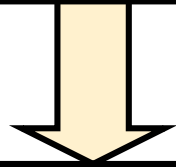

Одномерность означает превращение действительности в последовательность однотипных фрагментов, каждый из которых служит простой функциональной цели, но не имеет связи с другими фрагментами и глубоких значений или целей.

Состояние одномерности возникает в результате деления мира на категории, каждая из которых служит какому-то определенному интересу или цели, таким образом превращая мир в набор изолированных фрагментов, исключающих возможность для глубокого понимания истинной природы вещей и маскирующих реальные противоречия и проблемы.

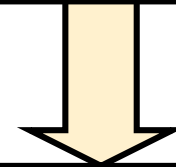
Сравнительный анализ концепции одномерности в учении Г. Дебора и Г. Маркузе

Общее

- критика современного потребительского общества;
- потеря одномерным человеком свободы и автономии;
- апатия и отчуждение автономного человека вследствие подчинения требованиям и ожиданиям общества

Отличное

- Г. Дебор призывает к осознанному противостоянию массовой культуре, Г. Маркузе — к освобождению от одномерности через развитие критического мышления;
- Г. Дебор одномерность мыслит через понятие «спектакля» (процесс рационализации), Г. Маркузе сосредоточен на более широких аспектах одномерности.

Заключение

1. Реконструкция предполагает предварительную деконструкцию – умерщвление человека как функции с последующим воскрешением его как морального субъекта, органического начала, телесного и эмоционального существа.
2. Реконструкция означает преодоление тотальной релятивности и реабилитацию ценностных оснований бытия человека.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
НАД ФЕНОМЕНОМ КОММУНИКАЦИИ:

ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВОРОТА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. И. Янчук,
кандидат философских наук, доцент

ТРИ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XX ВЕКЕ

Социально-
критическая

Поворот от мира к социуму:
нео- и постмарксизм;
феминистская критика
культуры

Экзистенциально-
феноменологическая

Поворот от мира
к человеку: феноменология,
экзистенциализм

Аналитическая

Поворот от мира к языку:
логический позитивизм,
лингвистическая философия,
нео- и постпозитивизм

ТРИ СТРАТЕГИИ, ЦЕНТРИРУЮЩИЕ ИНТЕРЕС ФИЛОСОФИИ К ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Бубер в работе **«Проблема человека»** исследует генезис постановки проблемы человека через призму исторического познания. В истории европейской цивилизации он различает две эпохи: эпоху «обустроенности» и эпоху «бездомности». Если в эпоху «обустроенности» антропологический вопрос уходит на второй план, то в эпоху «бездомности» он, напротив, обостряется.

Вместе с тем темы человека и межличностной коммуникации ранее также являлись предметом исследования у многих мыслителей.

Л. Фейербах в работе **«Основные положения философии будущего»** отмечает: «Отдельный человек как нечто обособленное не заключает в себе человеческой сущности ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общности, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты».

В постклассической философии складывается новый концепт, выраженный дихотомией Я – Ты, Я – Мы, Я – Другой. Главное место здесь занимает коммуникативная, интеракционистская сторона человеческого существования, а интересубъективность и язык в целом ряде философских концепций позиционируют себя как две важнейшие манифестации социальной сущности человека

- Антропологически ориентированные учения: философия языка и культуры В. фон Гумбольдта, а также немецкая философская антропология (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, Х.-Э. Хенгстенберг, М. Ландман, Э. Ротхакер)

Интерес к языку и субъективности, а через них и к коммуникации проявился практически во всех современных философских концепциях

- Экзистенциально-персоналистское, феноменологическое и герменевтическое направления современной философии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, У. Эко, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, Э. Мунье)

- Аналитически-прагматическая традиция: логический позитивизм (Г. Фрэге, Б. Рассел, А. Тарский), лингвистическая философия (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Сёрль), структурализм и постструктурализм (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр)

ПРОРАБОТКА ТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРСОНАЛИЗМЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Эмманюэль Мунье
(1905–1950)

Исходной идеей в рассуждениях французского философа, основоположника персонализма Э. Мунье является положение о существовании свободных и творческих личностей. Личность при этом не определяется как объект, так как объектом может быть только нечто внешнее по отношению к человеку. Личность, напротив, это такая реальность, причем единственная в своем роде, которая познается и одновременно создается человеком изнутри

Жизнь общества – это постоянно возобновляющаяся герилья. Когда жажда затихает, наступает всеобщая апатия и чувства боевого братства, дружбы, любви, кажется, тонут в пучине безразличия. Хайдеггер и Сартр ввели эту проблематику в философию. Коммуникация, согласно указанным мыслителям, заблокирована потребностью человека подчинять себе подобных, владеть ими. Каждый из нас по необходимости либо тиран, либо раб. Стоит лишь человеку посмотреть на меня, и почва уходит у меня из-под ног, присутствие Другого сковывает мою свободу, его выбор встает препятствием на моем пути; любовь отравляет человеческие отношения, превращая их в ад.

Э. Мунье

Полно и всесторонне
разработал категорию
бытия Другого
Мартин Бубер в работе
«Я и Ты»

**М. Бубер выделяет
три основные сферы коммуникации**

Первая: жизнь с природой. Здесь отношение колеблется во мраке, не достигая уровня речи. Творения движутся перед нами, но не могут подойти, и наше Ты, обращенное к ним, застывает на пороге речи

Вторая: жизнь с людьми. Здесь отношение открыто, и оно оформлено в речи. Мы можем давать и принимать Ты

Третья: жизнь с духовными сущностями. Здесь отношение окутано облаком, но открывает себя, оно не обладает речью, однако порождает ее. Мы не слышим Ты и все же чувствуем, что нас окликнули. Мы отвечаем создавая, думая, действуя

Я само по себе не
существует, его
существование
обеспечивается слитностью
с Ты
и Оно.

По сути дела,
Я выступает как
своеобразный конгломерат
Я–Ты и Я–Оно.

Выделяя Оно и Ты как два типа реальности, противостоящих Я в коммуникации, М. Бубер считает, что человек проживает в двух принципиально отличных мирах: монологическом, функциональном, и диалогическом, эмоционально-одухотворенном. В первом Другой выступает в качестве инструмента, позволяющего решать общие для Я и Другого проблемы. Такая коммуникация носит деловой характер и исключает какие-либо личностные моменты. Во втором мире Другой не является объектом. Он скорее партнер в жизненном потоке. Именно в этом мире реализуется подлинное со-бытие личностей, знаменуя собой вершину человеческой коммуникации